

Борзецов В.Л.

*Это было
в двадцатом
веке*

84.2Р6(4кр)

Б 82

12-14 лет

В. Л. Борзцов

Это было в двадцатом веке

39101-3

Советы великих людей.

... Надо работать! Надо что-нибудь сделать! За работу, жизнь не ждёт!
В. Я. Брюсов.

... Часто слышишь, что молодёжь говорит: я не хочу жить чужим умом, я сам обдумаю. Зачем же обдумывать обдуманное. Бери готовое и иди дальше. В этом сила человечества.

Л. Н. Толстой, 256, XIII, ч. II.

... Делай великое, не обещая великого.

Пифагор, 536, 108.

... Если я видел дальше других, то потому что стоял на плечах гигантов.

И. Ньютон, 305, II, 280

... Не начинать дела, боясь ошибок – признак ничтожества человека.

Из «Хитопадеши», 564, I, 89.

... Люди, которым всегда некогда, обыкновенно ничего не делают.

Г. Лихтенберг, 235, 184.

... О том поразмысли, что ждёт впереди, цель выбрав благую, к ней прямо иди.

Фирдуси, 450, I, I.

... Талант – это вера в себя, в свои силы.

М. Горький, 117, VI, 110.

... Без пользы жить – безвременная смерть.

В. Гёте, 95, IV, 35.

*... Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.*

А. С. Пушкин, 347, I, 388.

Пословицы и поговорки народов востока.

*Свадьба красна пеньем, а смерть плачем.
Без ребёнка в семье нет счастья.
Вкусная еда человека веселит.
Горе не извещает, когда придёт.
Каждая птица в своём гнезде хозяин.*

Об авторе.

Василий Лаврентьевич Борзегов родился в 1928 году в Нарымском крае, в таёжном посёлке по реке Васюгану, притоку Оби, в Томской области. Трудовая деятельность его началась с первых дней Великой Отечественной войны, как у многих сверстников в то время. Подростком был почтальоном, в пятнадцать лет он счетовод колхоза. Отец погиб на фронте, мать с детьми переехала в районный центр. Там работал наборщиком в типографии, учился в вечерней школе. Был избран секретарём райкома комсомола, позже переведён в райком партии инструктором, затем в редакцию районной газеты ответственным секретарём. В общей сложности журналистом трудился пятнадцать лет, последние годы, перед уходом на пенсию, заместителем редактора.

Закончил заочно Иркутский заготовительный техникум с отличием, стал работать охотоведом, после продолжительное время директором зверпромпхоза.

Когда ушёл на пенсию, появилось время заняться творческой работой. Он написал повести «Горькие слёзы», «Записки охотоведа», «Переселенцы», «Сказание о лесном народе», книгу для детей «Забава», рассказы на охотничьи и рыбацкие темы, сказки, фантастику. Это у него пятая книга «Это было в двадцатом веке», в ней показана жизнь трёх поколений.

В. Л. Борзегов имеет медали «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-45 г. г.», «Ветерана труда» и юбилейные.

За активную деятельность как заместитель председателя районного совета ветеранов награждён Почётной грамотой Советского комитета ветеранов войны и труда.

Хобби у В. Л. Борзегова любительская охота, рыбалка и фотодело на протяжении всей жизни.

Солдат первой мировой войны

После Петрова дня ненастье сменилось погожими днями. Наступила пора готовить сено скоту на долгую сибирскую северную зиму. Не упустить время, поставить стога запашистого зелёного, чтобы душа радовалась, к этому стремились державшие коней и коров. Вот и поторапливались мужики по росе косить, а подсохнет скошенная трава, собрать в копны и сметать в стога. Угодили идти на луг в одно время семья Фёдора Корешка и Михаила Ильина. Корешок не любил молчать и тут с горбушей на плече говорил бойко:

- Во всех делах лиха беда начало, ядрён ты корень, остальное не в раз, однако же приложится, ежели да кабы не станешь лодыря гонять, по толике, по крупнице в одну кучу сгребать, разумно хозяйничать, тоды горе и беда на пятки не станут ступать.

Ильин поддержал земляка:

- Конечно так, гляди, за пять годков, что сюды перебрались, вроде на ноги поднялись, перестали жить с оглядкой, до Столбова далеко, не угнаться, только и у нас запас на чёрный день имеется. Страх брал с места из деревни сняться, особо бабам покинуть нажитое, да и мужикам пашню, заимки, вросли, поди, за много лет корнями, а пересилили себя, главно по своей охоте перебрались, теперича тут кажись, вращать стали, обвыкли, не на кого пенять.

- Бабы не ревут, душу не рвут, тягость и скудность позади остались. Парнишки вымахали выше меня, - Фёдор захохотал, знал, что он хоть и коренаст, но ростом не вышел, сыновья вытянулись в мать. - Погляди, старшой Ванька уже женихается, Сенька нагонят, коды с Иваном схватятся бороться, то не поддаётся, силёнка есть, - Корешок сказал с подвохом, ведь Сенька заглядывается на дочь Михаила Авдотью, потому хвалил среднего сына.

- Дурного о твоих парнях чё скажешь, на работе других за пояс заткнут, опять же не баловни, не зубоскалы каки, с малых лет нужду познали, отцу помогают хозяйство поднимать, - согласился Ильин. Он не малое дитя, тоже догадывался, Дуська краснеет, когда Семён проходит мимо их избы из пяти стен, или заходит с другими парнями на вечерку, где девки прядут шерсть на прялках или вяжут из шерстяных нитей варежки и чулки.

- Не оглянись, ядрён ты корень, как Ванька оженихается, зачистил зимой на Карюхе, летом на обласке в Черемшанку, там у Духовского на выданьи дочь Марфа. Не перечим с матерью, пусть время проводит, видно, судьба. Каждый парень и девка пару жить на свой век подбирает, кака поглянется, тут как укажешь, ежели цыкнешь, помешать можешь, разладить сговор молодых, жисть им попортишь, - продолжали разговор на житейскую тему Фёдор с Михайлой, они не торопились, роса с валков ещё не сошла, а сгребать с просырью в копны «нагреется», зелёное на вид станет пыльным, скот плохо есть будет.

Впереди ехали верхом на конях парни волочить копны в зароды. За главами хозяйств шли жёны со своими бабьими разговорами, следом взрослые девки, подростки, все отмахивались от тучи комаров, взмывающих из травы и с шумом кидающихся на живые существа, попытаться вместе с оравой других наглых насекомых попить крови, с полудня к ним примкнули пауты и слепни, которые больше кусают и донимают лошадей. Дошли до покоса Корешка, дальше ушла семья Ильина, впереди на коне сын Михаила Иван. Фёдор с сыновьями развели костёр на стану, когда тот набрал силу, набрали на берегу озера разный будильник и побросали в огонь, отчего задымил, ветер с дымом угнал комаров и мошку, стало легче дышать людям и коням.

Фёдор ходил по покосу, брал в руки из рядков сено, сжимал и кидал обратно, наконец, оно «зашумело», стало «ломаться», пора браться грести в кучи, на вилках таскать в копны.

- Господи благослови, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. – Корешок перекрестился, поплевал на ладони, взял деревянные трёхрожковые вилы, Марья и парни грабли и начали «катать» валки сухого сена в кучи. Фёдор поглядел на сынов, в душе порадовался, что выросли помощники, принялся поднимать на вилы взрыхлённое сено и, крикнув, поднимал над головой, повязанной платком, чтобы не сыпалась на волосы труха, нёс его в копну. К вечеру сложили два зарода копен по двадцать.

- Слава Богу, почти на две коровы поставили, ядрён ты корень, токо ба дожжик не помешал, - Фёдор глянул на небо, оно было безоблачным, высоко стремительно летали ласточки, признак того, что быть хорошей погоде.

- Хватит на сёдня, солнце на закат пошло, сено отмякло, пора домой идти, коров доить, - весело сказал глава семьи.

Закончили с заготовкой сена, Корешки начали собирать и сушить в глинобитных печах поспевшую, мнущуюся в руках черёмуху, а на капустных листьях толчёную и замешанную с ржаной мукой чернику и чёрную смородину. Подошёл сезон заготовки кедровых шишек, сбора клюквы, брусники – всё зимой пригодится, а часть надо увезти в деревню на продажу, на вырученные деньги купить одежду, обувь, муку, овса коням, да мало ли чего для хозяйства надо взять.

Неожиданно, перед самым выходом на осеннюю охоту старый Корешок занемог, «кололо» в правом боку, наверное, разболелась печень, хоть и старовёр, а выпить мимо не проносил, потому и взбунтовалась она.

- Кажись, на долго слягу – ни раньше, ни позже, ядрён ты корень, приспичило хворать. Придётся тебе, Иван, так как ты старшой, с Сенькой подаваться в урман без меня. Бродили со мной по привычке, одни справитесь, токма далече не ходите, на север к юганцам чтобы ни ногой, они захожих не любят, встренут и того могут, не поглядят, что парнишки, вам своё урмана хватит. В пургу али мороз сидите на стану, всё едино – звери в непогоду отлёживаются в норах, дуплах и гнёздах.

- Ладно, тятя, поди, не маленькие, - по-взрослому сказал Иван, кивнул головой Сенька, приклеивавший выделанную шкуру молодого жеребёнка на лыжи-голицы, сделанные из высушенной осины. Отец приметил: Семён сноровистей на охоте и смекалистей, всегда добывал белок, колонков, глухарей больше, чем он сам, уже привыкший к промыслу диких зверей и боровой дичи. Парнишка бегал по лесу шибко, лишь бы услышал призывный лай собак, загнавших на дерево соболя или белку. В пропитанном потом зипуне, мокрой рубашке приходил в темноте на стан. В морозную погоду на бороде и усах появлялись сосульки. У натопленной железной печи вешал на вбитые в стены избушки деревянные штыри одежду и обувь сушиться. Как большинство охотников, наливал из котелка кружку горячего чая утолить жажду, тогда принимался снимать шкурки с добытых зверьков, развешивал их сушиться подальше от жаркой печи, чтобы не «сгорели», точнее сказать не засохли и не потеряли вида для продажи купцу.

Питались на промысле Корешки хорошо: варили суп из сохатины, глухарей, рябчиков, куропаток, особо всем нравилось нежное беличье мясо. Спали затем так крепко, после того, как намяются днём, исхोлив не один десяток вёрст, что хоть «за ноги тащи» - не услышат.

- За нас не переживай, не впервой шляться по урману, не заплутаемся, к юганцам пошто пойдём, места у себя не обойдёшь за неделю, кругом дремучий лес, - продолжил Сенька.

Выпал первый небольшой снег, потом подвалило ещё, да так добавило, что хоть иди на лыжах, однако, их не надели, но нарты с сухарями, солью, чаем, сахаром и другим необходимым тащили по известной дороге – таёжному путику с затёсами проворно, у молодых, неженатых запас энергии и сил, особо в охотку, предостаточно. Надо торопиться ещё потому, чтобы за световой осенний день добраться до избушки, затерявшейся среди вековых кедров и елей, на берегу речки Катыльги. В пути Сенька спросил старшего брата:

- Ты, чо, Иван, не женишься, наверное, Марфа жаждалась?

- Тебе чо, али сам задумал Дуську брат, ждёшь, кода уйду из дому?

- Пошто уйдёшь, живи, места всем хватит, тятя поминал избу делать тебе.

- Слыхал, чо люди говорят: жениться не напасть, кабы женатому не пропасть. Надобно ума набрать поболее, выучиться хозяйничать, не мешает денежек на первый случай немного заиметь, - рассуждал Иван.

Сенька остановился, глянул на брата, захохотал:

- Ты, паря, как наш сосед Столбов Васька, скоко не хапает, ему всё мало. Я так кумекаю: ежели девка подходяща, то чо дремать, бери, пока другой не взял, ведь её отец с матерью отдадут, ежели, кто подходявый подвернётся, тогда, прощай, невеста, ты вот помешкаешь, и Марфу уведут. Подумаи, кода младший брат толкует.

- Не каркай, как ворона, Марфа не така, обещала, за другого не пойдёт, - Иван даже в лице переменялся, за живое задел его слова Семёна.

- Мне то чо, как хош, я вот тянуть не стану, возьму и посватаю Дуську.

- Ты чо энто?! – напугался Иван. – Тебе ишшо семнадцати нет!

- Нет, так станет, не отпадёт голова, толкуют люди, борода вырастет.

Разговор их прервал злобный лай бежавших впереди собак, по всему видно – на крупного зверя. Братья оставили нарты, с ружьями, заряжёнными пулевыми патронами, заторопились, почти бежали, вдруг да сохатый, недалеко от избушки завалить бы, таскать мясо близко.

- Гляди, какой бык стоит! Подкрадывайся, кода собаки гавкают, не то учует и сбежит! – наставлял Иван, это знал Сенька без него. Подошли, скрываясь за ветками деревьев, шагов на полсотни, подняли ружья, прицелились, «бах», следом «бах». Сохатый отмахивал головой собак, кидался на них и в пылу ярости не услышал шагов охотников. Он, после выстрелов, вздыбился, прыгнул, оглянулся, но «прошитый» по лопаткам и груди приклонился к кусту рябины, мыкнул громко и завалился.

- Во, повезло, так повезло... - сохатый услышал голоса людей, собрался с силой, поднялся и кинулся на парней, те успели отскочить за стоявшие поблизости деревья. Дикий зверь с прыти врезался в одно, за которое успел рвануть Иван, сломал крепкий, красивый рог и сильный, могучий телом лесной великан, словно и не стоял на толстых высоких ногах. Больше у него не хватило сил отомстить за себя.

- Мог бы растоптать как курёнка, - вышел из укрытия старший брат, напуганный и враз вспотевший. – Не болтал бы заранее, покуда брыкаться перестанет! – закричал на одичало глядевшего на животное Семёна.

- Я подумал всё, не встанет, - оправдывался тот.

- Ладно, в другой раз умнее будем. Придётся тут заночевать, не успеем управиться засветло, до избушки не дотянем.

Собаки не испытывали страха, многих сохатых приходилось им останавливать, «держат», прыгать перед носом и увёртываться, если зверь кинется. Сделав своё дело, облаив сохатого, показав хозяевам зверя, тяжело дышали, лёжа на снегу, виляли хвостами, довольные, понимали, что им достанется вкусный кусок мяса, не станут голодать.

На другой день с гружеными нартами Иван и Семён подошли к стану, увидели такое, отчего стало страшнее, чем, когда кинулся на них сохатый. Большой бурый медведь видно не торопился ложиться в берлогу, «похозяйничал» в их избушке. Отставшие было собаки обогнали парней и с яростным лаем кинулись к избушке, из неё тоже напуганный выскочил «хозяин урмана», некогда было ему мешкать, рывкнул на собак, круто развернулся и, дай Бог ноги, закидывая задние за передние, бросился убежать.

- Выручили нас собаки, не подоспели ба вовремя, кинулся ба на нас. С ним шутки плохие. Собак, вишь, сам испужался, - говорил Иван, когда вошли в избушку, в которой печка, стол, нары были перевёрнутые.

- А ведь правду сказал, повезло нам, сохатого добыли, и холерский медведь нам бока не наломал, собаки еле прогнали, сбежит подале, сам, небось, за шкуру свою штанами мохнатыми трясёт, - шутил Сенька, вроде, ничего не случилось, поднимая и ставя на место печь, стол, чурки для сидения.

Больше за пять недель подобных происшествий не произошло, были мелкие: то раненый соболь вцепился Ивану в руку острыми зубами, то подстреленный глухарь кинулся на собаку и долбанул крепким изогнутым клювом в голову, да так, что та завывала от боли, то... да мало ли таких «то», они каждый день на промысле обычные, как и в юрте можно обжечься горячим чаем или по неосторожности сломать ногу.

Уставшие, обросшие, грязные, с сосульками на бородах и усах, с обветренными, обмороженными лицами вернулись парни домой. Они отвыкли от домашнего уюта, тепла, голосов отца и матери, от ржания коней, мычания коров, блеяния овец, свежего хлеба, жареной картошки, молока, ухи из окупней и карасей. Жизнь для них будто начиналась заново, пошли домашние дела: давать скоту сено, гонять на водопой к проруби, чистить навоз, пилить и таскать дрова, носить воду с озера и так далее, мало ли хозяйственных дел, надо помогать отцу и матери.

Наступала масленица. Тёплые весенние дни на севере пришли не сразу, зима не желала уступать, однако, поднявшееся повыше в небе солнышко стало греть. Отогревшись к этому времени и сердца людей после продолжительной зимы, особенно у молодой поросли: парней и девчат. Пробуждалась природа, лес, звери, птица, рыба, начиналась постепенно пора обновления, появления себе подобных для продолжения и умножения всех видов и пород, а в добрые урожайные годы, когда много корма, увеличивался во много крат.

Иван запряг Карюху, по наторенной дороге поехал в Черемшанку встретиться с Марфой, договориться о свадьбе. Ему запомнились слова, сказанные в шутку Сенькой, мол, помешкаешь, и её уведут. Встретили его Духовские как будущего зятя, потчевали брагой, кормили пельменями, жареными линиями, оладьями, в общем, будущая теща постаралась. Вышедшие затем на улицу молодые порешили не откладывать свадьбу, только невеста поставила условие: она одна у родителей, потому жить будут у неё в избе, и никак иначе.

- У твоего отца и матери ишшо останется два сына, помощники, а кто моим сена накосит, дров напилит? – твёрдо стояла на своём Марфа.

- Так молодуха должна в дом жениха идти, отец обестил избу поднять пятистенную...

- Токо так, как я толкую, ужо маманя ране мне о том жа толковала. Так што сам гляди. Конечно, я без тебя не могу, однако, поперёк воли родителей не пойду, - твердила невеста.

- Не знаю как, надо с тятей и маманей потолковать, - Иван на вид вымахал как тяжеловоз, но слабохарактерный, подчинялся отцу и матери, не спорил, делал, что говорили, тут отвёл глаза, развёл руками. Вернулся он домой, два дня думал, как сказать о женитьбе. Старый Фёдор догадывался, как бы, между прочим, спросил старшего:

- Гляжу, чо то ты скис, как в Черемшанке побывал, может невеста больше не желает ждать, весна ведь пришла, тепло и всё такое прочее принесла. Может, жениться задумал, так и толкуй: пора на пятки наступила, ядрён ты корень, тоды открывать станем ворота. Рано или поздно, того надобно было ожидать, не ты первый.

Иван от слов отца вроде оторопел, как мог догадаться, однако промямлил, выдал из себя:

- Кажись... С Марфой сговорились сватов засылать...

- Чо жа молчуна строишь, раз вели сговор? Подём к матери, пускай она знат.

Мать в то время стирала в бане, глянула на вошедших и поняла неспроста старый с Иваном зашли.

- Вот, мать, масленица скоро прикатит, свадьбу надобно справлять, Ванька признался, жениться собрался на Марфушке Духовской.

- Не рано ли, сынок, надумал семьёй обзаводиться, можа, годок повременишь?

- Ты жа с тяткой обвенчалась в семнадцать, мне стукнуло восемнадцать! – вдруг запротестовал жених.

- Во, ядрён ты корень, уел нас, а ведь правду толкует, нам по семнадцать было, так что... Видно, мать, подошла пора, никуда не денемся, придётся раскошеляться. Пачельгина стану звать сохатого в лесу, а рыбы на ключах добывать, браги хмельной сделаем, чтобы не хуже, как у людей.

- Марфу то я раза два видела, летось наведывалась с матерью сюды, девка вроде ничё, видная из себя, как только характером – добрая, али вредная, - рассуждала мать жениха.

- Толковала ба о чём другом, у самой то не мёд, а, гляди, два десятка отмерили, всяко было, ой всяко, тебе палец в рот не клади...

- Сам то не лучше, по твоему току и делай! – начала расходиться Марья.

- Не скажи... Ладно о нас, а то начнём, до ругани дойдёт. Мы жа о деле толкуем. Откладывать, наверно, не станем, а то найдётся попрытче и уведёт невесту из-под носу. Они, девки, такие, посулят поболе, рай наобещают, и клонет на приманку. Как ты думаешь, Иван? По глазам вижу, согласный, да язык будто проглотил. Давай в воскресенье поедим свататься. Ну, ядрён ты корень, закатым свадьбу!...

- Можа в своей юрте найдёшь, хошь ба у Ильина девка Авдотья, чем хуже Марфы? – пыталась выведать мать, мила ли Ваньке невеста, что подыскал.

Сенька даже поперхнулся, подошедший невзначай к бане и услышавший разговор. В голове у него помутнело от ужаса: ведь они друг дружке приглянулись, Ваньке её предлагают! Он завтра же женится на Дуське! Отец с Иваном бросили косые взгляды на раскрасневшегося парня, знали о них, поняли, в каком состоянии тот находится.

- Мать, ты не то толкуешь, как можно перечить, ежели у жениха и невесты ладится, мешать не станем, жить им, а выбрал молодца, не пеняй на мать, на отца, так же жених: выбрал, лихо ли станет, потом жисть покажет, от судьбы не сбежишь, - подвёл разговор отец, дав согласие сыну на самостоятельную жизнь, чем обрадовал старшего и не меньше Сеньку.

Времени до масленицы оставалось не так много, потому Корешки не стали мешкать со сватовством, вскоре появились в избе Духовских, те знали от дочери о сговоре молодых, ждали сватов. Фёдор и Марья помолились на образа в переднем углу под расшитым полотенцем, Корешок весело проговорил:

- Мир дому сему. Доброго здоровья хозяевам и ладной жисти тебе, Семён, и тебе, Настасья.

- Проходите, проходите, не обессудьте, в избе не прибрано, не ждали гостей, - застеснялась хозяйка, хотя пол в избе выскоблен до блеска, стены тесанные влажной тряпкой протёрты, пылинки не найдёшь, скамья белым бела.

- Ничё, ничё, энто нас извиняйте, как толкуют: незванный гость хуже тарина, но не о том разговор, приехали по важному и неотложному делу, - старался Корешок, как лучше высказать цель своего посещения Духовских, но его перебил хозяин:

- Раз зашли в избу, тоды разболакайтесь, за стол присаживайтесь, сёдня воскресный день, отведам, чо Бог послал, потолковать найдётся время.

Хозяйка захлопотала: из русской печи вытащила чугунок с жирным супом из сохатины, поставила рыбный пирог, квашеную капусту, солёные огурцы, шаньги, оладьи, всё с усердием поставила на дощатый стол, застеленный цветастой скатертью.

Корешок вышел и вернулся с берестяным туесом, наполненным хмельной брагой.

- Фёдор, да ты чо срамишь хозяев, разве такое бывает, чтобы гость ставил своё хмельное?!

- Вишь, ядрён ты корень, ежели бы просто гости, то ведь сватать думам вашу дочку. Приглянулась нашему сыну Марфа, потому и магарыч наш, вы уж не обессудьте, мы по обычаю, ведь так?

- Да энто знамо так, тода ладно, наперёд ваше, потом наше, посидим, потолкуем, торопиться некуда, - согласился Духовской. - Не стану перечить. Мы не знали, хотя, заправду сказать, слушок ходит. - Будущий тесть поглядывал на будущего зятя - крепкого сложения парня, знал его и слышал о нём.

- Што на энто скажете? - с весёлой улыбкой спросил отец жениха.

- Так наше дело, как невеста на то глядит, ежели... то... Марфа, поди сюды, тебя касается разговор, - позвал он дочь.

- Чо, тятенька?

- К нам, вернее, к тебе сваты прибыли, слова твою знать желают: согласна ли ты замуж за Ивана? - глянул на нарядную, зардевшуюся как маков цвет, дочь.

- Согласна я, ему обестилась, - невеста потупила взор, - токо...

- Чо, дочка? - встрепенулась мать.

- Сказала Ивану жить у нас, - договорила Марфа.

- Как у вас? - мать жениха поперхнулась и осеклась.

- Я настояла. У вас парни есь, тоже, почитай, женихи, места мало, у нас можно жить.

- Ну чо жа, ядрён ты корень, кажись невеста не супротив, а где жить молодым, отцам и матерям надобно уговориться. Как скажете, Семён и ты, Настасья?

- Вроде всё понятно, должно нам не мешать их сговору, - отозвался отец невесты. - О месте, где жить я не противник, избы хватит, не поглянется, новый поставим, отделим, пускай сами хозяйствуют.

- Доченька ты моя, - закрыла мать невесты лицо фартуком, - подошло твоё время...

- Ты, того, мать, не куксись, не наводи тоску, не она одна замуж выходит, ты тоже не отказалась, коды я посватался

- Так то я дура была!

- Не, Настасья, ядрён ты корень, - возразил подвыпивший Корешок, - толкует жа: бабы каются, девки собираются. Выходить замуж - тако испокон веков творилось. Все от Бога! Выходит, порешили, уладили обоюдную заботу. На масленицу ждём к нам, с жениховой стороны положено начать гулять, - подытожил Корешок.

- Ладно, уговор дороже денег, - поддержал отец невесты.

В масленицу парни и девки русские и остяки катались с крутой горки в сторону озера на больших саниах без оглобелей или в плетёных из черёмуховых прутьев коробах. Малышня съезжала, кто на санках, кто на лыжах, а у кого их не было - на ногах. Такой шум стоял, крики, хохот, когда сани, развернувшись, переворачивались, «ездок» продолжали катиться, вернее, кувыркаться, «лететь» под откос без шапок с задранными юбчонками.

К полудню к избе Корешка, находящейся против горки, где галдело молодое поколение юрты, подъехали отец и мать с невестой и их друзья Есауловы. Подошли сосед Степан Столбов, Михаил Ильин, Лаврентий Созонтов с жёнами, друг Корешка остяк Пачельгин с женой и сыном шаманом, заменивший старейшину Альвина сын Серафим.

Гости входили в избу, крестились в передний угол, на икону, говорили:

- Мир дому сему, хозяину и хозяйшке здравия, вдосталь иметь всего!

Как когда-то в Айполово у Нестера Столбова на столе стояли блюда с жареным и вареным мясом, пироги рыбные, ягодные, грибные, студень и многое из лесных даров.

Жениха и невесту посадили под образами, по бокам от невесты её отец и мать, черемшанские, по другую сторону Сенька, Петька и катальгские. Корешок и Марья наливали брагу, подкладывали на блюда угощения. После второй-третьей чашки выпитой браги гости оживились, заговорили, зашумело у них в голове, раздались крики «горько», в чашки толкали деревянные ложки, кидали капусту. Жених и невеста несмело, тихо поднимались и для видимости прижимались губами.

- Столько вам сынков, сколько в лесу пеньков и столько дочек, сколько на болоте кочек!!!

- Живите дружно, уважайте друг дружку, как голуби сизокрылые!

- Не живите чужим умом, свой имейте!

- Не слушайте разных сплетен!

- Обвенчайтесь в христовой церкви для крепости и радости на всю жизнь.

Михаил Ильин вышел из-за стола, взял гармошку и весело крикнул:

- Плясовая, подгорная!

Бабы первые наперебой выскочили в круг и пошла пляска, шум до потолка. Натешившись, наплясавшись «до упада», накричавшись и напевшись частушек, уселись за стол, выпили и запели:

Когда имел златые горы

И реки полные вина.

Всё отдал бы за ласки, взоры,

Лишь ты владела мной одна.

Не упрекай несправедливо,

Скажи, всю правду мне открой,

Тогда свободно и счастливо,

С молитвой мы пойдём к венцу...

Ильин подыгрывал на гармошке.

Живёт моя отрада

В высоком терему,

А в терем тот высокий

Нет хода никому.

Я знаю, у красотки
 Есть сторож у крыльца,
 Но он не загородит
 Дорогу молодцу.
 Короткая расправа
 С ним будет у меня,
 Не скажет он ни слова,
 Отведав кистеня.
 А мой кистень сильнее
 Десятка кистеней,
 Была бы только ночка
 Сегодня потемней.
 Была бы только ночка,
 Да ночка потемней.
 Была бы только тройка,
 Ах, тройка порезвей.
 Только успели пропеть последний куплет, Ильин заиграл напев следую-
 щей песни:
 На горе то калина,
 Под горою малина.
 Ну что ж, кому дело калина!
 Ну кому какое дело малина!
 Там девицы гуляли,
 Там красные гуляли.
 Ну что ж, кому дело, гуляли!
 Ну кому какое дело, гуляли!
 Калинушку ломали,
 Малинушку ломали.
 Ну что ж, кому дело, ломали!
 Ну кому какое дело, ломали!
 Во пучочки вязали,
 Во пучочки вязали.
 Ну что ж, кому дело, вязали!
 Ну кому какое дело, вязали!
 На дорожку бросали,
 На дорожку бросали.
 Ну что ж, кому дело, бросали!
 Ну кому какое дело, бросали!
 И так пляски, песни, шутки, прибаутки до утра. Исполнили обычай:
 одарили молодых, кто чем мог. Корешок дал жеребёнка от Карюхи, Духов-
 ской – нетель, Столбов – овцу, Ильин – петуха и двух кур, Пачельгин –
 щенка – будущего медвежатника. По избам своим разошлись с восходом

солнца, истратив весь пыл сердец и свою силушку, какая была до начала
 свадьбы. Не боле, как через два часа пришёл опохмелиться друг Корешка
 Пачельгин.

- О, якая, Ветор, серсе горит, туши скоре бракой, давай гушу, токо огонь
 туши огненной водой, - сам не стоял как надо на ногах, качало во все сторо-
 ны. За ним вскоре Альвин, к полудню собралась вся компания, да снова и
 ладом.

К вечеру уехали родители невесты, на другое утро к ним Корешки, же-
 них с невестой, Столбовы, Ильины. В Черемшанке собралась вся деревня.
 Три дня ещё там. Свадьба получилась отменная, главное, без ссоры, драк,
 ругани.

Не появилось ещё потомство у старшего брата Ивана, как Сенька же-
 нился на Дуньке Ильиной, тихой, спокойной, как её отец и мать. Семён с
 молодой остались жить в избе родителей жениха, сын помощником отцу во
 всех делах, а невестка – свекровке. Прошло девять месяцев, и у них родился
 сын, назвали его Лаврушей. Исполнился ему год, стал ходить, мало плакал,
 ребёнком был ласковым, смеялся, особенно, когда смешили. На втором году
 он сильно захворал и чуть не сгинул, когда сам Корешок и молодой отец
 ушли в урман, а Марья решила в студёную зимнюю пору морозить таракан-
 нов и клопов, перешли на время пожить в бане. Клопы кусали, не давали
 спокойно спать, а тараканы, завезённые из деревни, лезли на хлеб, попадали
 в суп, уху, молоко, жили в щелях стен и на русской печке. Мальш, видно,
 остыл, кашлял. Еле отходили кипяченым молоком и горячим картофельным
 паром.

В последующие годы особых перемен у Корешковых не было, охотни-
 чали, рыбачили, держали скот, растили картошку и овощи в огороде, зимой
 сбывали заготовленные кедровые орехи, рыбу, шкурки лесных зверьков.
 Ездили на подводах в деревню, откуда уехали «в остяки».

Сосед Корешка, Степан Столбов с каждым годом становился зажиточ-
 нее. Хозяйство его с сыном Васькой увеличивалось, одних коней держал
 семь, пять коров, нетелей, свиней, овец, кур. Привёз из деревни «маховую»
 продольную пилу, пилили кедровые и сосновые сутунки (брёвна) на плахи,
 тёс; заменил берестяную крышу избы с дёрном на тёсовую; поставил у озера
 кузню, ковал гвозди, делал крючки, скобы дверные, другое, нужное в хозяй-
 стве и соседям.

Не жаловались на новую жизнь новосёлы в Айполово, Катальге и Че-
 ремшанке. Тянулись за ними другие деревенские, которые селились ниже по
 Васюгану – ближе к Оби.

У Семёна с Дуней в горнице стояла деревянная кровать. Отец с матерью
 летом спали под крышей между баней и амбаром на нарах в ситцевом поло-
 ге. В одну из тёмных ночей, утомлённые после покоса, молодые были раз-
 бужены необычным тревожным шумом: они явно слышали, как в прихо-

жей с сильным грохотом развалилась глинобитная печь, истошно заорал кот, залаяли собаки, а потом протяжно завyli. Перепуганные, в нижнем белье Семён и жена открыли дверь из горницы, удивлённо глядят, в прихожей стоит печка, кот лежит на лавке, сверчок цвyrкает.

- Што энто такое было, ты слышал? – спросила хозяйка.

- Ишшо как слышал! – ответил Семён.

Отец с матерью услышали тревожные голоса, вой собак, заспешили в избу.

- Што тут у вас сподобилось? Чо повскакали? – спросил Корешок.

Сын рассказал, что им почудилось.

- К худу, наверное! – закрестилась оробевшая Марья.

- Поживём-посмотрим. Даст Бог, обойдёт нас беда и горе, - неопределённо сказал глава семьи. Он вышел на улицу, поднял глаза в небо, молодой серпообразный месяц бледно светил на чёрный в ночи лес за Васюганом, на домашнее озеро, в котором отражалась луна. Старик задумался: вроде наладилась житуха, но какая-то притча должна приключиться, редко бывает к добру, больше к худу. До утра так и не уснул.

Притча та скоро проявилась. С особым нарочным из волости пришло письмо. В юрте грамотных не было, привезший весть молодой русский человек прочитал по слогам, что написано в той бумаге: «Корешков Семён Фёдорович призывается на службу царю и отечеству, должен немедленно прибыть в волость».

- Вы разве не слышали, война началась с германцами, созывают в солдаты спасать Россию от врага-супостата.

- Господи, Боженька наш всемилостивый, спаси и помилуй нас! Вот беда, вот горе свалилось на наши головы! – запричитала Марья, вытирая передником лившие из глаз слёзы. – Сынок ты наш, оставишь нас горемыкать, сам там можешь голову сложить...

Дуня глядела, слушала, и до неё дошло, что останется солдаткой с малым дитём и другого, кажется, понесла. Она заревела громче свекрови, понимала, какая предстоит тяжёлая жизнь в военное время без кормильца.

Нарочный поел и отправился в юрту Айполово, там возмужали теперь уже женатые Столбов и Ижболдин. Перед отъездом нарочный сказал Семёну:

- Передали в волости не мешкать, время такое, могут наказать, под какой-то трибунал отдать.

Вот тебе печка развалилась, кот орал и собаки выли, - подумал Корешок.

- Ничё не поделать, собирай, ядрён ты корень, Сенька котомку, садись в обласок, поспешай в волость, тамака таких как ты обчеством в Томск город справят, потом должно на фронт воевать.

Марья, прощаясь в слезах с сыном, сняла с себя нательный крестик и повесила на шею сыну.

- Господи, Боже мой, пожалей сына мово, заступись в трудное времечко, не дай сгинуть на чужой сторонке.

Провожали новобранца в погожий день, когда на лугу подошло время убирать в стога сено.

Ехал Семён на долблёнке по извилистому Васюгану один. Остяков на цареву службу не брали. Ниже русских селений, где были бы годные мужского пола к защите отечества, не оказалось. Встречные остяки, жившие летом на станах-песках по речке, относились к нему дружелюбно, сносно объяснялись, звали ночевать, потчевали, что у кого было, на дорогу давали вяленое сохатиное мясо и рыбу.

Семён несмело вошёл в рубленый волостной дом. Старшина сидел за столом, поднял от каких-то бумаг бородатую голову немолодой, с морщинистым лицом человек, громко спросил:

- Откуда прибыл, и как зовут?

Корешок от этого резкого, твёрдого голоса вздрогнул.

- Из Катальги, Семён Корешок.

Старшина поглядел в лежавшую перед ним бумагу и снова громко сказал:

- Не Корешок, а Корешков, запомни это.

- Понятно, - тихо ответил Семён.

Старшина позвал из другой комнаты молодого, хорошо одетого мужчину и сказал отвести Семёна к другим, таким же будущим защитникам отечества. Они оказались все местные, из Среднего Васюгана, населённого пункта, больше которого по реке Васюгану в ту пору не было, и жили тут люди разных народностей и сословий: вольные переселенцы, пришельцы неведомо по каким причинам со стороны Оби, может, искали свободные земли, может высланные политические, или скрывались от ответственности за разбой, грабёж, воровство. Весёлые, подвыпившие ребята не унывали и представлялись Корешкову:

- Смирнов, Томский, Якис, Дровалев, Солондин.

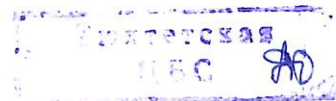
- Не горюй, ребята, двум смертям не бывать – одной не миновать... Где и когда? Поживём-увидим, - смеялся толстый белобрысый Корнила Томский.

- Тебе чо, ты не женатый, у меня двое детишек остаются, горя и нужды хлебнут, - угрюмо ответил Смирнов Владимир.

- Да, бары дерутся, у холопов чубы летят. Чо тому немцу надо на Россию лезти? Чо делить? А гибнуть станут невинные люди, вроде нас с вами, - возмущался Епифан Дровалёв.

- У тебя батка, видно, политикан. За такие слова можно угодить в катажку, - всё так же хохотал Томский.

39101-3

- Легче в тюрьме отбыть, там не стреляют, окопы не копают и не убивают, как на фронте.

- Ладно, ладно, молчите лучше, не то у стен уши бывают, - закончил разговор на эту тему рассудительный Смирнов.

На третий день прибыли из Айлопово вместе с нарочным Кузька Столбов и Пашка Ижболдин, они вроде как земляки Семёну, ему среди них веселее. Собранных по волости мобилизованных посадили на крытую берестом завозню (лодку) и под присмотром писаря волости, отводившего Корешкова к остальным, отправили на пересыльный пункт в Каргасок (Медвежий мыс).

- Вот так, ребяташки, будущие солдатушки, садитесь попеременно вчетвером, закладывайте гребни в уключины, помогите попутному ветру гнать посудину до Оби реки.

Фарсистый в рубахе косоворотке Карнила Томский, балагур и весельчак, посмотрел на гребни, потом на уключины, закатал рукава выше локтя и командовал:

- Сенька, Кузька, Пашка, садись! Гребни на воду! Сказано, садись, не то взашей надаю! Офицерье небось гаркнут, не послушаете, тоды по уху неслушников.

Названные ребята уселись на поперечные доски, разом подняли гребни, и их понесло по тихо катящему спокойные воды реке Васюгану, который постепенно расширялся, по сравнению с верховьем в три или четыре раза.

Тот же Томский продолжал командовать:

- Запевай! – и начал сам:

Последний нонешний денёчек

Гуляю с вами я, друзья.

А завтра рано, чуть светочек,

Заплачет вся моя семья.

Заплачут братья, мои сёстры,

Заплачут родный мать, отец.

Ещё заплачет дорогая,

С которой шёл я под венец.

Коляска к дому подкатилась,

Коляска об землю стучит.

В коляске старший отвечает:

Готовьте сына своего.

Крестьянский сын давно готовый,

Родня вся замертво лежит...

Не вытерпел Смирнов, на глазах у него появились слёзы.

- Хватит, давай другую!

- Не нравится? Тогда давай такую:

Отец мой был природный пахарь,

А я работал вместе с ним.

Отца убили в первой схватке,

А мать живьем в костре сожгли.

Сестру родную в плен забрали,

Она не долго там была.

Три дня, три ноченьки старался,

Сестру из плена выручал.

А на четвёртый постарался,

Сестру из плена я украл.

С сестрой мы в лодочку садились,

И плавно плыли по волнам

Но вдруг кусты зашевелились,

Раздался выстрел роковой.

Злодей пустил свинцовую пулю,

Убил красавицу сестру.

Я выйду на гору крутую,

Село родное погляжу.

Горит село, горит родное,

Горит отцовский родный дом.

- Эта полегче, а? Какую же ишшо? Чо затынем? А вот энту:

Однозвучно гремит колокольчик,

и дорога пылится слегка,

И уныло по ровному полю

Разливается песнь ямщика.

Сколько чувства в той песне унылой,

Столько грусти в напеве родном,

Что в груди моей холодной, остылой

Разгорелось сердце огнём.

И припомнил я ночи иные,

И родные поля и леса,

И на очи, давно уж сухие,

Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,

Издали отдаваясь слегка,

И замолк мой ямщик... А дорога

Предо мной далека, далека...

Парни примолкли после этих печальных, тревожных песен, вспомнили «родные поля и леса», и о том, что «дорога далека, далека», куда она приведёт, и приведёт ли обратно в отчий дом. Молчание прервал писарь:

- Корнила, ты где выучился распевать таки песни?

- На гулянках пели, я на печи, али полатах лежал, слова и мотив сами в голову лезли. Отец и мать часто одни зимой по вечерам распевали под гармошку. Отец играет отменно, я тоже выучился, токо гармошку отец не дал,

толкует, украдут, али спортишь, таскать станешь, придёшь домой – наиграешься.

С песнями, частушками, разными рассказами и былях и небылицах ехали северяне с речки Васюгана в далёкий, очень далёкий путь. Песни песни-ми, а лягут спать, лезут в голову плохие мысли, ведь не на свадьбу, на войну едут.

Писарь передал «команду» в Каргаске молоденькому, щеголевато одетому офицеру. Небольшой колесный пароход буксировал баржу, в трюме которой ютилась почти неделю большая группа мобилизованных, старше годами многие, чем васюганцы, которые держались «в кучке», места их были рядом, сдружились. Выходили на палубу баржи, дивились на могучую Обь.

- Вот это река, широка и глубока! – восклицал Томский. – Рыбы в ней полно красной: осетра, нельмы, стерляди. Мы их не видали, и не едали. Окунки, ёршики, карасики, гальяны – эта пища наша, а на фронте и их не увидим, дадут ржавую селёдку, рот заткнут и молчок, ни гу-гу, будет утром, в обед и ужин каша – пища наша.

Город Томск встретил парней, прибывших из остяцкого лесного края, людским гомоном и шумом. Они впервые увидели большие двух-трёхэтажные дома с узорчатыми наличниками, извозчиков, которые везли на сытых, ухоженных лошадях дородных мужчин и богато одетых дам. Видели они это, когда их вели строем в давно построенные тёмно-серые деревянные казармы. Вскоре провели медицинское освидетельствование и в теплушках, под стук вагонных колёс везли на запад, где грохотала война с Германией. Как на Оби и в Томске, в пути по железной дороге они не скрывали удивления:

- Глядите, сколько едем и чудно: степям и полям конца не видно!

- А у нас болотам и тайге тоже конца не увидишь – парировал всё тот же Томский.

- Огурцы вы зелёные, это же Барабинские степи, - объяснил офицер. – Ты откуда родом? – спросил он Томского.

- Кто? Я? С Васюгана.

- Где такой город или деревня?

- Васюган? Так это же речка!

- Вот и видно, что ты живёшь у чёрта на куличках, кроме своей речки нигде не был и ничего не знаешь.

Ничего не видевшие северяне, дивились Москве, хотя кроме вокзала, им не разрешали никуда ходить. Их, собранных со всей Сибири, высадили на небольшой станции, стали муштровывать, обучали стрелять из винтовки трёхлинейки, образца 1891 года, копать окопы. В солдатской форме отправили туда, где велись бои. Необстрелянные, по сути «птенцы», принявшие присягу, были направлены в поредевшие в боях полки, там в роты. Васюганцы

попали в один взвод по просьбе вездесущего Томского, сумевшего упротить офицера.

- Ну, братцы, сибиряки-васюганцы, держитесь вместе, не кидайте в беде, ежели кого ранят, али ишшо что, последний сухарь и то пополам, - наставлял Корнила.

- Ладно, - согласились братцы, негласно признавшие того за верховода.

Корешков дома не курил, а тут давали махру, он с солдатушками-бравыми ребятушками выучился курить от нечего делать, когда лежали в окопах. Отец бы за это выстегал вожжами, вера киржаков не позволяла такого богохульства. На фронте, где грохочут пушки, трещат пулемёты, стреляют из винтовок, боязно и страшно, а покурит – вроде легче станет. Ночью думы появляются о доме – как там живут, что нового в хозяйстве, у соседей. А до того Кузька с Пашкой начали насмехаться:

- Семён, ты бороду клинышком и усы отрастил, а вроде на мужика не похожий, потому что не куришь, как ангелок. – Корешков подумал, ведь он такой же как все, затянулся раз-другой табачным дымом и поехало-пошло. Так и с водкой было: дома выпивал немного хмельной браги, здесь же давали спиртное градусами покрепче, а, была не была, лиха беда начало, вот и стал солдат Корешков таким же как все: курил, выпивал.

Немецкие окопы были недалеко. Русскому полку, в котором находились братцы-васюганцы, дали боевое задание: овладеть небольшой выгодной высотой. С винтовками, со штыками и криками «ура» бросились солдаты на противника, а его нет, не вышли из своих окопов. Пробежали немного, Корешков глядит, дым какой-то навстречу «катится» клубом. Бежавший офицер сообразил, закричал «газ», и «назад», кто-то понял, кто-то продолжал движение вперёд. Видит Корешков, не сумеет добраться до окопов раньше газа, на ходу схватил какие-то стружки, подвернувшийся дощатый ящик, выскочил на бугорок, чиркнул спичкой, загорелись сухие стружки, разломил ящик, кинул в огонь. Подгоняемый попутным ветром, ядовитый газ «докатился» до костра с дымом, перевалил и помчался дальше. Корешков, с зажатым носом, и братцы, бежавшие рядом, лежали лицами к земле, стараясь реже дышать. К ним подбегали со всех сторон солдаты и кидались плашмя рядом под дым. Поднялся Корешков через какое-то время и обомлел: задыхающиеся от газа, парализующего дыхательные пути, жалобно кричали: «Братцы, братцы, помогите!» Многие корчились в предсмертных судорогах, слышались стоны, душераздирающие крики, однако они скоро заглохли. Применение чудовищного ядовитого газа – это неслыханное и невиданное умерщвление противника потрясло защитников русского отечества.

В штабе полка узнали о смекалке солдата Корешкова и за проявленную находчивость, и спасение жизни многих солдат наградили Георгиевским крестом, сфотографировали и дали отпуск на неделю побыть дома.

- Как успею добраться до дома, года не хватит? – горевал молодой солдат. Братцы сочувствовали ему, повезло, а поехать не сможет, в срок не уложится, как бы не хотел.

- Так ты Семён хош, к польке сходи, пондравившись можа какой, приголубит, отмоет от грязи, вшей пошпарит, - зубоскалили окопники.

- Помыться в бане не худо, пуще надобно нечисть выжарить, - согласился с ребятами получивший увольнение.

- Вдругорядь вряд ли така поблажка подвернётся, - настаивали товарищи, - не будь дурнем!

На попутных подводах он отправился с возчиками, доставлявшими снаряды с тыла. Бывалые солдаты повезли до деревни, завидовали Корешкову, советовали, как и что делать. Семён несмело зашёл в одну хату с краю деревни, выбрав победнее. В ней хозяйка стряпала хлеб, запах от которого ударил в нос, напомнил о доме, мать его на хмельной опаре стряпала вкусные булки и калачи. По-польски солдат знал лишь одно слово: «пан». Женщина показала на табуретку, поглядывая на русского вояку, тот присел, достал кисет, бумагу, махорку, свернул самокрутку, пошарил в карманах – забыл взять спички прикурить.

- Пани, спички, - попросил Корешков, та круто развернулась от печки и с ухватом на него. Солдат опешил, закрыл голову руками, тут «пани» увидела во рту его самокрутку, опустила ухват, она поняла, что надо тому.

- Пан солдат, серянки, - она что-то ещё говорила на своём языке, подала коробок со спичками. Позже узнал Корешков, что «спички» - нехорошее слово, когда женщине предлагают лечь в постель. Знаками он объяснил, мол, надо помыться в бане, избавиться от вшей. Полька сказала что-то своим двум сынишкам лет десяти и двенадцати, они позвали Семёна движениями головы и рук пойти с ними. Из колодца прямо в ограде достали воды наносили в кадку, затопили баню, когда она была готова, пошёл мыться, прежде всего потряс над каменкой, раскалённой жаркой, своё грязное с окопными вшами бельё и обмундирование. Мыл, затем, горячей водой своё заскорузлое, морщинистое тело, жалел, что нет берёзового веника, чтобы париться, зато долго сидел на полке, грелся и ногтями скоблил плечи, живот, руки, ноги, сдирая с тела «накатыши» отопретшей грязи и пота. Какое он испытывал блаженство! И тут вспомнил родной дом, баню по-чёрному, как любил париться, особенно свежим берёзовым веником. Помылся солдат и принялся, как умел, стирать всё, что на нём было, вплоть до портянок, повесил сушиться. Хозяйка послала с ребятишками чистую одежду мужа, который тоже находился где-то в окопах.

Пришёл Корешков из бани, глядит, улыбается полька, она видела, насколько посвежел молодой солдат. Поставила ему на стол борщ из домашних овощей, свежеспечённый хлеб, парное молоко. Корешков и тут вспомнил о доме, такое же вкусное, свежее ел, может и лучше суп с мясом, уху из

окуней. Наелся он сытно, кивнул головой в знак благодарности за угощение и зевнул, ему хотелось спать, слипались глаза. Это заметила хозяйка, постелила на койке, Корешков лёг и «потерялся» моментально, проспал беспробудно целые сутки. Проснулся он в холодном поту. Приснился ему жуткий сон, будто на Карюхе ехал в гору, кобыла выпряглась, только запряг, развязался чересседельник, вылез из саней, поднял и привязал к оглобле тот чересседельник. Остался без Карюхи у небольшого озера, рядом какие-то кусты, глянул в воду, оттуда на него смотрит немигающими глазами полная в лице мать. Семён испугался, почему она в воде, пошёл было, но снова глянул в воду и остолбенел: мать продолжала смотреть всё так же, не моргнув испытывающим, пронизательным взглядом. Семёну стало страшно, хочет идти, а ноги будто прикованы, ни с места. И тут, через какую-то топь, ручеёк, подаёт ему руку мать, но лица её почему-то не видно. Он протянул свою руку, кое-как дотянулся и с трудом пошёл. К чему бы это, уж не случилось ли чего дома?

Хозяйка приготовила хороший обед. Вроде во дворе не было свиней и даже кур, а суп жирный, домашний, напечены блины, сметана на столе.

- Кушай, кушай, - пригласила хозяйка, принесла ему стиральное ею бельё, приветливо улыбнулась. Может, вспомнила мужа, который вот такой же солдат – в окопах, грязный, и решила помочь чужому, русскому фронтовику.

Корешков хорошо поел, оделся, поклонился приветливой хозяйке и вышел на улицу.

- Вот энто да! – удивился, когда взглянул на полуденное солнце. Как народившийся вновь, вернулся в расположение полка. Братцы не верили своим глазам.

- Корешок, да ты как новый гривенник! Не узнать, будто в окопах с нами вшей не кормил! Токо пошто так скорёхонько заявился? Никто штоль тебя не приласкал? Ты жа Георгия на груди носишь!

- Помылся в баньке, прожарился, постирался, домашнего варева поел, за то спасибо большое добрым людям!

- Мне бы в увольнение, я бы... - размышлялся Томский.

- Попроси немцев ишшо газу, ежели сдюжишь, можа тебе Георгия дадут, отпустят на недельку, - гоготали окопники.

- Не братцы, пушай вши едят, чем задохнуться от того газа, ведь стружки и ящики не везде валяются.

Когда солдаты задавали ночью храпака, отоспавшийся Семён лежал прикрытый серой шинелью и думал: к чему увидел мать во сне, может правда беда у них, задумался, взгрустнул. Незванные, непрошенные крупные мужицкие слёзы покатались из глаз, он не вытирал их, пушай идут, поплачет – на душе полегчает.

В войсках в то время началось брожение. Солдаты не хотели войны, она им опостылела, скорее бы вернуться, пока не сгинули в окопах от немецкой пули, снаряда, газа или вшей, говорили, появились тифозные.

Корнила Томский выделялся во взводе, он балагурил, подшучивал над солдатами, в часы, когда переставали грохотать орудия, прекращалась перестрелка, принимался давать представления: пел народные песни, частушки, которые были слышны во вражеских окопах. В роте нашла балалайка у одного служивого, он залихватски играл, а Корнила пел. Играл служивый «Подгорную», «Во саду ли, в огороде», «Яблочко». Молодые и пожилые солдаты заслушивались, плясали, на время проходила тоска по родным местам, снималось напряжение военной обстановки.

Иногда с солдатами исподволь и напрямую говорили какие-то агитаторы, о том, что надо прекращать надоевшую войну, о передаче заводов, фабрик рабочим, а земли – крестьянам, установить народную власть. На это всё тот же «верховод» Томский предупреждал братцев:

- Ребята, не суйте нос куда не след. На васюганье тех заводов и фабрик нет, на севере земли – скоко душе угодно, урманов полно, никто не мешает зверя и птицу добывать, рыбу ловить. Не-то военный трибунал, посадят, могут в военное время вышку дать, так что не ерепеньтесь шибко.

Война продолжалась, лишь ночью и то не всегда, не рвались снаряды, не «пели» смертельную песню свинцовые пули. В один из «жарких» дней, когда не прекращалась канонада с обеих сторон, на бруствере окопа взорвался снаряд. Корешкову осколком пробило плечо, рука повисла как плеть. От взрыва контузило, он очнулся в полевом лазарете, перевязанный, совершенно ничего не соображавший. Три месяца валялся в госпитале, подлечили плечо, но пальцы правой руки не слушались, уши заложило, не понимал, что ему говорят. Врачебная комиссия определила – в военной службе не годен и отправила домой. Вспомнил он тогда сон. Мать во сне была печальна, глядела с сожалением и подала руку, вот и остался жить на свете, только трудно будет инвалиду, но всё же ноги целы, одна рука, живут же глухие, думал Семён, когда с документами ехал в пассажирском поезде в Сибирь. В душе радовался: хоть контужен, ранен и газом отравлен, однако, милостив Бог, даёт ему возможность повидать мать, отца, Дунюшу и сына Лаврушу. За минувшие годы он увидел мир по-иному, чем, когда жил в лесном, медвежьем крае. Открылось перед ним многое, о чём ни в каком сне не приснится.

Ежели, думал Корешков, вернуться домой окружным путём через Томск, по Оби и Васюгану, но как добраться калеке, без денег, нужно много месяцев. Надо скоротать дорогу, решил двигаться напрямую, из Омска до деревни Седельниково, родины отца, там подождёт до зимы, когда застынет большое васюганское болото, и приедут менять рыбу, ягоду, может, отец или кто из айполовских, катальгских, черемшанских.

По предъявлению госпитальных документов его подвозили от деревни до деревни, или двигался пешком на север, там живёт родная тётка отца. На войне улыбнулось счастье остаться живым, но едва не погиб в дороге, могли растерзать волки. Как-то днём его подвезли до одной деревни, семь вёрст до другой, думает, помаленьку дотопаю засветло. К вечеру похолодало, солнце катилось за берёзовые колки на полях. Видит, из ложка наперерез ему приближается стая волков. Убежать не успеет, деревьев поблизости нет, подумал со страхом: пришёл конец, вслух прочитал молитву: «Господи, спаси и помилуй, защити меня». В эти минуты перед глазами прошла вся жизнь: вспомнил мать, отца, жену, сына, приготовился помирать.

Подбежали волки. Солдат стоял ни живой, ни мёртвый. Лучше в окопах, там можно от пуль спрятаться, а тут, в широком поле... Вожак подошёл, спокойно обнюхал, обошёл кругом, поднял ногу, помочился, не спеша, пошёл через дорогу дальше. За ним остальные сделали то же самое, а задний, хромоногий, не стал обходить, понюхал и зарычал. Вожак остановился, завыл, пошёл тихо дальше, оглянулся, хромой не уходил от человека, начал рвать зубами шинель. Матёрый волк тогда махом вернулся, за ним стая, подскочили к хромому, сбили с ног, и на глазах Корешкова растерзали ослушника. Вожак мотнул лобастой головой в сторону перепуганного двуногого, издал звук, и стая продолжила путь.

Святые защитники или сам Господь Бог услышал молитву Семёна, спас его от гибели. Корешков шёл и думал: родился он в рубашке, второй раз, а точнее, в третий остался жить на белом свете.

Два месяца отдыхал Семён у родной тётки Агафьи и её мужа Митрофана, отъедался и набирался сил. С желанием ел жареную, подрумяненную картошку, огурцы и капусту, пил парное молоко, ведь на фронте ничего такого домашнего «днём с огнём не найдёшь».

Фёдор Корешок оторопел, когда увидел неожиданно-негаданно среднего сына с Георгиевским крестом.

- Сенька, ядрён те корень! Живой?! Слава Богу! Сердце ёкнуло, не померещилось ли? Ни слуху, ни духу, как укатил на службу царёву, - у старика капали слёзы радости, а он не замечал, прижимал сына к похудевшей от старости груди.

- Вишь, тятя, с верой и упованием на помощь Божью живой остался. Видно, мне здравия желали.

- Как же, как же, кажинный день молились за здоровье, особо мать убивалась.

- Весточку о себе подать не мог, сам знаш, неграмотный, да и дойдёт ли письму ишшо неведомо, ведь голубь не принесёт, посыльных по Васюгану нет.

- Всё так, едрён ты корень, не наглажусь никак на тебя... Агафья, можа есть што хмельное, на радости такой надобно пропустить малость, потом в лавку пойдём, казёнки возьму.

За ужином захмелевший Корешок сообщал новости:

- Мать о тебе кажинный день слёзы проливает, молилась, чтобы пуля миновала, не хворал, наверное, её молитвами и жёнки твоей вертаешься к ним и малым детям.

- Как Дуня и Лавруша? – пытался спросить Семён, но не мог осмелиться.

- Ничё, здоровы. Ишшо народилась дочка, Нюрой назвали...

- Кака дочь? Она не толковала, когда уходил. Наверно без меня? – вдруг рассердился фронтовик.

- Бог с тобой! Как язык тако мог трепануть? Должно сама не знала, хотя толкует, думала, что понесла, энто тако дело бабье... Через восемь месяцев и две недели разрешилась, дочь Нюра на тебя похожа, сам поглядишь, когда приедешь.

- Я, дурна башка, невесть што подумал, на фронте жисть на волоске, а она... с чужим... лижется, кровь в башку ударила!

- Хмельная у тебя, Сенька, кровь разыграла. На Дуську ты не при на-
праслину, на виду у нас, спину гнула не жалеючи, хозяйство помогла дер-
жать.

Утром подошли Столбовы, Ижболдин, встретили Семёна как водится. ведь было заделье, хотя и раньше, как приезжали в деревню, гуляли с размахом, тем более наступил Новый год.

Ехал Семён по огромному болоту, потом по урману, а в сознании у него что-то изменилось: сравнивал тишину таёжную и грохот, стоны раненых и умиравших солдат, там тревога за жизнь, здесь – безмолвие, только скрип саней, фыркание коней, прочищающих смерзающие ноздри. Корешков глядел на стройные сосны, высокие ели, разлапистые кедры, которые, будто живые, приветствовали солдата первой мировой, своего земляка, он искренне радовался деревьям, поднимавшимся в лесу, петухам-глухарям, встревоженным, с шумом улетающим стаям рябчиков. Тут всё по-прежнему, как ты-
сячи лет назад по неписаным законам тайги.

Трогательной была встреча с матерью и женой. Они денно и ночью тосковали о сыне и муже, о неизвестности, отгоняли мысли о его гибели. Не верили своим глазам – прибыл их Семён, обнимали, ревели в два голоса.

- Сыночек ты мой, вернулся... Сыночек мой, дай поглядеть на тебя, - повторяла мать.

- Пришёл, дождались, - счастливая была Авдотья.

Кудрявый, белокурый, с круглым лицом парнишка удивлённо глядел на мужика с клинообразной бородкой, не помнил он тятки, а когда тот поднял на руки, тогда прижался и обнял за шею отца.

После трогательной встречи, чтобы успокоиться, чтобы не видели родные, как он расстроился, вышел Семён на крыльцо. Из-под него выскочил старый пёс Кучка, завилял хвостом, в глазах радость, кинулся на грудь хозяину, с которым много лет охотился в урмане.

- Кучка, ты узнал меня? – опустился на колени бывший охотник, в прошлом солдат, сейчас инвалид войны, а в будущем как-то надо жить, видно, всё-таки останется охотником и рыбаком, может, не таким проворным, как до войны. По голосу признала кобыла Карюха, подняла голову, навострила уши, протяжно заржала.

Ничего, наверное, в те минуты не было для Семёна приятнее встречи с матерью, женой, сыном, собакой и лошастью, ведь он вернулся в отчий дом! Всё это знакомое с детских лет, о чём и о ком вспоминал там, на фронте, видел во сне, когда прощался с жизнью перед боем – теперь наяву, а не во сне.

Зашёл Семён в избу, где мать хлопотала у печи, готовила ужин, весёлая и радостная, помолодевшая. Жена вынесла из горницы родившуюся в отсутствие отца дочь.

- Глянь, Сеня, правда похожа на тебя? – сказала Дуня ласковым голосом, подавая на руки заплакавшую девочку, испугавшуюся незнакомого бо-
родача.

- Не плачь, не плачь, родненькая, это твой тятка.

Семён неловко взял дочь на руки, внимательно поглядел, показалось, и впрямь лицом схожа с ним. Девочка разревелась и матери пришлось поскорее взять её себе.

Прослышали о возвращении солдата в Черемшанке, на другой день приехал старший брат Иван с женой Марфой, сынишкой Стёпкой и дочкой Нюрой, тестем и тещей. Пришли Столбовы, Ильины, Созонтовы, перебравшиеся из деревни без Семёна с рыжеватой бородой, Гусев Митрофан и Сысолятин Макар, остяки Пачельгин, Альвин, Полумогин. Они с интересом разглядывали Георгиевский крест, форменную фуражку с лакированным козырьком, сукно на штаны отцу, матери и жене ситец на сарафаны, сыну Лаврушке глиняную свистульку, не было подарка только дочке, не знал о ней.

Хозяин, отец солдата, радостный и довольный, улыбка до ушей не сходила с лица, встал за столом рядом с сыном и сказал громко:

- Ядрён ты корень, гостеньки мои сердешные, с почтением и радушием мы встречаем служивого нашего, не ведали о нём два года, притомились от неизвестности и ожидания, таперича полегчало. Выпьём за то, что порадовал нас своим возвращением, пожалел его Господь Бог, возвратил хоть ранетого. С приездом домой тебя, Сеня, в нашу Катальгу, к матери, отцу, жене, детям малым, всем деревенским. Поднимайте и до дна, ешьте, что Бог на стол дал.

- С возвращенцем!
- С Георгием!
- За здоровье твоё, Семён Фёдорович!

Как водится в таком случае, пили, ели, плясали так, что толстый, из кедровых досок пол ходуном ходил, стены дрожали, шум слышался на всю юрту и доходил до урмана. Подвыпивший Степан Столбов подсел к брату Семёна Ивану и шёпотом спросил его:

- Ванька, а пошто тебя на фронт не позвали? Можя кила али грыжа помешали?

- Не ведаю, дядя Степан, можя в записную книгу забыли записать, али в волости пропустили...

- Не положил ли на лапу старшине волостному тестюшка твой, чтобы работник остался и с жёнушкой миловался?

- Што ты, што ты, дядя Степан?! Как тако можно? Грех вам о чём не след толковать! – покраснел и запотел Иван больше от слов Столбова, чем от выпитой браги и духоты застольной, табачного дыма.

- Мне-то всё едино, токо брата забрали, ты чистоганом вылез.

Сидевшая рядом жена прикрыла рот Степану, стал он говорить громко, и на него уже пьяные обратили внимание.

- Стёпушка, замолкни, не заводи ссоры, надобно тихо, мирно гулять, веселья не портить.

- Всё, всё, молчу, на крючок рот заложу, - он поднялся и нетвёрдой походкой пошёл покурить в ограду, там мужики обступили Семёна, расспрашивали о войне, когда видел айполовских Кузьму с Пашкой.

- Что о войне толковать, энто надобно поглядеть, на себе спытать, и то, чё к чему, снаряды рвутся, пули «жик», «жик», пулемёты «тра-та-та», бьют с обеих сторон, солдат, офицеров младших наповал ложат, раненые стонут, другие еле слышно просят: «добейте, братцы, немоготу». Раз видел, как горку пытались отбить, видно, снарядом сбило солдату голову, катится она вниз, глаза моргают, язык балабонит, что - не понять. Тако поглядеть, с ума сойти можно. Солдаты вроде обвыкли, будто так всё надобно, ну, скажем, привыкли мы сохатого завалить, али в сеть рыбу поймать, вроде, ничё особого.

- Немца живого видел? – спросил Столбов.

- Как жа не видеть, ежели с ним воевал, в штыковую сбегались, в плен брали. Таки жа люди как мы, форма токо другая, лопочут не по-нашенски.

- Воюют дюже крепко, али как?

- Кто их поймёт, наверно всяки есь, ведь ежели кто станет отлынивать, хошь и наши, враз заберут, а куды, толкуют, как изменщиков к расстрелу. Так что дисциплина в военное время, я те дам, шибко тяжёлая для солдата, - как мог, объяснял Семён.

- О Кузьме и Пашке чо известно?

- Кода меня контузило, память вышибло, то увезли в походный лазарет, оттеля в госпиталь. Они должно остались в окопах, враз всех не уложишь, воевали дальше, можя сейчас, Бог миловал, вместях васюганцы, энто про себя мы там толковали. Ни я, ни они обо мне ничё не знают.

Корешок выскочил на мороз в одной ситцевой рубаше, перехваченной поясом, сгрёб сзади мужиков и стал толкать в избу:

- Бабы одне как куры без петухов притихли, гармонист сбежал, выпить не с кем, давайте в курятник залазьте, покуракайте и наладится дело.

Сын Пачельгина Алексей пьяный ушёл во двор (к скоту), думали, до ветру, забыли о нём, он залез в хлев к супоросной свинье и лёг рядышком. Мать схватилась, везде ищет, подсказали, куда брёл тот, нашла. Мужики помогли вытащить грязного, измазанного в навозе. Мать кричала пьяная:

- Если б Алёшку не нашла, свинья бы съела.

Гости от души хохотали над Алёшкой и его матерью, посмеялись, тут же забыли и затянули песню. Расходились они с первыми петухами, кто не мог двигаться – лежали на лавках, облокотившись на стол и под столом.

Рука Семёна зарубцевалась, стала лучше владеть, он со старанием принялся помогать отцу и младшему брату Петьке в хозяйстве. Корешок давно собирался поговорить со средним сыном, да всё откладывал, неловко начинать, может обидеться.

- Знаш, Семён, ядрён те корень, удумал я чо: по берегу озера, в другом конце огорода, поставить ишшо пятастенник, вроде ба тесно, у тебя ребятишки растут, гляди, Петька бабу приведёт. Ты токо того, не серчай, не гоню с избы.

- Сам думал, так куды с одной рукой...

- Вишь ведь молчуны оба какие, об одном думали и ни гу-гу. Я ишшо не совсем слаб, Петька вымахал, тесть твой не откажется помочь, Иван на неделю-другую приедет. Покуда снег не сошёл, натаскам на Карюхе сосняку, кедр на сутунки, пилой маховой на плахи и тёс напилем. В народе толкуют: было ба начало и желание, всё можно сробить.

- Я не супротив, по ряду в день за две недели срубим, главно, накрыть к покосу, потом остальное, чтобы к зиме войти, - согласился Семён.

- Примемся с охотой, так управимся. Вот и ладно, а то можя, думаю, скажешь – из избы выдворяю, ты не обессудь меня старого, хочу как лучше.

- Конечно, за лето одолеем сделать, ежели не околеем, - пошутил Семён и оба расхохотались, довольные, что поняли друг друга.

Авдотья до слёз радовалась новой, пахнущей сосновой смолой избе. Теперь она хозяйка в доме и на подворье, им дали на свадьбу, теперь на новоселье корову, лошадь, двух овец, кур. Она тихая, не пререкалась со свекровью, но та была с тяжёлым характером, сурова и настаивала делать по её.

Дождлся служивый сезона промысла, идти на охотничью избушку в урман. Душа у него петухом пела, он сызмальства привык шляться по лесу с

собакой по чернотропу пешком, а выпадет снег поглубже – на лыжах. В первый день поднялась стая куропаток, вскинул солдат-охотник бердану и на лету сбил одну ставшую с белым оперением после летней серой «одежды». Они меняют окраску в зависимости от времени года.

- Не подкачала моя ранетая рука, - радовался Семён, поднимая и отдавая Петьке добычу. – Суп вечером сварганим, закачаешься, как ране, до фронта было.

Старый Кучка хорошо знал своё собачье дело на промысле, облаивал и держал сохатого, не боялся медведя, схватывался с изворотливой и опасной рысью, которая сама могла вцепиться в горло собаке и задавить. Садил кобель на нижние суки деревьев глухарей спокойным тихим гавканьем, в общем, опыта ему не занимать. Хвалил его охотник:

- Старый конь борозды не портит, с ним без пушнины и дичи не будешь.

То лето было очень жаркое, потому вызрели кедровые шишки, родился шиповник, гроздьями подмороженными висела рябина, чистая без листьев и подсохшая свисала до земли черёмуха. Если есть богатый корм в лесу, значит, здоровым вырастает молодняк у зверя, два приплода за лето даёт белка, сытые в зиму идут звери и боровая дичь, кедровки, сойки, малые птицы, которые остаются на зимовку на севере.

Старушку избушку-зимовье на этот раз не разорил блудливый зверь, всё стояло на своём месте. Знал Семён обычаи остяков здороваться со станом, когда появлялся на нём и тоже сказал:

- Петявала, здравствуй, наша подружка-избушка, от мороза спасительница. Принимай не то гостеньков, не то хозяев, поживём у тебя, побродим по урману, ты нас приветь на время.

Как бывало раньше затопили, на всякий случай оставленными смолевыми поленьями, железку-печь, сварили из куропатки и двух рябчиков суп, могли бы добыть больше, но жалели патроны, дробь и пороха было не густо. Это на фронте не жалели, палили «в белый свет», а тут каждый выстрел должен быть метким, без промаха. Братья поели, попили горячего чая, покурил Семён, а Петька не осмелился дымить.

- И чо зарятся мужики на эту махру, какой от неё толк? – спросил брата.

- Да, дурость одна, душу себе поганишь, гляди, кода сплюнешь, чёрный сгусток вылетает, опять же кашель давит, одышка от табака, толкуют, от него ране помирают, - ответил Семён.

- Пошто тода куришь, не кинешь?

- На фронте привык с солдатами, давно думаю бросить, да никак не могу от этой погани отвязаться.

- А ты кинь в печку махру, не станет и отвыкнешь.

- Давай так и сделаю, вынимай из котомки и кидай в огонь.

- Ты чо, правду толкуешь, а не помрёшь без курева?

- Не пропаду, кедровые шишки желубить стану и орехи грызть взамен, - смеялся Семён.

- Тогда я сейчас, - Петька не стал мешкать, вытащил мешочек с махоркой, открыл дверку печки, поглядел на Семёна, мол, не жалко, тот отвернулся, младший брат кинул на ярко горевшее пламя, мешок зашаял (загорел), махорка сизым дымом по печной трубе вылетела на свежий лесной воздух, поднялась выше леса и растворилась.

- Не жалко? – спросил с издёвкой Петька.

- Чо таперича жалеть, обратно не возвернёшь. Одним махом скорее от этой дури избавлюсь.

Пока малый снег выпал, ходили братья по лесу пешком, а заглублился, встали на лыжи, вместо активного промысла добывать ружьями и переключились на самоловушки-черканы и кулеймки. Когда зверьки касались приманки, сторожок срабатывал, и плашкой с грузом сверху придавливало. По наторенной лыжне-путику попутно добывали рябчиков, куропаток и глухарей. Вели заготовку их утащить зимой на нартах. Незадолго до того, как возвращаться в юрту, Пётр встретил след выдры, пошёл по нему, он привёл к лесному озерку, там увидел её, сидящую у отдушины (кюча), поедающую вытащенную щуку. Парень на животе подполз на выстрел и уложил зверька, он закрутился и упал в не замерзшее отверстие в воде. Жалко стало оставлять выдру, шкурка которой ценилась высоко, надел лыжи и осторожно стал подходить, казалось, лёд крепкий, но он не выдержал, охотник провалился по грудь, выбраться мешали лыжи, изловчился и вылез, а одна лыжина осталась, вырубил крюк, вытащил её, но выдры не нашупал на дне. Дошло до него – надо бросать, от холода «коробом» стала одежда, надо идти, а у него от судороги ноги не двигаются, спички с собой были, но отсырели, не зажигаются. Что делать – можно окоченеть. Выстрелил два раза подряд, стал кричать, только эхо откликнулось.

- Пропаду, наверное, куда Семён спохватится ожидаючи, - думал парень.

К его счастью, брат услышал выстрелы, залаяли собаки.

- Не ладно что-то с братухой, надо бежать по лыжне, - заторопился Семён, бросил готовить ужин. До озера было далековато, в поту добежал до него, увидел немощного брата.

- Чо с тобой?

- Провалился в воду, выдру подбил, хотел вытащить, - еле слышно мямлил Пётр.

Семён быстренько развёл костёр, подтащил к нему брата, снял верхнюю одежду, выжал её, стащил с трудом ниры (обувь). У огня неудачник отогрелся.

В избушке натопили печь так, что дышать нечем от жары. К утру Пётр стал сильно кашлять, видно, остыл крепко.

- Давай-ка, паря, покуда не расхворался, отселя смотаемся, - решил старший брат. – Тяжело идти, а выходить тебя тут нечем, дома отлежишься.

Мать не узнала Петьку, до того он устал, изнемог, валился с ног.

- Сынок мой милый, захворал так сильно, али можа зверь заломал? – перепугалась мать.

- Чо с ним подеялось, ядрён те корень, толкуй Семён? – стоял в нерешительности отец.

- За выдрой на озере полез, да провалился в воду, видно, простудился, мешкать не стали, бросили охоту, да попёрли домой.

- Медвежьего сала поспрашиваю у остяков, кабы лёгки не захватило, сало шибко ладно в таком деле, - было засобирался идти за ним, но остановила Марья.

- Баню топи, старый, скорее, прожариться и попариться надобно ему, потом картошки сварю, подышит горячим паром, молока кипячёного с маслом попьёт, даст Бог, пройдёт. На ноги жалится, летом бы привернули лист лопуха со скипидаром прогреть, да где взять зимой лопух, можно багульника принести с болота, напарить и попить, лёгки чистит, - торопила мать, ставя на стол уху из свежих язёй, добытых Корешком и Пачельгиным, которые вернулись с осенней охоты.

До весны прохворал Петька, однако, ломота в ногах осталась, он прихрамывал больше на правую ногу, видно, холод повлиял на кровеносные сосуды.

Семён не выдержал, вскоре, как пришли из урмана, снова встал на лыжи, и налегке, без нарт, отправился в избушку. Там длинным крюком обшарил в продушине озера, выволок выдру из воды, добрая шкурка оказалась. Поснимал заодно черканы и кулемки, вытащил попавших белок, колонков, горностаев, и даже кедровку, каким-то путём попавшую в черкан.

Шли годы. Разразилась в России Гражданская война. Колчаковцы гонялись за партизанами, дезертирами, под страхом держали крестьян, отбирали лошадей, требовали подводы возить груз, белых солдат и офицеров. Не держали некоторые, подались через болота к прижившимся в «остяках» родным и землякам. По пробитой дороге через болото и тайгу ехали семьями деревенские, вроде, по своей воле, но от беды спасались. Заходят как-то к Корешкам два мужика, подъехавшие на конях, один невысокий, но в плечах широкий, с окладистой бородой, второй длинный с большой бородой.

- Пусти, Фёдор, Христа ради, на ночлег, - попросил тот, что с окладистой бородой.

- Постой, постой, ярён ты корень, не Иван ли Хрущёв из Рагузино, а ты Сабаев Гаврюха?

- Мы, мы, Фёдор, признал нас, лет то уже много прокатило?

- Как же кузнеца Ваньку не признать, ты того, вроде не сменился, таков же здоровяк. Заводи коней в ограду, вы одни, али как?

- С семьями мы, подались на житьё, ниже по реке деревенские обособились.

- Вот как! Выходит, решились...

- Как вишь, творится там безвластие, седня белые, завтра красные, партизаны. Надоело глядеть, вот потому решили, подальше от смуты переждём, там станет видно.

- Видать, приспичило, кузнецу в деревне невпроворот дел, а ты, Иван Семёнович, с зятем наострился сюды.

- Епать же пошто монатки собрали, Колчак, толкуют, в армию мужиков набирает, кого по доброй воле, кого силком гонят, супротив своих же деревенских воевать. На постой стают, корми, пои их. Натерпелись, к ядренее фене, така жись. Вот таки наши дела, Фёдор, - поддакнул подслеповатый Гаврила.

- Слушок до нас дошёл, до глухоты лесной, - включился в разговор подошедший Семён. – Толковали, с Обской стороны каки-то каратели ехали в верховье, да повернули, Васюган стал застывать.

- Что ты толкуешь?! – всполошились приехавшие. – Из огня, да в полымя! Мы смекали, что тут затишье, а оно... Ну та что теперича о том толковать, обратно не повернёшь.

- Кто знат, можа обойдётся, примолкнет война между своими, стихнет и гонения не станет, - сказал Корешок. – Ладно, можа перемелется – мука будет. Давайте с дороги ужинать станем, хозяйка сготовила поись.

За семейный стол хозяева и нежданные гости не поместились.

- Мы помешкаем, успеется, - сказал Корешок, - с дороги проголодались, перемёрзли, потому поесть, и чаем горячим погреться надобно вам.

- Неловко как-то, хозяева позастолье остаются, - запротестовал Хрущев.

- Ниче, ниче, мы дома, в тепле, придёт наш черед, голодными не останемся.

Семья кузнеца из пяти человек, жена Агафья Дмитриевна, тонкая, высокая, лицом на татарку схожа, у Сабаева четверо, жена, сестра Хрущёва Аксинья Семёновна, плотная, дородная, как и брат. С дороги голодны и холодны были, садились за стол не спеша, спокойно, ели также неторопливо, без разговора, по пословице «когда я ем, то глух и нем».

Игравший с ребятнёй в прятки в ограде, Лаврушка, двенадцатилетний парнишка вошёл в избу, поздоровался и упёрся глазами в ровесницу, чернявую девчонку Саню, дочь кузнеца. Та уставилась в торчащие из-под шапки ушанки кудри и раскрасневшееся на морозе лицо мальчишки. Эта первая, без слов, встреча глазами, через семь лет объединила их в пару.

Заночевавшие в тесноте, да не в обиде проезжие гости поехали по санной дороге дальше искать своё прибежище, укрыться в лихую годину пода-

ле от мрачных военных бурь, но от горя и беды, видно, не скроешься. Вскоре, на конях, взятых у деревенских, по васюганским юртам рыскали колчаковцы в поисках партизан, дезертиров, мобилизации лесных людей в белую армию. За главного выдавали рослого с лопатообразной белой бородой немолодого Перепелюка, однако, он был подставным, на самом деле вершил допросы и расправу колчаковский, средних лет с закрученными усами офицер. Отряд остановился у Столбова, дом которого выделялся, значит, живёт в достатке. Пропьянствовав сутки, Перепелюк с настоящим «атаманом» пошли по избам проверять не скрываются ли дезертиры, есть ли партизаны. Вошедшие к Корешкам, увидели Семёна, строго спросили:

- Почему не на воинской службе, партизанам помогаешь?

Семён, обычно спокойный, тут рассердился: шлятся, не понять кто, и так бессовестно ведут себя.

- Не знаю, что вы тут делаете, а я воевал за царя и отечество, газом травленный, контуженый, раненый, крест Георгиевский заслужил, потому прошу обращаться как к Георгиевскому кавалеру!

- Чем подтвердишь Георгия?

- Сейчас, домой схожу, рядом живу, принесу документы! – он скоро вернулся. – Вот, глядите!

Колчаковец посмотрел, покрутил и отдал документы обратно:

- Претензий не имею, всё в порядке, ты не годен к строевой службе. Случаем, не известно о шастающих в лесах дезертирах, партизанах? – спросил, вставая со скамьи офицер, за ним Перепелюк.

- Недавно из урмана, белковал с братом, не встречал никого. Можя, к юганцам подались, там урманы ишшо глуше, чем наши, ежели в бегах.

- Найдём и там, прищемим хвосты, тогда голову с плеч! – говорю как Георгиевскому кавалеру, - рубанул рукой молодцеватый, подтянутый, стройный офицер, на прощанье отдал честь и попросил:

- Если что услышите, увидите, или узнаете, то извольте доложить немедленно, говорю, как бывшему солдату царской армии.

- Слушаюсь, ваше благородие! – ответил, как когда-то в армии, Семён. Сам подумал: кукиш тебе, ваше безбородие, не выдавал братцев-солдат на фронте за их крамольные разговоры, никогда не доносил и не стану клепать ни на кого, хоть бы и знал.

Бородач Перепелюк с законспирированным щёголем направился к Ильиным, где временно жил Гусев, приехавший без семьи, чтобы построить избу.

- Премного извините, - начал офицер, нарвавшийся на крепкий орешек георгиевского кавалера, но это так, для видимости, - мы к вам по важному делу. Нам сказали, новосёл прибыл. Вы сбежали сюда от сибирских властей? В армии его превосходительства Колчака не хотите служить?

Лицо Гусева стало рыжее, чем его рыжие волосы, он начал заикаться:

- И...и...я...я... не убежал, к зятю вот думал давно перебраться.

- Ваше благородие, правду толкует он. Я уже укоренился, его позвал, избу ставить собираемся, - заступился Ильин.

- Сколько тебе лет? – строго спросил офицер.

- Пятьдесят четыре...

- Чем подтвердишь?

- Метрики прихватил из волости.

- Покажи! – колчаковец придирчиво разглядывал свидетельство о рождении. На боку, у него под шинелью была видна возвышенность, там находился наган.

- Хм, если на пяток годов моложе, пошёл бы с нами дезертиров ловить по глухоти, урманам здешним. Ладно, оставайся.

- Кого ловите, господин... офицер?

- Таких, кто не хочет воевать в армии Колчака, из разбитых красных отрядов. Сбежали и мутят против властей, подговаривают в партизаны идти. Они строго будут наказаны в условиях военного времени.

- Выходит, есь таки. Вот вы обсказали, мы жа о том не ведаем, место глухо, то летом работники с купцом наезжают, передадут, да тем слухам верить то, переврут, переинадут.

- Сибирское временное правительство и чехи разогнали советы, разбили красные отряды, добивают партизан. Порядок скоро будет наведён!

Отряд карателей побывал у новосёлов – двух братьев Пестовых, основавших юрту выше Катальги, поставивших избы, пожелавших жить отдельно от всех, не мешать другим.

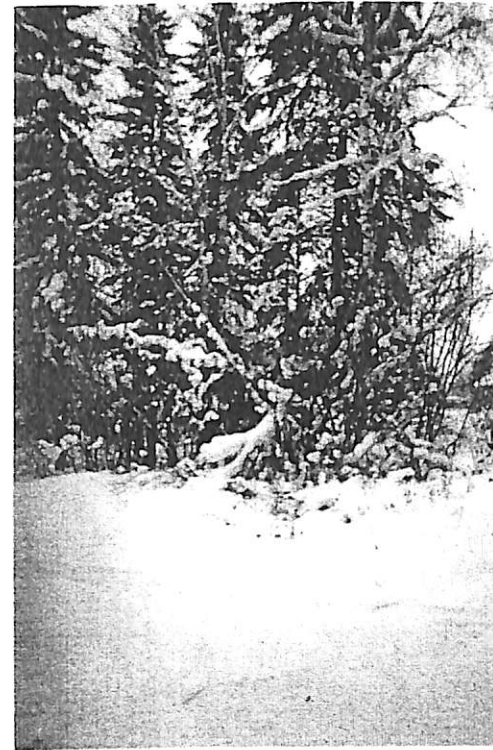
В Айполово проверили документы пришедшего с фронта раненого Кузьмы Столбова. Там же вступившую в пререкания и обозвавшую офицера собакой злой, которая лает и кусается, остоячке Лепестинье Могутаевой всыпали двадцать пять плетей. Та, разозлённая, когда закончилось наказание, накричала ещё больше, подняла юбку и показала голый зад солдатам и колчаковскому офицеру. Они плонули, захохотали и вышли, не убивать же обнаглевшую яшашную бабу, которая не дезертир и не партизан.

Много позже, в советское время, подставному «атаману» Перепелюку, напуганному и подговорённому, пришлось нести ответственность. Только восьмидесятилетний старик, уже дряхлый, не выслушал решение суда, он умер, не дождавшись приговора.

...Вдали от больших городов местные аборигены, природные охотники и рыбаки, русские, по своей доброй воле перебравшиеся на жительство в «остяки», зависимые от природных условий, надеявшиеся только на себя, мало знали, что происходит в Томске, в России, на белом свете. Однако и сюда докатывались отзвуки больших и жестоких событий, споров и боевых действий за власть, одни за прошлую, другие за народную, равноправие, за то, чтобы не гнуть спину на богачей, жить на земле свободными и независимыми.

*Пора не извещает,
когда придет*

Человек без горя
и беды не живёт.

Помнить Бога – великое дело. Не словами
помнить его,
но жить так, как будто Он следит за каждым
моим поступком, осуждая его или одобряя.
Русские крестьяне говорят: или ты Бога
забыл?
Талмуд.

Доброта в отношениях с людьми обязатель-
на. Если ты не добр к человеку, то ты не
исполняешь главной своей обязанности.
Иосиф Медзини.

Когда люди говорят мудрено, хитро и крас-
но, то они либо хотят обмануть, либо хотят
величаться. Таким людям не надо верить, не
надо подражать им. Хорошие речи просты,
понятны всем и разумны.
Кант.

Пословицы и поговорки народов Востока.
Образование – гость, ум – хозяин.
Ворона кружится там, где есть мясо.
У женщины силы мало, но хитрости много.
Родители для детей, а дети для себя.
Когда лгун правду говорит, никто ему не
верит.

Молодой Корешков надумал жениться на приглянувшейся ему Сане
Хрущёвой. Сказал об этом матери.

- Не рано ли. Лавруша? Повремени, погуляй с ребятами и девушками,
ведь жисть у тебя переменится, ребяташки появятся, заботы прибавится,
веселиться перестанешь, подумай хорошенько.

- Мне стукнуло девятнадцать, пора семьёй обзавестись. Знаю, забот ста-
нет полон рот, но у кого их не бывает?

В избу зашёл старший Корешков с уздечкой, которую собирался почи-
нить.

- Отец, слушай, что Лавруша толкует.

- Что он может толковать, поди-ка жениться собрался, так этого под-
ждать надо было.

- Рано ведь ишшо, погодил бы годик другой.

- Ждать да догонять самое тяжкое. Раз задумал, выходит время подос-
пело, хошь вон эту уздечку одевай, всё одно – не сдержишь, пускай его
верх будет.

- Так невеста то где живёт, двести с лишним вёрст до неё. Как туда добраться сватать, дом на кого оставим?

- Ниче, мать, наладится дорога. Хрущ сам нагрянет к нам, кода сберётся наведать родню в деревне, тогда выберу момент, потолкую.

Лавруха остался доволен таким поворотом, ожидал, отец запротивится, а перебороть его характер и послушаться не мог, так заведено, сыновья должны уважать и почитать родителя слово.

Со своим другом детства и юности, остяком Алёшкой Пачельгиным, как в прошлые годы, стали готовиться пойти на осеннюю охоту, белковать в Семёнов урман.

- Надо нонче поболее добыть соболей, белок и другого зверья. Куплю в лавке хромовые сапоги и суконную тужурку, - сказал Алексею.

- Чо, паря, на Саньке жениться захотел? - с улыбкой спросил тот.

- С тяткой и мамкой толковал, они не супротив, токо смотри, никому не сказывай, знаш, на смех подымут, узнают после свадьбы.

Семёнов урман назван по имени отца. Там по речке Катальге, стояла рубленая охотничья избушка, а не троестенок, как у остяков. В том урмани много было кедров, стояли лиственницы, ели, сосны по кромке болот и речки, хорошее место для кормёжки зверя и глухарей.

С гружёными нартами парни дошли за световой день. В пути попадались много следов белок, соболей, рыси и росوماхи. Все они имели свои повадки, кормились тем, чем издавна их сородичи: кедровыми шишками, ягодой, грибами, меньшими зверьками и птицей. Собаки загоняли на деревья шустрых, вертлявых белок, пугали рябчиков и глухарей, которые с шумом улетали подальше от громкого лая собак.

В избушке растопили железную печь, сварили ужин себе, накормили уставших от беготни в лесу собак. На другой и последующие дни началась обычная в осеннюю пору охота. Парни с желанием устремлялись на лай четвероногих помощников, которые проворно искали таёжных обитателей. Шкурки зверьков принимал купец, можно сбыть в деревне торгашам. При свете керосиновой копилки, по вечерам обрабатывали добытых зверьков.

Как-то под вечер Алексей пришёл сам не свой - напуганный, взволнованный.

- Знаш, Лаврушка, в нашем урмани медведь ходит - лапы в мои две ладони, сильно большой.

- Шатун что ли? - забеспокоился напарник. - Кабы собак не сожрал, а то нас возьмётся следить? Ему сейчас в берлоге надо лежать, наверное, старый, беззубый, жира не наел летом, потому шляется.

Стемнело, они легли на нары спать, вдруг яростно залаяли собаки, пошпался за стенами избушки глухой рёв и топот, зверь гонялся за кобелями. Лаврентий и Алексей соскочили с нар, зарядили берданы пулевыми патронами, приоткрыли дверь избушки, при свете луны увидели промчавше-

гося мимо матёрого медведя. Корешков, посмекалистей, взял котелок, когда зверь поравнялся с дверью, кинул в его сторону. Медведь резко остановился, вскинулся на задние лапы. Охотники выстрелили в него. Тот истошно заорал, упал на притоптанный снег и пополз прочь. Вдогонку раздалось ещё два выстрела. Выходить в темноте парни побоялись, зато собаки лаяли до хрипоты. Когда стало светло, с ружьями пошли на лай. Они готовились встретиться с таёжным хищником, но тот распластался, лежал бездыханный.

- Теперя неча его пужаться, это живой мог намять бока и сожрать, - с холодным потом на спине рассуждал русский парень.

Пачельгин был остяцкой крови, но дедушку медведя сильно боялся, лицо его побелело, из-под шапки капал пот.

- Злой дух тебя заberi, какой большой и тощий, наверное, сил не хватило завалить сокатого, может, друкой сильный прокнал с его стана, - делал догадки он.

- Сала нет, мясо собаки не станут есть, заберём шкуру, самого на прикорм соболям растащим по урману, - предложил Лаврентий.

- Нато бы прощенья попросить у тедушки метведя, а то сертиться станет на нас, - сказал суеверный Пачельгин.

- Еслив знаш как, давай проси прощенья, я не супротив, - не возразил напарник.

Остячонок, видевший как дед и отец поступали в таком случае, провёл обряд, сказав, что не они, а ворон привёл зверя в их урман, где он должен был погибнуть, тут его ожидала смерть, пусть не обижаются, простит их, применивших ружья.

- Латно, не станет теперича сертиться тедушка метведь. Мы можем не пояться хотить по урману.

Лаврушка, так звали его остяки, наверное, ещё ползал, а уже играл с местными ребятишками. Летом гонял с ними белок и бурундуков, ловил рыбу, рано с отцовской берданой добывал глухарей и уток.

- Лаврушка, ты лучше нас умеешь охотиться, - завидовали остячата.

- Стоко зверья и птицы, можно руками иметь, не то, что с ружьём, - отзывался тот на их родном языке, забывая иногда говорить на русском с отцом и матерью.

Одногодки остяки и русские уважали его - общительного и весёлого с уживчивым характером. Он не вспылит, не бросится в драку, как другие, если обидят или что-то не так скажут.

Парни вернулись с избушки по глубокому снегу на лыжах, тащили нарты с мясом сокатого, медвежьей шкурой, глухарями, куропатками, мешками с пушниной. Отец Лаврентия разглядывал шкурки соболей, чёрного, тёмно-серого, песочного цветов, светлые пушистые беличьи шкурки, колонковые, горностаевые, похвалил сына:

- Фартовый ты, Лавруша. Скоко набрал пушнины, можно закатать славную свадьбу.

- Куплю сапоги, тужурку и рубаху косоворотку, - добавил удачливый молодой охотник.

- Хватит и на энто. Не забудь невесте и матери тёплые платки взять, мне сатину на рубаху, - пошутил отец.

- В лавке куплю, когда сбуду меха, - пообещал жених.

Выпал снег, замёрзли реки и озёра. От юрты к юрте пробили жители санную дорогу. По ней недолго пришлось ждать Ивана Семёновича, отца невесты, вместе с ней. Хрущёв ввалился в избу с кряканьем от мороза, сосульками на побелевшей широкой бороде.

- Здорово были, Семён Фёдорович и Авдотья Степановна, - он перекрестился на икону в переднем углу. - Епять холерский мороз прошиб до костей, хошь одетый в овчинный тулуп.

- Здорово живёшь, Иван Семёныч. Мороз, он такой, ядрён ты корень, ко- го хошь прижмёт. Скидывай тулуп, и ты, забыл звать, кажись, Саня, разбо- локайся. Сичас железку печку истоплю, враз согреется. Я надысь поминал с кем ба на пару в деревню за болото податься, вот и попутшик лёгок на по- мине, - приглашал добродушный хозяин.

- Вдвух веселее, дороги на болоте хватит, - не возражал Хрущёв.

- Сговорились, вот и ладно, ядрён ты корень. Авдотья, собери чего горя- ченького попаужнать, - торопил хозяйку Корешков.

Лавруха приоткрыл дверь из горницы в прихожую, поглядывал на при- езжих. Он наострил уши, но отец за ужином не обмолвился о свадьбе. На- завтра вместе с Хрущёвыми шагали следом за гружёными повозками рыбой, клоквой, сеном для кормёжки коней в дороге.

В Айполово, за столом у брата-васюганца Столбова, вернувшегося с фронта по ранению, как бы между прочим, Корешков поглядел на его сына, начал издалека.

- Гляжу, парень вылитый в тебя, ядрён ты корень, наверное, женить пора подоспела?

- Энто у него надоть выведать, ежели чо надумал, разве удержишь мо- лодого?

- Молоды они, конечно, по себе знам, кровь взыграет, не сдержат, - шу- тил Корешков.

- Свово ба поспрашивал, можа тоже подружку подыскал, - Кузьма краем глаз наблюдал за молодым Корешковым, «стрелявшим» в сторону чернявой молодежи.

- Мне-то ужо признался, есь на примете одна, давно приглянулась, - по- вернулся к Хрущёву, - кода ты, Иван Семёныч, токо ехал из деревни обжи- ваться в остяки, - продолжал намекать Корешков.

- Ты энто о чём, Семён Фёдорович? - вроде не понял тот.

- Так, ядрён ты корень, о моём сыне и твоей дочери. Тебе наверно нет, можа матери создалась.

- Чо, Саня, то правда, можа разыгрывают меня?

Саня, с выбившимися из-под платка чёрными густыми косами покрас- нела, склонила голову, едва заметно кивнула.

Вмешался Лавруша:

- Правда, дядя Иван, стеснялись мы оба сказать, дале токо неча скры- вать, - признался жених.

- Вот те фунт лиха! Застали меня врасплох, не знаю, что сказать. Епять ежели... чо... тоды... Супротив чо толковать... Мать токо, тово, не ведает.

- Твоя Агафья можа догадываться, мою Авдотью не проведёшь на мяки- не, давно заприметила. Вот так, ядрён ты корень! Выходит, надоть свадьбу играть. Как скажешь, сын? - ласково спросил Лаврушу.

- Наверное, надо.

- Вишь, солдат-васюганец, выведывал про мово сына, оженили твоео. Мой тож подыскал одну остячку, шучу, русскую, токо из деревни надумал привезти, комаров тута кормить, - смеялся Столбов.

- Ежели, ядрён те корень, полубовное дело, то девка обо всём забудет, не помешают комары и мошки, - продолжал шутить Семён Фёдорович. - Однако, смех то смехом, надоть всуерьёз обмозговать, как и чо, свадьбу го- нобить.

Спокойный, мало разговорчивый кузнец несколько раз склонил голову в знак согласия.

- Раз сглянулись, пускай выходит замуж, мать, думаю, не станет пере- чить.

Жених и невеста переглянулись, они поняли - их судьба решена.

В деревне пошли на вечерку. Лавруху знали парни и девчата, Саня ро- дом из другой деревни, её тут видели впервые. Одна из местных положила глаз на кудрявого парня давно, потому смело подошла к нему и развязно спросила:

- Ты, кудряш, чо за черномазку привёл, в остяках чо ли на время при- хватил? Ха-ха-ха!

На парня будто кипятком плеснули, в лице изменился, сузил глаза, яз- вительно пробасил:

- Ты, ты... замолкни, бесстыжая! Это моя... Подём отселя, Саня, пус- кай... - не договорил, словно проглотил последнее слово, проворно оба вы- шли.

- Ты чо энто, Настя, одурела? - закричали парни и девки.

- Подумаш, краля кака! - в злобе зашипела ядовитым языком та, но этих слов Лавруша и Саня не слышали.

В масленицу сыграли свадьбу, мало чем отличавшуюся от обычных де- ревенских, может, только тем, что свадебный стол был богаче: тут сохатина

варёная, вяленая, строганина, рыба жареная, мёрзлая, студень, глухарятина, зайчатина, клюква, брусника, шаньги с черникой, морошкой, пирожки с грибами, блин, оладьи.

Главное на свадьбе – весёлое гулянье, пляски, песни, частушки, шутки. Ильин Михаил заиграл подгортную, напевая скороговоркой:

Ты подгорна, ты подгорна,
Широкая улица.

По тебе никто не ходит,

Ни петух, ни курица.

Если курица пройдёт,

То петух с ума сойдёт...

С весёлым настроением плясали бабы и мужики! Вышел жених в хромовых сапогах, и так «отчебучивал», никто таких не выделял колен.

- Вот энто жених! И где токо выучился так плясать? Ну даёт прикурить!

- Ты, невестушка, подмогни своему суженому!

Саня неумело начала, но ноги сами понесли по кругу. Она притоптывала туфельками на низком каблуке, специально купленными на свадьбу.

- Смотрите, как шпарят! – подбадривали выпившие гости.

- Молодцы, меня утомили, рукам надоть отдохнуть! – гармонист перестал играть, расцеловал молодожёнов.

- Невестушка-то чернявая, пригожа, косы длинные и чёрные, глаза таки же, - толковали бабы, когда-то сами были молодые, но за прожитые годы потеряли прежнюю красоту и внешность, появились морщины на лбу и у глаз. У подвыпивших развязались языки, они говорили, перебивая друг дружку, что приходило на ум.

Глядела Авдотья на сына, слов нет: хороший и пригожий, с матерью ласковый, засморкалась в фартук.

- От сердечка будто отымаю...

- Ты чо, Авдотья, дом жа он не собиратся покинуть, - успокаивали соседки и юртошные женщины.

- Знамо так, но ведь своя семья у него будет, ребятишки пойдут...

- Так у кого их нет? Тебе ишшо достанется водиться, еслив невестка станет плодиться, - шутили бабы, каждая по себе знала, что девки замуж торопятся, не думают о том, что женская доля ох как тяжела. В доме хозяин муж, выполняет основную тяжёлую работу, жена подле, помогает, детей выхаживает, варит, в доме порядок ведет. Когда согласие есть, взаимное доверие, то живётся лучше, беда и горе переносятся легче.

После свадьбы молодожёны пожили в единоличном хозяйстве мало времени. После гражданской войны наступили перемены. Сначала в центральные губернии России, потом в Сибирь пришла советская власть, в далёкий лесной край. Вместо торговли купца в летнее время стали открывать лавки интеграла, которые продавали товары и продукты постоянно. Поя-

вились конторы сибпушнины – они принимали пушнину от охотников, обеспечивали их провиантом, ружьями, капканами, мукой, чаем, табаком, сахаром и другими товарами. Позже были созданы рыбоприёмные пункты от рыбозавода. Остяки довольны:

- Сапсем карашо! Не нато ждать купезу, счас мошно каждый день прать «мейя энг», табак, тай.

Этот разговор состоялся в конторе сибпушнины в присутствии директора Брезгуна. Он был бритоголовый, с круглым лицом, широкий в плечах, с отвисшим брюшком.

- Правильно говорите, товарищи охотники. Народная власть пришла к северянам, она заботится о туземном народе, об охотниках. Меха теперь будете сбывать не купцу, а государству. Об одном прошу вас – поменьше пейте огненной воды, она вредная для здоровья.

- Пошто ругашь «меня энг»; серсе веселит, петь, плясать кочется, - не согласился Пачельгин.

- Шкурки топудем, за огненную воду оттатим. Шишки кедры нонче много, белка есь, из других урманов придёт, где нет корма, - поддержал Альвин.

Директор призывал остяков вступить в штат сибпушнины:

- Кто желает поступить охотником – милости прошу в любой день.

- Как пойти к тепе, нас в тузартель саписали? – напомнил Пачельгин.

- Тогда другое дело, но кто осенью добудет шкурки, мы всегда примем, дадим вам порох, дробь, капканы...

- Латно, латно, тода поклятим, - неопределённо сказал Альвин.

В Катальге, других юртах создавались туземные артели. Корешковы не стали спорить и возникать.

- Власть есть власть, плеть обухом не перебьёшь, - сказал Семён Фёдорович. – Отдадим Карюху, одну корову.

- Чем жа ребятишек кормить будем? – озаботилась хозяйка.

- Красулю себе оставим, без молока ребятишкам никак нельзя, наверное, поймут нас.

Расставаться с большим хозяйством жалко было Столбовым, но и они согласились вступить в артель. Старик Степан, переживший Фёдора Корешка и его Марью, посоветовал вошедшему в года сыну Василию:

- Не хочу, чтобы на старости лет сослали. Гляди, скоко пёрли по Васюгану спецпереселенцев, которы не захотели в артели пойти, выслали насильно.

- Куда жа нас высылать, можа дальше на север, к юганцам, так туда кроме как на оленях зимой не попадёшь? – засмеялся сын.

- Куды ни куды, а оставь корову, есь свиньи, овцы, куры, проживём. Остальное сдай! У меня сил боле нет, ты надорвёшься, грыжу наживёшь, держать стоко скотины! – построжил старик.

- Жалко оно, конечно, за дарма нажитое отдавать, однако силой отберут. Токо чем в артели той займёмся, для пашни земли нет, места низкие, весной подтопляет водой и долго она стоит, луг с травой, правда, большой: скота можно разводить, рыбу ловить, пушнину добывать.

Подошедший к концу разговора Корешков вмешался:

- Слышал я от Ивана Ильина, его метят в председатели, станут ладить пихтовые заводы, гнать пихтовое масло, дёготь из бересты, смолу из сосновых корней, найдут, чем заняться.

На состоявшемся вскоре собрании артельщики избрали председателем Ильина, бригадиром Столбова, счетоводом Пестова. Тут же Ильин объявил:

- Первым делом поставим на речке Кательге атарму, рыбы должны добыть. Коней и коров соберём летом, когда трава вырастет. Надо сейчас лес заготавливать на коровник и конюшню, летом построим. — О пихтовом заводе он умолчал, не знал, как и с чего начинать. Оставшийся один в накуренной конторе Ильин задумался: в своём хозяйстве всё было понятно, что делать и как. Тут артельное, надо работу дать, править общественным хозяйством, тут никто не знает, дело новое и всё непонятно. Спросил бы у кого — так никто не даст совета, поэтому думай сам. Много разных сомнений, главное, нет денег — заработай их, а за счёт чего?

Утром бригадир пожаловался председателю: Пачельгин, Альвин и другие остряки не пошли готовить лес на строительство. Ильин позвал их в контору:

- Вы это что, мужики, вчера договорились работать вместе, седня отказываетесь.

- Артель карашо, а охота и рыбалка лучше. Мы рыб ловить станем, лес нам не нато, - упёрлись те.

- Кто лес пилить и возить станет?

- Не снаем.

- Какая же это артель, ежели не хотите работать?

- Не снаем. Мы станем рыб ловить, атарму на речке ставить.

- Атарму немного позже поставим, сейчас лес примемся дружно готовить, бригадир покажет где. Поняли?

- Поняли, но лес пилить не станем.

С тем и ушли. Они испокон веков привыкли охотничать и рыбачить, не было желания заниматься другим делом. Тогда им дали нитки, вязать невод с большой горловиной, которую называют маткой, для перегораживания речки и лова рыбы.

В Айполово создали туземный совет, самой большой юрты в верховье реки. Вместе с директором сибпушнины Брезгуном Лаврентий Корешков поехал регистрировать появившегося на свет третьего сына. В туземном совете, после окончания Ленинградского института народов севера работал

секретарём молодой остяк Тагаев. При выдаче свидетельства о рождении ребёнка он спросил Корешкова:

- Сынка родился?

- Третий уже!

- Так много? Ишшо будут?

- Куда им деться, потрясу штанами, и опять появятся, - смеялся молодой артельщик.

- Ладно, приходи ишшо, скоко родишь, всем выпишу метрики, - шутил секретарь. — У меня токо одна дочка есь, мало ишшо.

Начался туземный совет. На нём Брезгун рассказал, чем будет заниматься «Сибпушнина».

- Главная наша задача — больше готовить мехов и шкурок пушного зверя. Охотников обеспечивать станем мукой, сухарями, чаем, сахаром, табаком, ружьями, провиантом, капканами. Кто согласится, примем в кадровые охотники. Пушнину будем осенью и зимой принимать по государственным ценам. Мне обещали выделить средства на постройку промыслово-охотничьей станции. Это одна из первых в нашей стране. На ней постоянно будут жить промысловики.

Выслушали его внимательно члены тузсовета, но никто ничего не сказал — не знали, что надо говорить в этом случае. Затем председатель совета сказал не совсем понятно:

- Тузсовет печати нет я уже кончил. Секретарь, напиши протокол, завтра подпишу. — Видно не было в туземном совете печати, и надо было её заказать.

По последнему санному пути весной ехали обратно Брезгун и Корешков из Айполово.

- Слушай, Корешков, поступай ко мне охотником, думаю, не пожалеешь, - предложил директор.

- Заманчиво пойти охотником, но мы с отцом всё хозяйство отдали в артель, бросить его и остаться ни с чем. Так, вроде, нехорошо, надо прибыль иметь и жить за счёт работы в ней.

- Ну, гляди, токо если надумаешь — приходи, тебя приму первым.

- Кто знает, можа не поглянется в артели, зарекаться не стану.

Весной он с другом Пачельгиным, Альвиным, Созонтовым, Гусевым установили на речке Кательге атарму, с вершины её по ночам спускалась рыба, добыли язей, шук, окуней, плотвы и сдали на рыбпункт более десяти тонн. Это неплохое начало для артели, но не для артельщиков, им начислили трудодни.

Летом строили для коней и коров помещения, на лугу обществом готовили сено, позже для личного хозяйства. Когда Корешков с женой поехали сгребать сено, взяли с собой старшего четырехлетнего сына Васю. Отец в шутку дал ему деревянные грабли.

- Сынок, гребни сено.

Мальчишка с серьёзным выражением лица взял в руки грабли, не мог их поднять, но пыжился грести. Отец и мать видели, с каким деловым видом принялся работать их первенец, от души смеялись.

- Молодец, Вася! Хватка у тебя отменная. Хороший работник станешь, кода вырастешь, не станешь лодырничать. - Отец на какое-то время задумался: - говорят, школу откроют начальную, до четырёх групп, а как дальше учить и жить, ну да зачем заранее заботиться, жизнь покажет, сейчас не платят деньгами, трудоднями начисляют, толку от них не будет, гляди, сколько управы в артели: председатель, счетовод, бригадир, конюх, сторож - всем надо платить. В единоличном хозяйстве каждый себе хозяин, никто не командовал, не считал, на работу не назначал. Что достанется артельщикам?

Русские привыкли к крестьянскому труду, потому делали в общественном хозяйстве как у себя дома, а остяки не хотели. Они, как раньше, вставляли по утрам, когда хотели, не торопились.

- Поработайте летом, осенью отпустим вас в урман белковать, - уговаривал Ильин. Те соглашались, но не хотели косить траву и грести на жаре сено, это для них невыносимо, ведь они в прошлом добывали рыбу или уток, сварят и спят в балаганах. Закончится еда, снова едут добывать зверя или птицу, рыбу.

В разгар сенокоса председатель поехал верхом на коне на луг, посмотреть, как идёт заготовка сена. У конторы «сибпушнины» его встретил директор Брезгун.

- Иван Фёдорович, зайди, поговорить надо. - Вошли в контору, тут спросил: - Как жизнь?

- Неважная житуха. Артельное хозяйство вести - не штанами трясти, думаешь, как сделать, получается по-другому. Сено, скажем, убирать надо, а тут дождь пошёл, зарядит на несколько дней, душа рвётся, ведь сгниёт, чем зимой скот кормить? Людей плотничать не перекинешь, не все могут топором угол вырубить. Каждый артельщик хочет рыбы или уток добыть - семью кормить, разбегутся - попробуй, собери. - Ильин завернул «козью ножку», достал коробок со спичками, чиркнул сернистой головкой, прикурнул, затянулся и протяжно выдохнул. - В районе заставляют пихтовое масло гнать, а как гнать - никто не подскажет.

- Понимаю тебя, единоличник жил сам по себе, как мог и умел делал, в артели каждому укажи, покажи, чо и как. Люди привыкли к одной жизни, теперь ждут наряда, не все берутся с охотой, а так - через пень колоду, - поддержал Брезгун. Он видел и знал, как трудно началась и идёт артельная жизнь. - Знаешь, зачем тебя позвал? Ты вот о пихтовом масле толкуешь, не поймёшь, с чем его «едят», я хочу предложить испокон веков известное занятие для юртошных мужиков.

- Какое такое занятие можешь предложить, товарищ Брезгун?

- Самое простое - отпусти осенью в отходничество мужиков. Выгода обоюдная - государству пушнину заготовим, сбывать за границу «мягкое золото», артели останется процентов двадцать дохода от сданной охотниками пушнины. Как на это глядишь? - Брезгун тонким батистовым платочком интеллигентными пальцами вытер запотевшую без волос круглую голову.

- Мужиков, особо остяков, того же Лавруху Корешкова верёвкой привяжи, так не удержишь, сбегут в урман. Энта охота така зараза, спасу нет, по себе знаю, тоже не усижу, возле юрты всё равно стану белковать с собаками, глядишь, глухаря или зайца добуду, каждому надо рубль зашибить, - ответил артельный вожак.

- Вот, вот, по себе знаешь. Выходит, по рукам, Иван Фёдорович. Аванс мужикам под пушнину дам: муки, провиант, чай, табак, сахар, придут с охоты, тогда вычту.

- Так и придётся сделать. Слышь, Илья Захарыч, не мало даёшь - двадцать процентов? - начал прицениваться Ильин.

- Можно прибавить, однако, сам посуди, охотнику продукты надо, провиант кожи на бродни, сукна на сермяжку, на штаны, семье оставить кормиться. Ежели их обобрать, то голыми от охоты останутся, не станут напрок промышлять, - уверял опытный и хитроватый директор.

- Хорошо, потом поглядим, - оставил разговор на будущее председатель артели.

В один из ненастных дней, когда сено в валках промокло, в контору к Брезгуну зашли Корешков и Пачельгин, они слышали об отходничестве, хотели от директора разузнать подробнее.

Брезгун рассказал об условиях отходничества.

- Слово то какое отходничество, вроде, отходить, с белым светом прощаться, - пошутил Корешков. Его директор приглашал переводчиком, когда приезжали зимой на оленях юганцы, они сдавали пушнину. - Глаза, вроде, рано закрывать, отходничать все мужики согласны, с молоком матери охота появилась у каждого, токо свистни, враз все сбегутся.

Пачельгин мало понимал, о чём идёт речь, моргал глазами, улыбался, зато Корешков прикидывал, что к чему, пытался вывести, его послали мужики обо всём разузнать.

- Аванс буду давать под пушнину, - продолжал Брезгун

- Аванс тоже какое-то не наше слово. Выходит, в долг брать, так это не привыкать, купец тоже вёл долговую книгу, никто, наверное, не откажется взять в долг, потом отдаст. А по какой цене шкурки станете брать?

- Цена известная, по прейскуранту.

- Опять какой-то прейскурант? Ты прямо скажи, сколько стоит шкурка белки, соболя, лисицы?

- Сибпушнина не барахолка, цены одинаковы, - директор достал «прейскурант», назвал стоимость шкурок всех видов пушного зверька, какие водятся в местной тайге.

- Слышь, Алёшка, если этот прейскурант не врёт, то цены подходящи, больше, чем купец платил. Ладно, подойдёт. Сколько стоит в вашей лавке крупчатка, головка сахара, «рука» китайского чая, осмушка табака?

- Ты, Корешков, как на базаре торгуешься, - почесал лысину директор. - Цены такие же, как в интеграле. У тебя голова работает хорошо, жалко, неграмотный, то бы поставил пушнину принимать и товары продавать.

- Куда мне... Зверюшек добывать, рыбу, глухарей - на это я грамотный, других поучу. Грамотеи пускай штаны протирают за столами, их много стало. Скажем, если кто сдаст много пушнины, тому добавка может быть?

- Вон на что ты, голова садовая, намекаешь! Идея заслуживает внимания. Надо вверху, с начальством порешать, глядишь, в казне найдутся деньги для лучших охотников, премией называется.

- Кажется, чо надо, узнал, можно идти.

- Ты, может надумал пойти ко мне охотником?

- Покуда не надумал, но погляжу, в артели просвета не видно, без штанов, однако, скоро останусь, - неопределённо сказал Лаврентий.

С наступлением половодья по реке тарахтели катера, буксирные пароходы тащили баржи и паузки в верховье для комендатуры грузы. На одном из транспортов приехал инструктор из «химлеспрома», недавно организованной в «Путь севере» организации. Он привез большой деревянный чан (бочка), какие-то патрубки и трубки. Установили их на пихтовом заводе, в лесу, где больше росло пихтача. Там построили длинный барак, в нем неделями жили артельщики. Мужчины срубали с пихт ветви, на вязанках таскали их к этому примитивному заводу. Вместе с другими работал Лаврентий Корешков. Мальчишкой забирался на кедры, сбивал шишки, потому не новое казалось занятие. Но один раз оплошал, промахнулся и угодил острием топора по коленке, потерял много крови, долго болела нога, хромота, но у молодого все быстро зажило. Осенью с охотниками пошел от артели на оходничество, добывать пушного зверя с другом детства Пачельгиным.

Вернулись они из тайги с богатой добычей, но рассчитались с авансом за продукты, кое-что взяли из одежды ребятишкам, отцу, матери, себе с женой, немного оделись, обулись, но впрок на продукты ничего не осталось.

С наступлением зимы, когда «пробили» зимник, пошли обозы с грузом в обе стороны. Из дальнего вольного колхоза, жители которого переехали в необжитое место, спасаясь от колчаковцев, партизанили и колхоз назвали «Красный партизан». Жили в этом хозяйстве перед войной хорошо, получали на трудодни много хлеба. Там держали крупный рогатый скот, свиней, овец, мясо в госпоставку сдавали и по наряду и распоряжению райисполкома везли в Средневасюганский детский дом. Возчики всегда на постой заез-

жали к Корешковым на ночлег, ведь преодолевали по тридцать и сорок верст, в мороз, в пургу, в бездорожье.

- Как живем, Лавруша? - спросил старший из обоза Григорий Лаконин, хотя сам заметил, как нелегко тому с большой семьей жить в артели.

- Как тебе сказать, если хорошо скажу, то не поверишь. Сам видишь, как стали в артели работать, почти ничего не получаю. Семья прибывает, а работник один.

- Слушай, поедem к нам, хлеба у нас много, огород будет свой, корову, свиней, кур станешь держать, думаю, легче заживешь, - уговаривал Лаконин.

- Семья одиннадцать душ, отец с матерью не хотят никуда уезжать, две сестры незамужние. Придется терпеть. Да и какой из меня пахарь, не привычен, я охотник и рыбак, - сомневался Корешков.

- Гляди, тебе виднее.

Только ушел обоз из колхоза, зашли и попросились на ночевку исхудалые и голодные мужчина и женщина из спецпереселенцев. Они не первые и не последние, каждый день были такие постояльцы.

- Люди добрые, подайте милостыню, ради Христа, - они молились и склоняли до пола головы.

Бабушка Авдотья отрезала от ковриги краюшку хлеба, дала вареной картошки.

- Ночевать наверно, негде? - спросил Лавруха.

- Негде, - признались те, как виноватые.

- Оставляйтесь у нас, поужинаем что есть.

При свете керосиновой лампы долго сидели и разговаривали хозяева с пришлыми, может быть беженцами.

- Откуда вы сами-то?

- Из Тюхтета, это под Красноярском.

- Далеконько. Сослали, что ли оттуда?

- Оттуда, - ответил суховатый мужчина.

- Как жили до ссылки?

- Голодные не сидели. В избе как у всех: прихожая, горница, стол, лавки, печка русская.

- Скота много держали?

- Два коня и две коровы, были свиньи, овцы, куры, опять же, как у всех деревенских.

- За что тогда раскулачили?

Ответила молчаливая женщина средних лет.

- За то, что маялись на пашне и с хозяйством как оглашенные с восхода до заката солнышка.

- Налоги невмочь, конторы сполнить давали, а без земли не могли жить, ведь деды и отцы с нее кормились.

- Ума не хватило, ведь русский умен задним умом, другие побросали все и в город подались,- добавила жена сухощавого.

Корешковы понимали этих обездоленных, ставших нищими и попрошайками, когда-то державших крепкое хозяйство, живших в достатке за счет тяжелого крестьянского труда.

- Тятя, пошто так делается, зачем от пашни людей отымают? Они же вреда никому не сделали? - спросил Лаврентий отца, который был на фронте, видел умных людей.

- Неведомо мне, сынок. На войне солдат стоит на вытяжку перед офицером, тот перед генералом в штабе, генерал в столице тянется перед царем. У кого главная власть, тот верховодит, как придумает. Народ для них как стадо овец, гонят их – сами не знают зачем. Сверху одну команду дают, снизу рады лбы расшибить, чтобы выслужиться, вот «ломают дрова через колесо».

- Они хлебопашцы, тут в лесу, какая пашня, работы никакой, как людям жить они же загинут!

- Ты правильно толкуешь, токо в верхах засели видно безбожники, задумали погубить крестьян голодом и холодом.

Младший Корешков горячился:

- Слышал я в церкви батюшку, толковал он о светопредставлении, греховодники к тому толкают, наверное, сбывается, если людей не жалеют, с земли сгоняют.

- Все так, все так, но что мы сделаем, прав тот, у кого боле прав, у кого сила, винтовки и пушки.

Заходили к Корешковым парни и девки совсем юные, тоже просили «ради Христа» и переночевать. С ребятишками забирались на печь или палаты, рассказывали сказки, сами говорили, что хочется есть, им приносили хлеба, картошки.

Самим Корешковым становилось жить все труднее и труднее, никто их не высылал, но в артели на трудодни почти ничего не давали. Встретил Лаврентия на улице директор Брезгун, он знал о трудностях в семье.

- Что, Корешков, голову повесил? Говорил тебе, переходи охотником ко мне.

Разрешили строить Катайскую промыслово-охотничью станцию на север, в юганскую сторону. Для каждой семьи построим большой дом, потом клуб, лавку, контору, баню. Мужиков я уже нанял плотничать. Как смотришь на мое предложение?

- Из артели ведь не отпустят.

- Уйдешь на отходничество, зачислю в штатные, на том помашешь рукой. Не будут же тебя обратно переселять.

- Наверно решусь. В залог избу артели сдавать приходится, задолжал. Жить стало невмоготу. Потолкую дома, свояк с женой в гостях, - может он надумает.

- Свояка приму плотником и охотником. Ты только долго не раздумывай, через неделю поедем начинать строительство ПОС. Место красивое подыскали на высоком берегу речки. Осенью можешь перебраться в новый дом.

На домашнем совете возражений не было, кроме матери, сомневалась она:- Сидели бы на месте, тут тоже лес кругом, однако по реке летом, зимой по дороге люди едут, а там вовсе глухота, соскучитесь скоро.

- Свояк Томский – Абрам, сын Корнилы, из братьев васюганцев, женившийся на родной сестре Сани, одобрил затею с переездом. Не возражала его молодая жена Клава.

- К осени мы подъедем и направимся вместе обживать ту станцию – хватит с нас артельной жизни.

Брезгун остался доволен, знал Корешкова как порядочного человека, такой нужен охотник, один за двух добудет пушнины. Он сам с бригадой плотников поехал на лодке-завозне. Везли с собой поперечные и продольные пилы, топоры, запас продуктов. В пути видели сохатых, стоявших в воде от гнуса и жары, однако их не потревожили, мясо быстро испортится, лишь животное сгубишь. Когда добрались до места, директор с довольным видом показал, где и что будут строить.

- Тут, ребята, в сосновом бору, выстроим поселок для охотников. С богом беритесь за дело. Стройте добротню: и вам, и мне здесь жить придется, - наставлял Брезгун. Он побыл два дня и вернулся домой.

Застучали топоры, завизжали пилы в этом красивом сосновом бору. Восемь мужиков с ними опытный плотник принялись за работу. Жили в брезентовых палатках. Директор привез бильярд, патефон с пластинками русских народных песен. После утомленной, тяжелой работы на комарах мужики забивали шары в лузы, радовались удачным ударам. По вечерам добывали рыбу в речке, глухарей и рябчиков в лесу. Наигравшись в бильярд, наслушавшись песен и музыки забирались в одну из палаток и слушали были и небылицы.

Остак Кучуков из Калганана вначале до слез нахохотавшись, стал говорить:

- Сижу ночью в кустах на берегу озера, жду, когда сохат выйдет из леса к воде. Спать захотелось, слышу кто-то булькает, ближе и ближе ко мне, показалось, чернеет, не медведь ли, может память, прицелился, «бац», забахтался в воде, аха, думаю, попал, а оттуда крик - «Помоги!», «Помоги!» Я в обласок, подъехал, гляжу, дедушка из наших, за обласок держится. Мог угробить старика, ладно промахнулся.

- Добыл сохатого? – хохотали мужики.

- Поняшь, какой добыл... дедушка напугался, животом стал мучиться, кое-как притащил в юрту.

Продолжил Корешков:

- Когда был парнем, в деревне у меня была хмара. С ней на вечерки ходил. Тамошним парням не понравилось, хотели меня избить, отвадить от этой девки. Вечером встречаются трое. Один здоровый верзила с издевкой говорит: «Чо, сморчок, не намарал в штаны, когда нас увидел? Сейчас дадим тебе по харе – кровью умоешься! Небось, знаешь за чо». Хотел меня ударить, я выхватил из кармана наган и закричал: «Подходи, если жить надое-ло!» Увидели они тот пугач, хватили, только пятки засверкали.

- Дал ты им прикурить, не то, может, не сидел сегодня с нами.

Подключился третий рассказчик:

- На гулянке богатенький старичок заспорил с прыткой на язык бабенкой, кричит та принародно: «За трешницу разлягусь на полу на виду у всех, делай со мной что хошь» Бородач толкует: «Врешь, постыдишься!» «Не вру», разошлась пьяная баба, задрала юбку, кофту и бац на пол. Походил вокруг нее старичок, похихикал, достал трешницу и отдал этой бабе.

- Ха-ха – ха, - ржали в восемь глоток плотники.

Таких подобных, нередко пошлых побасенок было рассказано невесть сколько: о встрече с медведями, о сохатых, нападавших с деревьев рысях, о добрых и злых духах.

На строительстве, во время перекура плотники рассуждали.

- Барские мы дома мастерим, кто в них жить будет?

- Мы с вами, кому еще. Брезгун обестился, кто переедет обживать эту станцию... Станцию? Не могли по-другому назвать, отозвался Корешков. Он умолчал, что со свояком надумали переехать сюда осенью.

К сентябрю стояли два дома, хоть сейчас переходили, из глины сбили пещи. У плотников закончились сухари, чай, табак, и мужики заспешили домой. Как без них живут семьи? Подошло время копать картошку. Надо в баню сходить помыться, пожить без комаров, мошки.

Томский Абрам с женой и двумя ребятами уже ждали Корешкова.

- Как поглянулось новое место?- спросил свояк.

- Место доброе, кругом сосновый бор, речка рядышком, рыбы полно, там никто ее не ловит. Кедровые урманы близко. Белок собаки много находили, рябков, что воробушек. Далековато, правду мама толковала, место глухое, живой души нет, кроме зверья и птицы, - ответил Корешков.

- Я с места снялся, поворота обратно нет, избу продал, поедом обживать ту станцию, - уверенно сказал Томский.

Напористый осенний ветер срывал пожелтевшие засохшие листья с осин и берез. В наступившие короткие дни солнце светило, но мало грело. В ту пору по таёжной речке медленно двигалась лодка-завозня. Корешков и

Томский упорно гребли вёслами против течения, Саня и Клава попеременно садились в корму, правили деревянным рулём.

Привыкшие к северному климату ребяташки с интересом глядели, как с крутых яров тяжело поднимались вспугнутые глухари, весом до полпуда и серые глухарки-капалухи с набитыми галькой зобами. С черёмуховых кустов с шумом взлетали рябчики, кормившиеся сухими плодами с косточками. Они увидели завизжавшего пса Абрека, который прыгнул на колодину, с неё на мирно спавшего медведя, до отвала наевшегося кедровых орехов.

Ночевали путники на высоком берегу речки под мощными кедрами. Развели большой костёр, поставили палатки. Под крик растревоженных лесных кедровок, соек и лесных пташек они поужинали и уснули. Их покой охраняли чуткие собаки, ночью те всполошились, но скоро успокоились.

В полдень вышли отдохнуть на лесную поляну. На ней увидели растущий зелёный полевой лук, по вкусу напоминавший домашний, доброе лекарство, когда кровоточат дёсны. К вечеру лодка причалила на станцию без названия.

- Вот тут будем жить, - сказал Корешков, открывая дверь большого дома. В нём тишина, безмолвие. Женщины молча разглядывали новое жилище. Всё равно только ребяташкам, им даже интересно, что-то новое, невиданное раньше. Под защитой родителей не о чем беспокоиться. Мужчинам, привыкшим бывать на станах и урманах и проводить месяцами время в охотничьих избушках или ночевать под открытым небом, это – прекрасная квартира.

Абрам, по характеру весельчак, в отца, шутил:

- Такого дома по Васюгану я нигде не видел! Какой домина! Никто тут нам не помешает, заживём припеваючи.

Видно, не совсем были с ним согласны женщины, но помалкивали.

- Разводи, Саня, огонь в печке, я пойду рябков добуду, - сказал Корешков. Через некоторое время загремели выстрелы из двустволки, которую получил как премию за сданную пушнину, вскоре вернулся с рябчиками.

Мужчины стали готовиться к промысловому сезону: сделали новые лыжи, наряды, зарядили патроны. Занялись затем пилить и колоть дрова, оставить семьям топить печи в зимние холода, чтобы не мёрзли ребяташки. Поставили на мелководе у ключей котцы и добыли свежей рыбы. С похолоданием завалили сохатого на мясо.

Саня и Клава, привычные заниматься домашним хозяйством: доить коров, поить телят, тут лишь готовили обед, ходили за водой на речку, теребили принесённых мужьями глухарей, рябчиков, куропаток. Свободного времени оставалось много, потому приходили мысли о матери, о неустроенности жизни, о том, что ждёт впереди.

Энергичная весёлая Клавдия, не в пример спокойной, тихой сестре Сане, попросилась пойти на охоту.

- Хоть на один день, - уговаривала своего Абрашу.

- Не бабье это дело, по урману шпаться! – однако, не устоял. – Ладно, токо на день, не боле.

Снег ещё не выпал, лишь по утрам иней серебрил сухую траву, узорчатый белый мох, багульник и болотные кочки со спелой, с мягкой кожицей красной клюквы. Шли Абрам с Клавой по берегу речки, тут находились заросли черёмухи. На них нахохлившись сидели рябчики. Выскакивали вспугнутые зайцы, некоторые в серой летней «одежде», другие стали наряжаться в белый, под цвет снега, чтобы лисицы, совы, рыси не могли заметить трусишек, не схватить и утолить голод вкусным мясом длинноухого зверька. Вышли в сосновый бор вперемешку с молодой порослью пихтача.

- Абраша, гляди, – «охотница» зашептала так, что, наверное, не слышала собственного голоса.

- Чо, говори громче, - тоже тихо сказал муж.

Та указала пальцем. Спиной к ним сидел мохнатый толстый бурый медведь и «играл» драннощепинами. Ветром свалило сосну, от пня торчало вверх жильё, зверь пригибал его к себе когтистой лапой, затем резко отпустил, слышался дребезжащий звук. «Игрок» прислушивался к нему, склонив голову с большой чугун набок. Неожиданно Абрек залаял на белку, косолапый бросил забавляться, прислушался на мгновение, затем упал на четвереньки, огромными прыжками сорвался и помчался за пихты.

- Вишь, чо поглядела, а ты не хотел с собой брать! – оживилась Клава.

- Это он для тебя концерт показал, я сколь хожу по лесу, ни разу не видел такого.

- Токо чё-то ноги трясутся, и во рту пересохло, - созналась та.

- Ноги, наверное, под музыку медведя танцевать начали, во рту сухо стало от трусости твоей. Хорошо, этот тихо смылся, не заорал, не то от страха упала бы на землю. Он боится собак и человека, потому сбежал, - на ходу говорил Абрам, сам торопился на лай Абрека. В тот день они принесли два десятка белок, глухаря, несколько рябков.

Вернулась Клавдия с охоты, и, под впечатлением, подробно рассказала о медведе-музыканте. Ребятишки слушали её с открытыми ртами. Вот, оказывается, как интересно в лесу! В то же время поглядывали в окно, за которым темнота, ёжились от страха, при мысли, как бы страшный медведь не пришёл к ним, боялись выходить на улицу по нужде.

Корешкову в тот день чуть было не повезло. Он заметил копавшуюся под колодиной лису-чернобурку, по-остяцки – марморку, шкурка которой ценится очень дорого. Стал к ней подкрадываться на расстояние выстрела, кажется, не дышал, ноги переставлял тихо, но на то она и хитрая лиса – подняла голову, прислушалась, принялась. Видно, донесло ветром тревожный запах, прыгнула с места, махнула длинным пушистым хвостом, словно, взлетела в воздух, моментально скрылась.

- Ах ты, счастье в руки шло! Упустил! – горевал Лавруха, даже вспотел от напряжения и досады. Не повезло, зато с помощью собак добыл рысь.

На охоте дни бегут быстро. Не успеет промысловик выйти ранним утром, глядишь, зимнее солнышко уже двинулось на закат, за деревья прячется. Промысловый сезон для охотников оказался удачным – добыли пушны порядком. Семьи кормились мясом, дичью и рыбой хорошо.

- Знаешь, Лавруша, пожалуй, можно тут жить. Зверя в урмане много, птица есть. Как ты думаешь?

- Так же как ты. Согласен с тобой, останемся на этой станции. Начало неплохое получилось. Искать, наверное, лучшего не надо, - ответил свояк.

Желаниям охотников не удалось сбыться. Их ждали посланные на двух подводах катальгские мужики. Абрам заметил их первым.

- Гляди, кони стоят! Брезгун сдержал слово, продуктов нам послал! Скажем ему спасибо, когда увидимся.

- Здорово живёте, мужики. Как добрались, чо привезли, каки новости? – засыпал вопросами Корешков.

- Дорогу пробили, хотя досталось туго, - невесело ответил один. – Привезти ничего не привезли.

- Как не привезли? – от такой плохой вести Томский присел на нарты.

- Новость, токо не добрую, Брезгуна забрали как врага народа, вместе с семьёй увезли.

- Забрали?! За что?

- Вроде, был офицером у белых.

- Вот те на! Вот это новость!

Корешков возмутился.

- Ну и чо, что офицер?! Война давно закончилась, што старое поминать? Опять как с кулаками? Нам-то как быть?

- Напоследок Брезгун сказал, чтобы мы вас вывезли, а то за зиму сгниёте тут.

- Вот ядри твою мамушку! – выругался Корешков.

- Пропали земля и небо, я на кочке простою! – с иронией высказался Томский, внутри у него скребли кошки.

- Вот те новая жизнь! – не знал, что сказать Лаврентий. – Надеялись сызнова начать, вышло обратно оглобли поворачивать.

Один из посыльных сказал:

- Давайте так сделаем: сёдня поздно, сена осталось мало, коням овса дадим, завтрава спозаранку тронемся, засветло бы добраться до юрты.

- Вы хоть тёплую одежду прихватили, не то ребятишек поморозим?

- Как же, тулупы и шубы ваши прислали.

Наступили декабрьские морозы, было очень холодно. Хоть и пробили дорогу, однако, мужики шли впереди лошадей с топорами, рубили ветки, мешавшие кусты, за которые задевали оглобли, дуги. Много раз перевора-

чивались короба, их поднимали и ехали дальше. Наконец, увидели избы с дымиющимися трубами.

Дедушка Семён, бабушка Авдотья, Ира, Соня радостно встретили вернувшихся. Невесело было только Лаврентию.

- Вот так получилось... Начали за здоровье, кончили, вроде как за упокой.

- Ничё, Лавруша, Видно, так Богу угодно, - мать понимала, в каком трудном положении оказался сын.

- Бывает хуже, не переживай, как-нибудь... - успокаивал отец, - в тесноте, да не в обиде.

Корешков и Томский сдали добытую пушнину, отдали аванс: взяли муки, сахару, крупы, товару. Пятилетнему Васе купили красные ботинки, ему они сильно понравились, надел их, вышел на крыльцо, и казалось – он один на свете, хотя, «свет» в детском понятии то, что видишь перед собой: лес, избы, бани, амбары – до того был рад покупке.

Мальчишка в это время увидел конный обоз, передние подводы заходили на постоянный двор, а задних не видно за кромкой озера. Он в новых ботинках побежал по натопанной тропе к постоялому. Там заглянул в приспособленную для жилья баню, за столом сидел испитой парнишка с ложкой, перед ним стояла алюминиевая чашка, везли его в детдом. Ребятишки встретились глазами. У сидевшего за столом потерянный взгляд, ни о чём не говорящий, гляди, мол, на меня, если хочешь. У Васи – напуганный при виде доходяги, шея у него как у кулика, головка маленькая. С подавленным чувством, недавно радующийся покупке, закрыл дверь и тихо ушёл.

Семья Томского на попутном транспорте уехала в Калганак, там Абрам стал работать приёмщиком и переработчиком рыбы от рыбозавода. Корешковы продолжали жить в небольшой избёнке. К осени у них появилась долгожданная помощница матери – дочь, дали ей имя Маруся. Лаврентий сказал жене:

- Скоко родятся, пускай все живут, выходим, на старости помощники будут, только вот житуха не налаживается.

Жена успокаивала:

- Живём пока не хуже других. Погляди, какое время, труднее нас достается переселенцам, чо убиваться.

Новый директор «сибпушнины» Васьков «заморозил» строительство промысловой станции, собрал охотников и объявил:

-хлопот от той станции много, выгоды никакой, да кто там будет жить. У нас другие важные дела, поедете на Обь. На лугах полно кротов, надо их ловить.

- Зачем ехать к чёрту на кулички? Мы бурундуков весной больше добудем, зато дома!

- Бурундуков добудем и кротов тоже! – резко ответил директор.

- Не поедем на Обь!

Охотники не соглашались уезжать далеко от дома. Надо сено косить, рыбу семье ловить, кормить ребятишек чем-то.

- Вот так, это распоряжение областной конторы, кто откажется его выполнять, того уволю, - предупредил на вид щупленький, с рыжеватой бородой молодой директор.

Пошумели, покричали охотники, но, ведь, если не подчиниться, то уволят, а где найти работу в юрте, снова пойти в рыбартель на трудодни.

Обь встретила катальгских охотников полноводьем, не в пример Васюгану. По могучей реке шли двухэтажные пароходы, большие буксиры тащили огромные баржи. Корешков с Пачельгиным набрали в лавке хлеба, других продуктов, переплыли шириной с километр Обь и сразу на лугу увидели бугорки, тут находились норы кротов.

- Гляди, скоко их! – они поставили палатку, принялись разгребать эти бугорки и ставить в норы капканы. Подслеповатые кроты лезли в ловушки, надо было непрерывно их проверять и вытаскивать этих небольших с мягкой шёрсткой зверьков.

Занятые съёмкой шкур на стану охотники не заметили подошедшего человека, по всему видно охотника или рыбака.

- Здорово, мужики, - сказал тот на неизвестном Корешкову и Пачельгину языке. Они оба пожали плечами, видят, говорит какой-то туземец.

- Ты по-русски умеешь говорить? – спросили его.

- Умею, - ответил ясно и понятно незнакомец. – Здорово, мужики.

- Здорово, если не шутишь, - продолжал Корешков. – Ты кто по национальности?

- Я обской хант, зовут Егор. Ты, я вижу, тоже не русский? – обратился к Пачельгину.

- Я остяк, с речки Васюган.

- Кажется, мы похожи друг на дружку, а языки у нас разные.

- Я знаю остяцкий, юганский, а твой первый раз слышу, - вмешался Корешков. – Как живёшь, обской человек?

- Ничё, вроде. Осетров, стерлядку, нельму ловлю самоловами себе и продаю сподтишка, хватает на хлеб, водку пью.

- Тебе, видать, и впрямь легче прожить, мы, вишь, какого зверя ловим, по четыре копейки за штуку.

- Наши сибпушнинские охотники тоже ловят, так они дома живут, рыбу красную добывают, гусей, уток бьют.

- Каждый по-своему с ума сходит, - пошутил Корешков.

- Вы, поди, стерлядку не ели? – спросил хант.

- Чем мы её добудем? Снастей у нас нет таких, как у тебя.

- Пошли к моему обласку, дам на уху жирных стерлядок

- Спасибо, если задаром, а то уплатить нечем. Сходи, Алексей.

- Даром, даром даю, поешьте обской красной рыбы.
Сварили позже уху из стерляди, хвалили оба.
- Пожалуй, повкусней рябчика. Пальчики оближешь, - смеялся Корешков.

- Даже лучше ершовой ухи, - поддержал Пачельгин. Хорошая уха считалась из маленьких икринистых ершей и мясистых окуней, которых варили не очищая чешуи.

У охотников на кротов с собою были двустволки, на многочисленных озерах среди полей с тальником, они добывали на суп жирных уток.

Однажды разбушевалась буря, ветер поднимал высокие волны, вихрем проносился по лугам. Немного будто бы успокоился, решили охотники побывать в Каргаске, на другом берегу, за продуктами, которые закончились. Оказалось, волны на середине реки по-прежнему качали воду. От всплеска о борт она заливалась в обласок, Пачельгин едва успевал вычерпывать кружкой. Оба были напряжены, и лица белы, как береста, вот-вот волна накроет судёнышко. Не верили, что остались живы, когда подчалили к берегу.

- Господи, спаси и помилуй нас! - повторял Корешков. Когда оказались вне опасности, перекрестился: - Слава тебе, Господи! Ишшо, наверное, увижу семью. Ты хоть просил добрых духов помочь нам? - спросил Пачельгина.

- Не, паря, забыл, - признался тот.

Месяц провели они на отлове кротов, не менее тысячи шкурок заготовили малоценных зверьков. Ждать, когда по Васюгану пойдёт водный транспорт не стали, подумали, догонит какой в пути. Только на четвёртый день, когда проплыли более ста километров, нагнал почтовый катер, капитан взял их. Он расспрашивал, где были, когда узнал, что отлавливали кротов, не сдержался:

- Кто это у вас такой чёрствый начальник, его бы сюда, поглядеть на безмозгло!

- Кому пожалуешься, в областной конторе его поддержат, толку от этой жалобы ни на грош, - возмущался Корешков.

У Лаврентия разболелись зубы, распухли дёсны, заложило горло, он простудился на продувных ветрах обских просторов.

- Давай, Лавруша, полечу, - сказала мать, она от своей бабушки выучилась заговорам. У неё была «сила» лечить многие хвори, правила животы беременным бабам, принимала роды. Вышли на улицу, на небе виднелась молодая луна.

- Повторяй за мной:

Месяц млад, месяц млад.

За горами бывал, за горами бывал.

Мёртвые тела видал, мёртвые тела видал.

У них зубы не болят, не болят.

У них дёсны не мозжат, не мозжат.

Так и у меня, у раба Лаврентия,

Зубы не болят, зубы не болят,

Дёсна не мозжите, дёсна не мозжите.

- Завтра полечим ишшо. Теперь заговорим боль в горле, тоже повторяй:

Жаба-жабовица, не ты меня ешь,

Я тебя ем.

- Проглоти слюну и сплюнь. Так повтори три раза. Теперича ложись спать, должно полегчать. - И, правда, на утро ему стало лучше.

Пока мать занималась заговором, с запада стремительно неслась чёрная туча. Её беспрерывно освещала молния, ослепляя всё окружающее, и так бесконечно. Следом громовые раскаты оглушали всё живое на земле. Напуганные звери и птицы прятались в норах, дуплах, кустах, под корнями деревьев. Авдотья Степановна часто крестилась и шёпотом говорила:

- Господи, спаси и помилуй нас грешных. Согрешили мы перед Господом Богом...

Нависшая над юртой тёмная туча сплошным водяным потоком обрушилась на землю. Проливной дождь длился не более четверти часа, но неслись ручьи в сторону реки и обоих озёр, вода затопила картошку, да так, что она стояла между окученными рядками. Туча пронеслась на восток, очистилось небо, появилось сверкающее, ослепительное, давшее большой заряд тепловой энергии, солнце. От огромных луж поднимался пар, по ним бегали босиком ребятишки.

На другое утро к Корешкову пришли охотники, которые по каким-то причинам не смогли поехать на отлов кротов. Он рассказал тем:

- На Оби раздолье, светлее, чем по Васюгану. По берегам луга глазом не обведёшь. Травы полно, кустарники, кротов много, токо овчинка выделки не стоит.

- Как толкуешь, то антиреса нет зазря мантулить, - соглашались русские и остяки.

Лаврентий помылся в бане, подстригся, оделся получше и направился к директору. Тот встретил в весёлом настроении, довольный.

- Здорово, Корешков, с приездом! Как поохотилось на Оби. Может не поверишь, уже знаю, мне из областной конторы отбили радиogramму, поздравили с выполнением плана. В Каргаске находился начальник из конторы, ему известно о том, что наши охотники добыли много шкурок этих... как их... кротов, из памяти выскочило.

- Вам начальник спасибо сказал, премию вырешит, а меня увольняй, тудасилком на верёвке тащи, не затащишь! Работали много, добыли, как говоришь, много, а заработал кукиш на постном масле! Ребятишкам конфет не на что взять! - рассердился Корешков.

- Ладно, ладно, успокойся, живой же вернулся. Осенью наверстаешь в урмане, ты, говорят, мировой охотник.

- Говоришь, живой вернулся? Как видишь. Токо чуть в Оби не потонули, когда за продуктами переезжали! Видно, Бог есть, спас нас! Людей надобно жалеть, не толкать, куда не следует! За это время скоко могли рыбы добыть и сдать, так жили бы дома! Ладно, тятя, инвалид войны, без меня мою семью кормил, - не на шутку разошёлся охотник.

- Ну, что было, то сплыло, - директор считал на эту тему разговор законченным. - Новое задание получено: драть ивовое корьё, на нём навёрстать можно, дорого платят. Тальника на берегах рек, озёр полно. Суши чёрную смородину, шиповник, чагу берёзовую готовь, подойдут кедровые орехи. Дел полно, хоть сегодня берись.

- От работы кони дохнут! Передохнуть дай хоть недельку, ветром качать стало на обских заработках! Подошло время летнее, конечно, всё поспело, токо успевай. Не пойму, кому та кора нужна:

- Из неё на дубильных заводах экстракт делают, он идёт на выработку кож.

- Мы шкуры в ржаные квасцы кладем, шерсть облезет, из кожи чирки шьём.

- Многого ты не знаешь. Думаешь, куда собольи, беличьи, горностаевые шкурки идут? Был я на курсах, видел, выделывают их в больших чанах, этот экстракт кладут, затем сушат, мягчат и шьют дорогие шубы, манто, шапки, за границу потом сбывают по дорогой цене. Государству от этого огромный доход. За вырученные деньги закупают мануфактуру, муку, чай, сахар, и многое другое завозят. Нам перепадает, основное в городах продают.

- Выходит, охотники на город больше работают. Кто лодыря гоняет, тому на блюдечке подносят, а нам, чо останется. Ладно, голова от всего кружится, пойду домой, полежу. - Корешков тяжело поднялся с табурета.

Перед уходом директор сказал ему:

- Ты, гляжу, не в меру горячий. Знаешь, какое сейчас время, язык подвести может. Язык мой - враг мой, так говорят. Ты полегче, не то все может случиться, шепнут, куда надо, семья без хозяина останется.

- Чо пугаешь меня! Я вольный, это спецпереселенцев под комендатурой держат, строжатся над ними.

- Я тебя предупреждаю, чтобы не заносило, сам гляди...

- Вырос в лесу, молюсь колесу, что на ум взбрело, то и толкую, - охотник хлопнул дверью и ушёл...

Отдыхать Корешкову пришлось недолго, надо зарабатывать, кормить, одевать и обувать семью, ребятишкам обновку в школу. Готовить ивовое корьё оказалось нелёгким делом. В жаркую погоду в зарослях тальника душно, не хватает воздуха, комары, мошка, паузы, слепни кусают, пронзая потную одежду. От дымокура слезятся глаза. На первый взгляд, дело не

трудное, срубай талину и обдирай кору, которая полосой от корня до вершины дерётся, ребятишки справлялись с такой работой, однако, от всего того, о чём сказано, они плакали, просились домой. Взрослые уговаривали:

- Потерпите, больше коры надерём, конфет, пряников вам купим, сатину, ситцу на рубахи, малестину на штаны. - Уговоры действовали недолго, искушенные до крови гнусом, они снова хныкали.

Осенью в юрте открыли начальную школу. Её разместили в старом жилом доме. Вместе с другими пошёл учиться в первую группу шести с половиной лет старший сынишка Корешковых, маленький, несмелый мальчишка, правда, сообразительный. Он хорошо запоминал буквы, цифры, получал только «уды». Приехала учить детей старая учительница Надежда Урванова. Она организовала ликбез для взрослых неграмотных.

Встретился Корешкову председатель рыбартели, двоюродный брат Иван Ильин, закурил и стал говорить об охоте, рыбалке, потом спросил:

- Слушай, браток, может, вернёшься в артель, бригадиром на рыбалке назначу?

Усмехнулся браток, поглядел на Ивана, ответил по-свойски:

- Наверное, нет, менять, токо время терять. Избу уже оставил артели за долги, пойду - снова корову отдам, чем ребятишек кормить стану? С моей семьёй не токо в артель, охоту кидать надобно, подаваться, где прожить можно, поднять сынов, учить их время подходит. Зовут мужики в богатый колхоз «Красный партизан» в Тайгинском сельсовете. Думаю, может впрямь туда податься, покуда привечают. Когда обучался, в военкомате тоже обещали помочь, однако, каждый переезд, вроде, на пожаре погоришь. Тут всё оставишь из рухляди, там надобно заводить любую мелочь. Время подходит белковать, подумать время много будет.

- Лавруша, ты слышал, выборы в областной Совет депутатов назначены?

- Нет. Кого выбирать станут?

- Пришли к нам плакаты. На них портрет Самаровой Агафьи Ивановны, тунгуски. В юрте, за Средним Васюганом живёт с матерью. Зайди в контору, дам тебе плакат, поглядишь, мужикам покажешь.

Корешков посмотрел на портрет, лицо у женщины широкое, глаза узкие, волосы длинные, чёрные. Ильин объяснил:

- Я прочитал её биографию, сказано, лучшая охотница, от народов севера выдвигается в депутаты.

- От народа? Токо чо она там делать станет, ради видимости?

- Выдвигают от рабочих, крестьян, вот и от охотников.

- Ладно, дам остякам-охотникам, она на них, вроде, похожа.

Дома показал отцу плакат, тот внимательно разглядывал женщину-охотницу.

- Гляди, тунгуску хотят выбрать? Помню, на фронте шумели: народ должен государством управлять, вот и дошло время.

Сильно удивился Алексей Пачельгин, когда Корешков рассказал, кто это на плакате.

- Паря, как живая, хохочет, тоже охотница, больше мужиков белок настреляла. Вот это баба! Дай мне эту бумажку, стану своим показывать. Как и кто умеет так хорошо нарисовать?

Остяки радовались: охотницу люди станут в совет области выбирать! Сидеть будет за одним столом с большими начальниками!

Неизвестно кто сочинил вскоре про неё частушку.

Я тунгуска, юбка узка,

Полюбила русского.

Парня не женатого,

Ваньку Чихонатого.

Парень такой работал бухгалтером в Средне-васюганском сельпо.

Старик Семён Фёдорович Корешков часто болел.

- О, якри тебя, если бы не война, я бы ещё как конь работал, то ранетый хвораю, особо плохо на перемену погоде, - жаловался он, однако осенью поднимал слопцы на глухарей, зимой петлями ловил зайцев, летом с внуками ездил на обласке на старицу и озёра, добывал рыбу.

- Ниче, тятя, покуда хлеб едим, огород садим, корову держим, лес и вода дают пропитание – проживём, - успокаивал сын отца, как недавно его самого жена. – Токо вот слушок ходит, как бы война не зачалась, вишь, меня другой раз в военкомат вызывают обучаться.

- Всё может быть, - ответил отец, - Недавно первая мировая была, хватило бы той, скоко солдат сгнуло! Когда токо драчки не станет на земле? Чего не хватает, чего делают?

- Кому война, кому мать родна. Наверное, кому-то выгода есть, нам токо она, простым людям, ни к чему!

Хочешь, не хочешь, а пришлось Корешкову в августе ехать на всеобуч, в военкомат. Если не поехать, то могут осудить за отказ от призыва в армию, в каталажку посадят, это ещё хуже для семьи. На сборах в военкомате стреляли из боевых винтовок, бросали гранаты-болванки, рыли окопы, учились маршировать с песнями в строю:

- Если враг нападёт,

Если чёрная сила нагрянет,

Как один человек,

Весь советский народ,

За свободную Родину встанет!

Находившиеся на сборах парни и мужчины с тревогой рассуждали:

- Не зря, ребята, обучают нас, в Красную армию готовят. В воздухе пахнет грозой, как в песне поётся.

- Может, просто обучают.

- Мы, мужчины, должны Родину защищать.

- Время покажет.

Тревожное ожидание, может, предвидение беды и горя, не давали покоя Корешкову. Вернулся со сборов домой, поделился этими мыслями с женой.

- Придётся перебираться в Новый Васюган, обещали в райисполкоме, как многодетной семье дать квартиру. На седьмого ребёнка получим пособие – две тысячи рублей. Ведь это сейчас деньги немалые, купим чо-нибудь.

- Гляди, как лучше. Васю всё равно надо везти учиться в пятую группу.

- Потолкую с тятей и мамой.

Намерение сына старший Корешков принял с огорчением.

- Знаю, каково отцу моему и матери, царствие им небесное, досталось перебраться из деревни и обжиться в осянках, не дай Бог. Тебе с Саней тоже придётся трудно тянуть эту лямку. Нам с матерью недолго осталось свет коптить, от того не сбежишь.

Мать, как и все матери, такую весть не могла перенести без слёз:

- Вижу, тяжело тебе с ребятишками в родном гнезде. Избушка наша мала, а семья добавляется, стены не раздвинешь. Тебе виднее, как жить.

Пришедшая в гости крёстная Лаврентия слушала нелегкий разговор, высказала своё мнение:

- Послушай меня, крестник, как подсказывает тебе сердце, так и делай. Отцу и матери мы с Альвиным поможем, не бросим, не оставим в беде.

Долго говорили о предстоящей разлуке, о том, как жить дальше, ведь, чему быть, тому не миновать. Вышел Лаврентий на улицу. Недалеко от их избушки, на большой поляне, весной затопляемой водой, увидел мужиков и парней, игравших в шаровки. Смотрел на них – кричащих, орущих, на ребятишек бивших лаптой по чижику, а у самого кошки скребли на душе. Жалко ему было покидать Катайгу. Тут родился и прожил тридцать три года. На десятки, может, сотни вёрст, знает урманы, таёжные речки, озёра, болота. Знает, как добыть в тайге зверя, птицу, в воде рыбу. На новом месте не растут калачи на берёзах. В юрте всех знает, а там, где-то, его не многие. Однако, как и его деда-непоседу, гнала с родного места не одна нужда выживать с большой семьёй. Он понимал – надо учить детей в школе, дать им новую жизнь, ведь быть охотником не каждому дано, это тяжёлая работа для азартных людей, не все её могут делать, удача часто отворачивается даже от сильных. Постоянные разговоры о предстоящей войне заставляли заботиться о семье, если возьмут на фронт, то её надо определить.

... Обнажились деревья, стало прохладно, приближалась зима. На реке появились ледяные забереги. В эту пору Корешков с женой и ребятишками ехал на лодке-завозне против течения реки. По отлогим песчаным берегам двенадцатилетний Вася и годом моложе Сашка тащили лодку на бечеве. Упругая вода тормозила её, у парнишек силёнок было ещё мало.

Ночевали в Тимельге, Айполово, на третий день, к вечеру, уставшие добрались до районного центра. Оно, это село Новый Васюган, по сравнению с

юртой Айполово, бывшим когда-то крупным остяцким населённым пунктом, разрослось во много раз больше.

- Слава Богу, не замёрзли в дороге, - радовалась мать большой семьи.

С помощью заместителя председателя райисполкома, коренного, природного жителя из остяков Могутаева, мужа сродной сестры нашли небольшую одноstopку избушку. Корешкова устроили чернорабочим в том же райисполкоме, в зимнее время отгрести снег, разметать дорожки. Неграмотному, научившемуся в ликбезе только расписываться, другой работы не нашлось. Жена Могутаева, Евгения Степановна, добрая и отзывчивая, чем могла помогала Корешковым. Приехавшая раньше родная сестра Ира, ещё незамужняя, работала в сельповской столовой, по вечерам приносила что-нибудь поесть ребятишкам.

Перед Рождеством, в сорок первом году, Лаврентия разыскал в райцентре часто заезжавший в Катальгу из богатого тайгинского колхоза Лаконин. Ему было пятьдесят лет, рослый, здоровый мужик, когда говорил, улыбка не сходила с его лица. У него умерла жена, дочь вышла замуж, он заново женился. Лаконин видел и понял, что его дружку живётся на новом месте ещё труднее.

- Не глянется мне, Григорий, тут, наверное, не привыкну. Не мужское это дело – быть подметалой, стыдно перед людьми. На охоте зарабатывал больше, хозяйство было своё, глухарей, рыбы, уток добывал много, и то еле концы с концами сводил, тут ничего этого нет, - жаловался Корешков Лаконину.

- Послушай меня ещё раз, поедem в наш колхоз, живут у нас хорошо. На обратном пути подводы пойдут пустые, увезём твои шмотки. За неделю, поди, соберёшься?

- Голому собраться, токо подпоясаться, ведь всё оставили, как сюда переезжали. Ладно, была ни была! Токо вот как со старшим сыном? – задумался глава большой семьи. – В Среднем Васюгане живут мои тесть с тещей. В прошлом году с половины зимы он жил у них и учился в школе.

- Так мы туда мясо везём в детдом, попутно твоего сына отвезём, - предложил Лаконин.

- Придётся и нынче направить туда.

Парнишка этой осенью на месяц опоздал в школу в райцентре. Его опять посадили в пятый класс, который он уже закончил, а не в шестой. Кто-то заступился, тогда при учениках класса ему на уроке устроили экзамен устно по грамматике и арифметике. Он без запинки спокойно ответил на заданные вопросы. После второго такого экзамена, учительница сказала: «Завтра приходи в шестой класс». И вот в зимние каникулы, он шагал за обозом двести с лишним вёрст.

Лаврентий Корешков уволился, не стал чернорабочим, твёрдо надумал работать в колхозе. В студёную зимнюю пору вёз он жену и детей на третье

место, искал, где жить лучше, как в пословице: «Рыба ищет глубже, а человек – лучше».

Дорога вела к большому васюганскому болоту, в конце прошлого века его дед Фёдор Корешок переехал «в остяки», теперь внук возвращался в ту сторону, но не перебрался за болото, а остался на васюганской земле, в сорока километрах от того болота.

Не с объятиями и поцелуями встретила деревня Крутая, расположенная на возвышенности у маленькой лесной речушки Чючканки. Лишних домов тут не было, временно семью разместили в конюховке, с тем расчетом, что за лето Корешков, с помощью колхоза построит дом, к осени перейдёт в него. Мечты, мечты, где ваша реальность? Не суждено было Корешковым иметь свой дом, в июне одна тысяча девятьсот сорок первого года началась Вторая мировая война, и семья осталась жить в той конюховке.

Как жила его жена Саня с ребятишками во время войны, об этом рассказано в повести «Горькие слёзы».

После Великой отечественной войны.

Пословицы и поговорки

В юности многому дивишься:
Увидишь верблюда – подумаешь,
Горбатая лошадь

Кто много жил, тот много знает

Где у человека болит, туда
Он и руки прикладывает

Земле нужен мир.

На севере во второй половине января не часто бывает нулевая температура. В тот зимний день по улице районного центра неторопливо шёл парнишка в унтах из лосиных камусов, в чёрной кубанке и суконной тужурке. Он разглядывал почерневшие крыши, не отремонтированные в годы войны дома, лавки, склады райпотребсоюза и пожарки. Дошёл до площади посередине села, в нерешительности остановился. Куда идти? Рядом контора рыбозавода, недалеко районная больница, дальше «Заготживсырьё», райпромкомбинат. Из помещения бывшей речной пристани вышел пожилой, среднего роста мужчина с морщинистым лицом, без бороды и усов, с рыжеватыми волосами, увидел чернявого паренька, поравнялся с ним, весело улыбнулся и приветливо сказал:

- Здравствуй, юноша.

- Здравствуйте, - Корешков поднял глаза на мужчину.

- Ты куда идёшь и что ищешь? – спросил он. Его удивило сочетание обуви лесного человека и головной убор кубанца. На парнишке были вещи отца, погибшего на фронте под Ленинградом.

- Работу ищу, - спокойно, но уверенно сказал паренёк.

- Хм... А что ты умеешь делать?

- Боронить, счетоводом в колхозе был, может, в контору рыбозавода устроюсь.

- Так-так. Наборщиком в типографию пойдёшь?

Корешков взглянул на незнакомца.

- Это где газету печатают? Что там делать надо?

- Буквы набирать в слова, потом в предложения.

Юноша вспомнил, как с Пашкой Журавлёвым из Тайгинского сельсовета, где жил с матерью и работал с первого дня войны, читали номер районной газеты, а потом все другие. Ему хотелось поглядеть, как делают газету и вдруг предлагают работать там, где её выпускают. Недолго думая, он ответил:

- Мне всё равно где работать.

- Тогда пойдём к редактору. Меня зовут Иваном Филипповичем Шабурниковым, - представился новый знакомый. - Работаю ответственным секретарём в редакции. А тебя как зовут?

- Василий, - и добавил, - Корешков.

- Откуда ты приехал?

- В колхозе «Красный партизан» счетоводом был, мама весной переехала с ребятами сюда, после того, как отец погиб на войне, я сдал годовой отчёт, и меня отпустили.

- Так, так. Понял, понял. Отец говоришь на фронте погиб? Ну, заходи, смелей, не робей.

В помещении редакции за двухтумбовым столом сидела молодая женщина в очках.

- Вот, Валентина Александровна, парень работу ищет, а нам ученик наборщика нужен.

Редактор перестала чиркать на оттиске газеты, с ног до головы оглядела высокого, стройного, не по годам серьёзного, даже будто сурового паренька в несколько странном одеянии и тоже, как незнакомец, встретившийся на улице, улыбнулась.

- Грамотный?

- До войны шесть групп закончил, думаю учиться в вечерней школе.

- Правильно думаешь, можно работать и учиться. Иван Филиппович, позови Анку.

Вошла белокурая, невысокая девушка с красными, как побывавшая на морозе щеками. Она взглянула на парнишку и весело проговорила:

- Звали?

- Анка, этого паренька учеником возьмёшь? - спросила редактор. Та почему-то покраснела больше, не отрывая глаз от парня.

- Мне то чо, пусть учится.

- Как тебя зовут? Василием. Тогда приходи завтра к девяти часам на работу. Анка у нас наборщица, будет тебя обучать наборному делу. Получишь хлебную карточку по восемьсот граммов в день. Питаемся мы в столовой по первой категории, получаем по пол-литра молока, зарплата 360 рублей в месяц.

Не ожидал Корешков, что так быстро устроится на работу. Дома сказал матери:

- Мама, меня приняли работать в типографию, газету набирать.

- Сможешь ли, сынок?

- Сказали, что учить будут.

- Теперь вас трое работают. Скопить бы нам денег, да избёнку купить. Надоели мы бабушке, она виду не подаёт, а я догадываюсь, что надоели, - сказала унылым голосом мать.

Утром паренёк находился в наборном цехе типографии. В нём около стен стояли на ножках реалы, в ящиках с перегородками лежали словно гвоздики, длинной со спичку, продолговатые из металла палочки. Наборщица Анка заметила, с каким интересом разглядывал юноша всё, что находится в наборном цехе, стала объяснять:

- Это кассы. В каждой клетке отдельные буквы, знаки, пробелы. Гляди, вот на конце буква «а», тут «б», «в» и другие. Здесь пробельные материалы, шпации называются. В разных ящиках разные кегли, это размер шрифта, корпус - десятый, петит - восьмой.

Вася не пропускал сказанного, сразу запоминал.

- Для набора есть верстатка и линейки. Вот такие. Наберёшь слово, отобьёшь шпацией, потом строчку икрепишь пробельным материалом. Кассу надо запомнить. Смотри - СТурВ, дальше - МИНО, по порядку цифры, заглавные буквы. Понимаешь, что я рассказываю?

- Понимаю, что тут не понять? Только запомнить надо, где что лежит.

- Ты гляди-ка, всё сразу понял! - не удержалась от иронии два года работавшая наборщицей Анна Петухова, так звали девушку.

- Всё не всё, а трудного тут ничего нет. Бороться поле - вот трудно, надо целый день ходить за конями, которые таскают бороны, - ответил на её иронию Корешков.

- Ты землю боронишь?!

- Боронил, коноглоном был, когда снопы молотили из скирды, почтальоном, счетоводом в колхозе работал.

Наборщица глядела на него во все глаза. В открытую дверь, соединявшую кабинет редакции с цехом, их разговор слышали редактор и ответственный секретарь.

- Ты, Анка, в рот ему пальцы не клади, парень похлебал горького до слёз, - пошутил Иван Филиппович.

- Бороться, конечно, не легко, но если при наборе пропустить букву, особенно слово, надо весь абзац перебрать, поэтому набирать следует без ошибок, - добавила редактор.

- Он понятливый, - через день сказала наборщица редактору.

Новичок сначала заглядывал через дверь в печатный цех, где стояла машина «американка», печатавшая газету и бланки, не выдержал и зашёл

поглядеть. Печатник старичок Борис Михайлович Круковский брал листки со стоявшего рядом стола и накладывал на чугунную плиту, на которой стоял свёрстаный набор и закреплённый, чтобы не свалиться. Обе плиты, с набором и чистым листом бумаги сходились, слышался стук, плиты расходились, и печатник снимал оттиск. По набору катались валики, смазывали чёрной, сделанной из сажи и ещё чего-то печатной краски. Сходились-расходились плиты, откидывались отпечатанные листы и так до бесконечности, хоть тысячу, хоть миллион оттисков. У печатной машины было огромное колесо, его вручную вращала крутильщица. У неё от такой работы лоб всегда был потный.

- Нравится тебе у нас? – спросил Иван Филиппович у парнишки по пути в столовую. Он, видать, был доволен, что повстречал юношу и помог ему, а может ещё потому, что они с женой жили одиноко на новом месте, возможно, имели детей и внуков, но их тут не было, и душевное тепло отдавал этому чернявому пареньку.

- Никогда не думал, как можно маленькими буквами набирать. потом печатать на «американке».

- Когда-нибудь увидишь машинный набор, литьём зовут. Там интереснее.

Коллективы райкома партии, райкома комсомола и редакции собирались на профсоюзные собрания, молодёжь на комсомольские и общие совместные собрания. Вася Корешков первое время робел, садился где-нибудь подальше в уголок. На собраниях присутствовали секретари райкома. На вид они были строгие, подтянутые, в кителях и гимнастёрках, большинство бывших фронтовиков, уволенных по ранению. Правда, во время разговора шутили и вели себя просто. Ходил паренёк на комсомольские собрания в райком комсомола. Первый раз выступил на общем собрании в помещении райкома партии при подписке на государственный заём. Получилось это неожиданно. Председательствовала заведующая отделом организационно-партийной работы Зинаида Михайловна Алексеева. После нескольких выступлений спросила:

- Что скажет комсомолец Корешков?

Василий несмело поднялся и к удивлению всех громко сказал.

- Во время войны в колхозе жили труднее, и то колхозники отдавали для победы над фашистами свой заработок, я подписываюсь на месячный оклад как все.

Присутствовавшие на собрании захопали. Первый секретарь райкома партии похвалил Корешкова:

- Молодец, парень! Такие ребята нам нужны на комсомольскую работу. – через какое-то время его избрали секретарём комсомольской организации.

Шёл весенний месяц. День стал намного длиннее и светлее. Возвращаясь домой, парень думал о том, что правильно сделал, отдав месячный оклад

взаимы государству, хотя, ох как нужны деньги на покупку избы. Дома увидел монтера связи, такого же парнишку, как сам, Митю Сысолятина, который пришёл ремонтировать чёрный, круглой формы из толстой бумаги радиопродуктор.

- Давно молчит? – спросил монтер хозяйку.

- Мой миленький, сразу говорил понятно, недавно начал гнусавить, потом совсем оглох.

- Ничё, бабушка, подвинчу, подкручу и перестанет гнусавить. – однако, сколько ни крутил, ни винтил – никакого звука, тогда достал перочинный нож, срезал проводок, зачистил и присоединил, из радиопродуктора понеслись слова песни:

Короткими майскими ночами,

Отгремев, закончились бои.

Где же вы теперь, друзья-однополчане,

Боевые спутники мои?...

- Я говорил – вылечу, вишь, какие песни запели: «Где же вы, друзья-однополчане». Токо не всех найдут, мой отец тоже погиб, - невесело проговорил малолетний монтер. Молча, он собрал инструменты, положил в большую сумку и направился к двери.

- Спасибо, сынок, - поблагодарила бабушка Кислова.

- Слушайте на здоровье, - и монтер ушёл.

- Теперь снова услышим последние известия из Москвы, - продолжала бабушка, у которой её старика в тридцать седьмом забрали, и больше никакой весточки не получала.- Видать тошно парнишке, не дождался отца. Скоко мужиков полегло на фронте, скоко вдов и сирот ребятишек осталось горе мыкать. – Бабушка Кислиха принялась утирать фартуком слёзы, за ней мать Васи, думала она о не вернувшемся с войны муже.

Позже мать сказала старшему сыну, что столяр рыбозавода дед Колмогоров предложил за половину коровы построить избышку-одностопку.

- Как за половину? – не понял Корешков, разве на две части её разорвёшь.

- Один день мы будем доить, другой – они.

- Сами мы не построим, наверное, надо согласиться.

- За лето обещал сделать, огород раскорчем, там мелкий соснячок растёт, потом загородим.

Нашёлся выход из положения с жильём, всегда не будешь жить у чужой бабки, у которой жила тётка Ира незамужняя, ей надо устраивать свою жизнь, пока молодая.

Корешков освоил наборное дело, верстал газету, выполнял бланочные заказы. Его перевели наборщиком, добавили зарплату, из неё оставлял лишь на обед в столовую, остальное отдавал матери. Ему везло на друзей, которых называли Пашками. Здесь сошёлся с Пашкой Станкевичем. Ходили с

ним в клуб, смотрели кино и танцевали с девчонками, с которыми крепкой дружбы не заводили. Как-то после танцев к нему подошла одна из них:

- Тебя Женька Ершова на улице ждёт.

Парень поглядел на смазливую девчушку с усмешкой. Ему показалось нескромным, когда девчонка сама напрашивается дружить, он ответил:

- Скажи ей, если надо будет с кем дружить, то сам найду.

Та обиженно поджала губы и отошла. А через некоторое время наборщица Анка, когда остались в цехе вдвоём, стала расспрашивать, кто ему из девчат нравится. Вася, не задумываясь, ответил:

- Никто!

- А я тебе нравлюсь?

Корешков поглядел на её круглое, показавшееся старушечьим лицо, как бы между прочим ответил:

- Ты уже старая.

- Ха-ха-ха... Мне только девятнадцать, - сквозь приступ смеха сказала наборщица.

- Всё равно.

- Ну ты насмешил меня, - без обиды сказала старше его годами. Корешков осудил: вместе работают, он относится как к старшей, а она надумала говорить о чём не надо. Если дружить, то надо по-настоящему, не так как другие – сегодня с одной, завтра – с другой.

В августе проводили запись в вечернюю школу, многие во время войны не учились, лишь бы как-то выжить, большинство работали как взрослые.

Корешков записался в седьмой класс, набрал учебников и тетрадей, стал ждать, когда начнутся занятия. В сентябре сидел за партой среди великовозрастных юношей и девушек. Всякие были среди них – одни пришли учиться с серьёзными намерениями, отдельные – лишь бы время провести. Последних, правда, было меньше. Учителя тоже разные по возрасту: старенькая Александра Максимовна преподавала русский язык. Были одноклассники с учениками, закончившие десятилетку, но пока не поехали поступать в институты из-за недостатка средств, думали подработать и учиться дальше.

Корешкову запомнилось первое общее школьное собрание учащихся вечерней школы. На нём выступила заведующая этой школой Анна Ипатьевна, жена ответственного секретаря редакции, невысокая, толстенькая, с рыжеватыми волосами женщина:

- Великий вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин, завещал молодёжи: «Учиться, учиться, учиться». Надо не просто хорошо учиться, но обогащаться знаниями, направить их на пользу Родине. Она у нас одна, и вы строители её светлого будущего. Фашистские захватчики хотели поработить советский народ, но они не поняли и не могли понять крепкой народной дружбы. Теперь, после победы над фашизмом, вам, молодым,

предстоит поднимать народное хозяйство и сделать страну крепкой, сильной и богатой.

Корешков хорошо осознавал смысл этих слов. Кому, как не молодому поколению продолжать строить для себя и своих детей. Это главная задача в послевоенный период.

Третьего сентября 1946 года, в годовщину победы над милитаристской Японией, в районном доме культуры состоялось торжественное собрание по поводу вручения медалей «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 г.г.». Первый раз Корешков сидел в рабочем президиуме. Медали вручал первый секретарь райкома партии Насонов.

- Медаль вручается Корешкову Василию. Он мальчишкой добросовестно трудился в годы войны, оставшись в семье за хозяина вместо отца, погибшего на фронте. Сейчас трудится в типографии, учится в вечерней школе, секретарь комсомольской организации. – Секретарь райкома крепко пожал руку юноше.

Вместе с другими с ответным словом выступил Корешков:

- С первого дня войны я стал работать. Мы много пережили, досталось тяжело, но выжили, давали фронту хлеб, мясо, молоко, заменили ушедших на войну отцов. Спасибо партии и правительству за то, что наградили достойных медалями за доблестный труд!

Последние слова были встречены весёлым оживлением в зале и президиуме. Парень не понял, почему смеются люди, ведь прочитал правильно написанное самим на тетрадном листе. Позже Иван Филиппович объяснил, над чем смеялись: оказалось над тем, что когда Корешков сказал «спасибо», что наградили достойных, то людям показалось, что он имел в виду себя.

- Ты достоин этой медали. Поздравляю тебя, мой юный друг.

Сам Корешков так думал о своей награде: медаль за работу в тылу во время войны – высокая награда. Это, конечно, не орден, но есть такие награды, которые не сравнить ни с чем, а главное, не забыли, отметили его честный, казалось, обычный труд. Мать была рада за старшего. Корешков подумал: надо бы матери дать эту медаль за тяжёлую работу во время войны, и за то, что вырастила в трудных условиях шестерых детей.

Тётка Ира расцеловала племянника:

- Какой ты у нас, Вася, молодец!

Бережно брали в руки и внимательно разглядывали медаль братишка и сестрёнка. Первое время юноша не снимал её с простого темно-зеленого покрова пиджака.

Высокий и сутулый, кажется никогда не улыбающийся, дед Колмогоров из переселенцев к осени закончил строить избу. Корешковы сбили из глины русскую печь, оштукатурили стены, перешли от бабки Кисловой в своё жильё. Поставили две кровати, стол, скамью, прибили на стену ящик для посу-

ды. Больше некуда ни поставить, ни положить ничего, избёнка мала для большой семьи, однако мать радовалась до слёз.

- Теперь у нас свой угол и не будем мешать добрым людям. Встанете на ноги, тогда... - Она не досказала, что будет потом: разлетятся ли по сторонам, женятся и оставят одну доживать век или построят новый дом, когда появится достаток.

Песчаная почва на огороде, не удобренная навозом, первый год не дала хорошего урожая картошки, может потому, что садили весной обрезанные верхушки, накопили немного, но появилось подспорье к послевоенной пайке, выдаваемой по карточкам. Корешков осенью по речке Окуневке добывал глухарей с помощью отцовской двустволки, с братьями в этой же речушке ловили сайпом (ловушкой – неводной маткой с мелкой ячеей, привязанной к коромыслообразной сухой черемшине, к которой перпендикулярно поставлен четырёхметровый шест). Много раз добывали окуней, ельцов, сорогу, ершей. Однажды поймали столько, что с трудом донесли втроём домой.

Корешков продолжал работать в типографии. Летом в цехе стоял тяжёлый запах от типографской краски и шрифта. Окна цеха находились на южной солнечной стороне, приходилось закрывать их газетами. Здание стояло на высоком берегу реки, из окон которого вдалеке виднелась Лиственная гора. За рекой находились огороды с посаженной картошкой, около загорода кормились коровы, переплывающие по утрам через реку. К пристани подходили и отходили катера с паузками, особенно оживлялась пристань, когда появлялась с пассажирами кособокая «Тара». По воде двигались лодки, обласки, на них люди ехали на рыбалку, косить сено, за ягодами, грибами, кедровыми орехами. С наступлением холодов движение на реке замирало, везде снег, голые кусты и деревья, сухая трава, уныло стояли вмёрзшие в лёд катера и паузки.

После Нового года Корешкова позвала в кабинет редактор. Сидел главный бухгалтер отделения Госбанка Чаунин, по совместительству вёл бухгалтерию в редакции и типографии.

- Яков Иванович отказывается быть у нас бухгалтером, тяжело ему на двух работах, бухгалтером предлагает тебя, - сказала редактор.

- Помогать и учить буду, - добавил главбух.

Для юноши такой поворот был неожиданным.

- Не знаю... - неуверенно протянул он. Ему нравилось наборное дело, потому не хотел связываться с бумагами. - А кто набирать будет?

- Найдём тебе замену, ученика примем. Зарплата тебе прибавится. Без бухгалтера нельзя, а ты работал счетоводом.

Корешков задумался, не отвечал на предложение. Редактор продолжал.

- Ты же комсомолец. Ну как, согласен?

- Ладно, раз надо, - нехотя проговорил юноша, которому хотелось активной работы, не сидеть за столом с ручкой и щелкать конторскими щетами.

- Не хуже меня будешь работать, - заверил главбух Госбанка, зная парня, как счетовода колхоза серьёзного и исполнительного.

Основным в работе бухгалтерии было составить месячный отчет, времени оставалось много, потому по привычке, как опытный наборщик, продолжал часто стоять у наборных касс и в верстатку собирать строчки для газеты и бланочную продукцию. Потом ему доверили записывать передаваемую информацию ТАСС для опубликования в газете.

Коллектив редакции и типографии в дни выпуска газеты задерживался по вечерам допоздна, даже прихватывая ночи. Зимой в цехе от металла мёрзли руки, тогда топили плиту и грелись около неё. Наборщица Анка переживала, когда исправленный и готовый к печати экземпляр несли на просмотр к первому секретарю райкома партии и уполномоченному обллита, без их визы газета не могла увидеть свет.

- Опять перебирать?! - ужасалась она, когда из статей или заметок вычеркивались строки или предложения, а то и совсем снимали материал.

Перемещение по работе мать Васи встретила с одобрением.

- Зарплату побольше будешь получать. - Сыну не стал говорить о том, что бухгалтерия ему не по душе. Новая работа не отразилась на учёбе в вечерней школе, можно было даже готовить уроки днём, но стыдился, если увидят с учебниками.

В конце 1946 года состоялась районная отчетно-выборная комсомольская конференция. Делегаты собрались в парткабинете. Многие были в солдатских гимнастёрках с орденами и медалями, в том числе и первый секретарь райкома Логачёв Александр. После доклада и прений состоялись выборы. Корешкова, к его удивлению, избрали членом бюро райкома комсомола, а на пленуме утвердили нештатным заведующим отдела военно-физкультурной работы.

- Почему меня? спросил позже секретаря райкома, бывшего политработника на фронте, направленного в северный район обкомом комсомола.

- Наверно потому, что знают и надеются на тебя. Ты повышаешь образовательный уровень, первичная организация, которую возглавляешь, работает хорошо, ты энергичный. Спортивная работа у нас в районе поставлена слабо, надо чаще проводить лыжные кроссы, организовывать сдачу норм на значок «Ворошиловский стрелок», ПВХО и ГТО. Ничего, ты справишься, к трудностям не привыкать. На фронте тяжелее было, но мы выдержали и победили. Надо, браток, у тебя получится.

- Надо, так надо, - у Корешкова это слово стало главным в жизни. Он взялся налаживать физкультурно-спортивную работу, помогать добровольным обществам. В районе не было спортивных лыж, ребята делали ши-

рокие и ходили на охоту. Производство узких спортивных лыж организовали в столярном цехе райпромкомбината.

В день Советской армии и Военно-морского флота лыжный кросс устроили на реке Васюган, от пристани до речки Окунёвки. В холодный зимний день вышло много молодёжи. Со спортивным азартом участники бежали по проторенной заранее лыжне. Слышались голоса судей: «На старт» и «Финиш». Лыжные соревнования прошли интересно, были определены призовые места.

В тот воскресный день у Корешкова произошёл неприятный случай. Брат Сашка, работавший в промартели «Красный сибиряк», договорился с председателем взять две лошади и привезти сена корове, об этом сказал только утром.

- Как за сеном?! Сегодня кросс, мне надо обязательно там быть!

- Так коней дали, - в нерешительности проговорил Сашка.

- Могли привезти в другой выходной. - Василий оделся и вышел на улицу. Как быть? Знает, что надо сено привезти - не всегда дают коней, если поехать за ним, то может сорваться кросс, для него будет большая неприятность. Стало тяжело - хотелось врезаться головой в стенку сенок. Вышла мать, понявшая состояние сына и примирительно сказала:

- Ты иди, если обязательно надо, я съезжу с Шурой.

- Я разве против, но...

- Знаю, поехал бы. Привезём без тебя небольшие воза, всё равно за один раз не заберём. - Однако не пришлось ехать, конюх настоял дать лошадям отдых.

У Корешкова время было занято до предела: работа в комсомольской организации, занятия в школе, заседания бюро райкома, подготовка к лыжным соревнованиям, летом по лёгкой атлетике. Один выходной в воскресенье - и тот занят: то дрова пилить в школе или больнице, то деревья сажать у Дома культуры и по селу, то ещё какая-то общественная работа.

Подошла весна, не думал парень, что более месяца придётся жить вдали от дома. Редактор дала задание, наверное, с согласия райкома партии.

- Василий, решено отправить тебя на весенний сев в Майский и Шмаковский сельсоветы. Оттуда радиogramмами будешь передавать о ходе весеннего сева и передовиках. В вечерней школе я договорилась, тебя переведут без экзаменов, учишься ты хорошо. - Что мог на это возразить юноша, снова «надо, так надо». В середине апреля по раскисшей весенней дороге ехал с вторым секретарём райкома партии Садыревым. На доброй лошади их вёз конюх Степан Слюняев. Во второй кошеве сидели райупоминзаг Муравьёв и начальник районного отдела милиции Рагозин. Искристое весеннее солнышко сильно припекало и растопляло снег на болотах, но дорога пока не «проваливалась». На открытых болотах лошади шли по щиколотку в воде. Покормить лошадей остановились на постоялом дворе между Медвежь-

им чвором и Увалом. Кроме обозов с мясом в детские дома, сменных коней, которые возили почту, проезжали командированные и другие. На постоялом в должности заведующего находился татарин Абдульман, в обязанности которого входило готовить летом и продавать зимой сено, содержать в чистоте помещение и топить печь, чтобы проезжавшие могли обогреться.

- Абдульман, у тебя найдётся что-нибудь поесть горячего? - спросил начальник милиции.

- Пошто не найдётся, пельмень ешь, - ответил подвижный и разговорчивый заведующий постоялым.

- Свари на всех.

- Ладно, начальник.

Через некоторое время они ели горячие пельмени. Корешков постеснялся сесть с начальством за стол, находился у порога на нарах с возчиком почты. Тот сказал, что пельмени из конского мяса. В дороге Корешков сказал об этом Садырову, он закричал Рагозину: «Николай, Абдульман накормил нас пельменями из конского мяса». Тот, видимо, был брезглив, его стало тошнить, остальные от души хохотали над ним.

Юный корреспондент остановился на квартире в Майске у своего родственника, работавшего участковым в милиции - Тиванова Алексея Тимофеевича, однако жил у него мало, больше ходил пешком по деревням двух сельсоветов. Весенний сев не начался, поэтому Корешков помогал редакторам стенных газет в колхозах, сельских советах к майским праздникам выпускать газеты. В деревне Весёлый, в одном из двух колхозов, редактором стенгазет была счетовод, которую звали Вера. Знал её юноша давно, когда в райЗО (районный земельный отдел) сдавали годовые отчёты. В один из вечеров, почему-то в конторе, а не в клубе, собралась молодёжь и танцевала под гармошку. Корешков сидел за столом и смотрел на танцующих, сам не принимал участия, хотя танцы ему были знакомы. К нему подошёл парень и говорит:

- Тебя на улице ждёт Волк.

- Какой волк? - не понял Корешков, выходя из конторы. У крыльца стоял коренастый парень, в сторонке ещё трое. Первый вызывающе грубым голосом пробасил:

- Брось якшаться с Веркой!

- Какой Веркой?

- Не знаешь? Со счетоводом.

- Ни с кем я не якшаюсь, просто помогаю выпускать стенгазету.

- Он стенгазету выпускает?! - нахальнее и развязнее повёл себя Волк. Тут Корешков догадался, почему стоят эти трое парней, рассердился, однако спокойно сказал им:

- Ребята, идите в контору, мы без свидетелей разберёмся. - Те без лишних слов повернулись и ушли.

- Вот что, Волк, кажется, так твоя фамилия, у этой девушки жених – раненый фронтовик, находится в госпитале, обещает скоро приехать домой и, наверное, женится на Вере, так что бросать надо тебе.

Парня словно облили холодной водой, он сник и теперь примирительно промямлил:

- Ты это по правде?

- Сам скоро узнаешь, - Юный корреспондент повернулся и пошёл вслед за вышедшими из конторы, направился к бригадиру, молодому парню, у которого остановился на ночёвку. Шёл молча и думал, что такой дуралей как Волк может ни за что ни про что с помощью дружков намять бока.

Корешков ходил по весенним дорогам, освобождавшимся от снега. Кругом лес, поля. Эти поля разработали, раскочевали с помощью поперечной пилы, топора и ваги, раскулаченные и высланные хлебопашцы из Новосибирской, Кемеровской областей, Красноярского и Алтайского краёв. Перед войной они уже получали неплохие урожаи зерновых культур. Однажды шел юноша по раскисшей дороге, вдруг, ему показалось, что кто-то глядит на него из-за кустов, потом треснули сучья и затихло, возможно, убежал медведь.

Весна в этом году наступила рано. На подсохших полях выборочно началась весновспашка, боронование, затем сев яровых культур. Полевые работы Корешкову были хорошо знакомы, сам боронил в колхозе, знает, насколько тяжелый труд хлебороба. Он подходил к рабочим в поле, разговаривал с ними, записывал фамилии, цифры в блокнот. Работали колхозники с раннего утра и допоздна. Руководили хозяйствами опытные люди - Ощепков, Колесников, Духовской, Виноградов, хорошо знавшие хлеборобское дело, не нужны им районные уполномоченные, которые порой мешали делу, заставляя кидать зерно в сырую неподготовленную почву, чтобы отчитаться о раннем севе, не думая о результатах.

Майское солнце растопило снег на болотах, в лесу, в логах. Вешняя вода покатила по ручьям в большие водоёмы. В это время Корешков возвращался из Шмаковки в Майск. Он не ожидал непредвиденного обстоятельства. Недалеко от деревни Елизаровки протекала речушка Татарка, через неё лежал небольшой мостик. На нём, боясь ступить в воду, стояли две женщины. Юноша подошёл к мостику, поглядел на притихших женщин и направился в воду. Оказалось под напором вешней воды мост сдвинуло немного в сторону. Вначале вода скрыла лишь головки сапог, потом сразу «булькнул» по грудь. Парню показалось, вроде окунулся в кипяток, но сердце сжалось от холода, тело будто сковало. Женщины закричали, заохали, однако попавший впросак молча выбрался на мост, отошёл от него и стал разуваться, выжал портянки. Перед этим снял вещмешок с тремя килограммами лука, купленными по просьбе матери на посадку. Он натянул мокрые сапоги, поспешил в деревню Каменный на переправу через речку. Подошёл к ней, хва-

тился, а вещмешка за плечами нет. Жалко стало оставлять лук, который очень нужен был, побежал обратно, чтобы согреться, так сильно ооченело тело. У знакомых отцу людей, наверное, когда-то заезжавших в Кательге, его накормили, напоили горячим чаем. Хозяйка уложила на тёплую русскую печь, однако после этой «купели», Корешков стал сильно кашлять, правая нога, выше колена, онемела, хоть иголкой коли, ничего не чувствовала.

Майск до войны было большое село, в нём три колхоза, сельский совет, почта, сельский клуб, в котором работала ровесница Корешкову, ей тоже помогал выпускать стенную газету, и, наверное, он ей понравился. Парень просто находился в товарищеских отношениях, ради шуток дружить не думал, может у неё есть друг, не попасть бы снова в «оборот». Уезжал корреспондент в мае с закупленной для коллектива редакции картошкой на пришедшем катере с паузком по большой воде. Отъехали километров десять, паузок, нагруженный зерном, сданным осенью колхозами в госпоставки (в мешках), налетел на карчу, бок пропороло и стало трюм заливать водой. Капитан, шкипер, все пассажиры, а потом подоспевшие из Майска люди откачали воду, заделали пробоину и поехали дальше до Нового Васюгана. Тут Корешков добавил «холода» своему организму, особенно лёгким. Закалённый с детства суровой северной природой он выдержал, однако хронический бронхит и боли в правой ноге остались на всю жизнь.

Вернулся юноша домой, а тут не столько производственная, сколько общественная работа, при этом всегда чувствовал какую-то внутреннюю тревогу и ответственность за любое дело, серьёзным был не по годам, видно, большой отпечаток остался от суровых и трагических военных лет, когда двенадцати, тринадцатилетние мальчишки становились взрослыми.

На бюро райкома комсомола обсуждалось много вопросов: о работе первичных комсомольских организаций, разбирались персональные дела молодёжи, но всегда интересно было видеть душевное состояние подростков из рабочих, колхозников, школьников, которые переступали порог кабинета, где проходило заседание бюро, их принимали в ряды ленинского комсомола. Большинство в полном смысле слова тряслись, боялись, сердчишки сжимались, хотя не было случая, чтобы кого-нибудь не приняли в ряды передовой молодёжи. Это были волнующие минуты для вступающих, которые навсегда останутся в памяти.

- Что является основой комсомола? – спрашивали их.

- Первичная комсомольская организация, - отвечали.

- Ваша цель вступления в ряды Коммунистического союза молодёжи?

- Быть в первых рядах передовой молодёжи.

- Кого вы считаете героем гражданской войны?

- Павку Корчагина.

- Расскажите немного о книге Николая Островского «Как закалялась сталь».

- Можно на память цитату?
- Пожалуйста.
- «Прожить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь отдана борьбе за освобождение человечества».

Парнишки и девчонки тушевались, однако, чувствовалось, что в комсомол они вступали не ради того, чтобы носить комсомольский билет. Военная и послевоенная молодёжь была воспитана на традициях старшего поколения, советского патриотизма, мужестве героев гражданской и Великой отечественной войн.

Летом в районном центре и в посёлках по вечерам много было шума на волейбольных площадках, а они находились у парткабинета, леспромхоза, средней школы, райпотребсоюза, промкомбината. Парни задорно, с весёлым подбадривающим криком и смехом, сменяя проигрывающие команды, «резались» в волейбол. Были смешные моменты: у одного игрока, когда тот подпрыгнул за мячом, порвалась резинка, и трусы спали.

В день физкультурника празднично выглядела полянка около аэропорта и районной больницы. Собиралось в этот день полсела, много приходило взрослых. Основной массой здесь была молодёжь. Играли гармошки и баяны, работали буфеты.

Бегуны соревновались на площадке аэродрома.

- На старт! – раздавалась команда судьи, поочерёдно пять парней или девчат бежали на определённую дистанцию. В сторонке принимались зачёты по прыжкам в длину и высоту, мужчины и парни бросали «гранаты», играли в городки, чижик, шаровки и мяч с лаптой.

На поляне выступали участники художественной самодеятельности: пели, плясали, исполняли частушки. В общем, веселье было общее для всех, кто пришёл на этот праздник.

Первый секретарь райкома комсомола Логачёв поздравил Корешкова:

- Здорово прошли вчера спортивные мероприятия! Погода помогла тоже – день тёплый, солнечный был! Не часто бывают такие весёлые праздники, думаю, всем понравилось. Когда берёмся за дело, всегда получается.

- Кажется, получилось, как задумали, - скромно согласился внештатный заведующий военно-физкультурным отделом райкома.

Утомлённый в тот воскресный день парень пришёл домой. Он увидел сидевшего на скамье у кровати на вид опрятного, средних лет человека. Мужчина, видать, беседовал с матерью о чём-то серьёзном. Когда Василий вошёл в избу, они перестали говорить. Юноше хотелось поскорее поужинать и отдохнуть, он вышел в сени, чтобы помыть руки и услышал прерванный разговор:

- Какой ответ будет, Саня?

- Нет, Иван, до конца дней буду ждать Лаврушу. У меня сыновья почти женихи, как буду им в глаза глядеть, - отвечала мать.

- Я помогу растить ребятишек...

- Трое сами зарабатывают, прокормим вместе остальных, поднимем на ноги.

Корешков немного задержался в сенях, когда вошёл в избу, то названный Иваном поднялся со скамьи, надел кепку и сказал:

- Прощайте, засиделся я у вас.

Много позже Корешков узнал о том мужчине. Он фронтовик, вернулся по демобилизации, жена уехала с другим. Сын не осудил мать, ей тридцать восемь лет, пусть пришёл бы в дом отчим, но он не родной отец, которого парень не забыл и не забудет никогда. Чужой человек, хоть и хороший, дружбы могло не быть, скорее всего «птенцы» из гнезда разлетелись кто куда, не оперившись, как следует.

Коллектив редакции обновился. Уехали обратно в город секретарь Иван Филиппович, печатник Крюковский, перевели помощником секретаря райкома партии редактора. Приехал новый – Емельянов Семён Илларионович, который заметно поднял авторитет газеты. Материалы стали даваться не большими и интересными.

На дальний север пришла снова весна, принеся тепло, долгий день, полове. Река Васюган освободилась ото льда и по высокой воде, вышедшей во многих местах из берегов, пришёл долгожданный пароход «Чехов». Это единственный пассажирский транспорт, на котором можно добраться в районный центр и до могучей сибирской реки Оби, дальше на больших пароходах до областного центра города Томска. Зимой редко по вызову райздраводела прилетал двухместный самолёт «ПО-2», увести в областную больницу тяжелобольного или по спецзаданию доставить районное начальство на партийные форумы или сессии, другого сообщения не существовало.

Редактор получил вызов приехать вместе с бухгалтером в управление «Полиграфиздат» на балансовую комиссию для сдачи годового отчёта, по итогам минувшего года. Он больше находился в каюте, а юный бухгалтер на палубе, откуда открывался вид на окружающую природу. Он провожал глазами стаи поднимающихся с воды уток, пока не исчезали за верхушками деревьев или за поворотом реки. Глядел на тянувшиеся по берегам сосновые боры, стоявшие в вечнозелёном наряде ели и кедры, заросли черёмухи.

В небольшой деревушке Каталге, как и в других населённых пунктах пароход остановился ненадолго. Его обычно встречали все жители. Юноша увидел пришедшую на берег сестру отца-тётку Нюру.

- Ох, племянничек, сколько мы натерпелись голоду и холоду за войну. Дедушка Семён как услышал о похоронке на твоего отца, так захворал и захворал. Весной есть стало нечего, пенсии не давали, летом он на рыбалку ездил. От хвори и голода на третьем году войны помер – в пятьдесят четыре

года. Пошёл на улицу, упал на крыльце, занесли в избу, он в память не вошёл.

Тётка рассказывает, сама плачет.

-Бабушка твоя Авдотья стала больше головой мучиться. Фельдшер сказала —«Давление сильно высокое». Дома она, не могла пароход встречать придти, если знала, что ты едешь — может, дошла.

Громко три раза прогудел пароход, отчалил и судёнышко продолжило путь.

Средний Васюган — большое село, в нём колхоз, промартель, средняя школа, детский дом, почтовое отделение связи. Тут жили дедушка и бабушка по матери. «Чехов» подошёл к селу ночью. Юноша не уходил с палубы, ждал, знал, что его дедушка сторожит сельповские склады на берегу, по ночам. Сошёл парень с трапа, среди немногих встречавших, в основном молодёжи, увидел дедушку с ружьём одностволкой за спиной.

-Деда Ваня, здравствуй, - бросился к коренастому старику с окладистой белой бородой.

-Ты. Вася?! Не признал тебя. Куда поехал?

-В Томск. с годовым отчётом, с редактором едем.

-Вот несчастье! Бабушка не увидит тебя. Может, успеешь сбежать, на дорогу что-нибудь соберёт.

-Пароход долго не стоит на пристанях.

-Жалко, узнает, плакать будет. Дядя твой Петя отписывал — скоро с флота вернётся. На военном корабле с японцами воевал. Писал — медаль дали.

Твой отец, вот жалко, не вернулся, така семья осталась без хозяина. — Дедушка засморкался, но сдержался. — Как живёте — то?

- Теперь лучше. Избу построили, корова есть и огород, хлеб дают. - После второго гудка внук по взрослому подал деду руку и сказал: - Бабе Гасе большой поклон от мамы передайте.

- Передам, передам. Жалко, не увидела она тебя. Ты вон как вырос, совсем большой стал. Матери и внукам поклон, пусть проведать приезжают.

- Ладно, скажу.

С палубы в темноте не было видно расстроенного дедушки. Корешков загрустил, вспомнил, как жил у них и учился в школе, было лучше, чем дома, в большой семье.

Парня, выросшего на далёком севере, город оглушил и закружил. Нелось вереницей и гудели автомашины, тарахтели на рельсах трамван, куда-то торопились, обгоняя друг друга люди. Стояли многоэтажные кирпичные здания. Большой город Корешков видел впервые, он не понравился толчеей и спешкой. Вспомнил услышанный ранее анекдот: Один колхозник приехал в столицу получить орден, а когда вернулся домой, его спрашивают «как» там, в Москве? Там, отвечает, только товарищ Калинин работает, остальные шляются по улице.

В просторных кабинетах управления «Полиграфиздат» по сравнению с улицей была тишина. Здесь молодой бухгалтер чувствовал себя спокойнее. Годовой отчёт утвердили без поправок. За перевыполнение годового плана и представления баланса в срок, редактору и бухгалтеру дали премию по месячному окладу. Они вдвоём зашли к начальнику управления Соломону Борисовичу Черкасскому. Редактор попросил заключить договор с Корешковым на получение северной надбавки к зарплате, которая по истечении года давала десять процентов к окладу, и так до ста процентов за десять лет.

-Парень с хорошими задатками, серьёзный, с работой справляется, отчёты высылает во время, - нахваливал редактор. Начальник управления из жалости к парню, или подумал, что нужны молодые кадры, согласился подписать договор. В тот день главный бухгалтер управления — пожилая женщина, позвала Корешкова. Её звали Клавдия Николаевна Степанова, которая и предложила ему:

-Я через год уйду на пенсию, мне нужна замена, оставайся работать в нашей бухгалтерии. Надеюсь, у тебя получится, я помогу освоить дело. - Юноша удивлённо поглядел на главбуха, немного задумался и покачал головой.

-Не могу, Клавдия Николаевна, маме надо помогать, у неё шестеро, я старший, отец погиб на фронте.

-Жалко, что отказываешься от такого предложения, вспомнишь меня и покаешься, конечно, как мать понимаю, что поступаешь правильно.

Редактор приобрёл билеты в драматический театр. В нём выступал слепой баянист Иван Иванович Маланин. Как он играл! Первый раз паренёк посетил театр, и ему посчастливилось услышать великолепнейшего музыканта, которого много раз слышал по радио.

На следующий день юноша пошёл на базар. Ему сказали, что там дают представление карлики. Миновал мост через реку Ушайку, разглядывал город, проходивших в этом месте немногих людей. Впереди на небольшом расстоянии шли мужчина, женщина и девушка. Плохо одетый человек с протянутой рукой встречал их, скороговоркой повторяя: «Подайте милостыню, ради Христа». Прохожие ничего не дали. Не было лишних денег у Корешкова, если бы впереди идущие подали, может и он нашёл мелочи, не прошёл мимо. Слышит, сзади этот «нищий» так выругался, что стыдно стало. Видно пьяница, разве верующий, просящий ради Христа, мог так поступить?

Корешков карлика увидел, а вот «представление» оказалось другим. Вышедшему из какого-то небольшого сооружения, вроде передвижного балка, бородатому с морщинистым лицом низкорослому толстяку не давали хода: люди шли за ним и глазели, тот в сердцах плюнул и вернулся обратно.

Возвращались с редактором на большом двухэтажном пароходе, в котором был ресторан. В нём обедали на премиальные деньги, парень впервые

кушал дорогие, вкусно приготовленные блюда. Поел балыка из осетрины, выпил бутылку пива «Жигулёвское». По сравнению с обским парходом по Васюгану на «Чехове» было серо, неопрятно, грязно, проходы забиты бочками, видимо с селёдкой, дровами, углём. Юноша много времени проводил у машинного отделения. В загороженное отверстие видел, как двигались толстые рычаги, прыгали поршни, крутились колёсики. Они стучали, гремели, шипели, брнчали. Двигатель вырабатывал электроэнергию, вращал колёса с лопастями и двигался парход вперёд по извилистой реке, где два-три десятка лет назад основным видом транспорта являлся долблённый из осины обласок, да лодки-завозни, на которых перевозили груз.

Возвращаясь с палубы в третий класс, увидел девушку среднего роста в ситцевом платице, белой шапочке и простеньких туфлях. Она задумчиво глядела на берег, на котором стояли сосны, кедры, ели. Юноша подошёл к ней.

-Едем?

Та услышала шаги, обернулась. Лицо не выражало ни испуга, ни удивления или интереса.

-Еду, - ответила девушка и отвернулась, словно ей помешали думать о заветном.

-Долго ещё ехать?

-Долго.

Корешков понял, что она не настроена вести с ним разговор и отошёл. К тому времени ему исполнилось восемнадцать лет, возраст совершеннолетия.

По возвращении домой снова ходил на работу, занимался общественными делами. В свободное время по вечерам ходил с друзьями Пашкой Станкевичем и Степаном Черемисовым в кино и на танцы. В один из вечеров увидел ту девушку, в той же белой шапочке, в жёлтом платье с ремешком, в других туфлях. По сравнению с девочками постарше, из семей начальства выглядела скромной и тихой. Она стояла с подружкой, сестрой Пашки Станкевича, у стены клуба, недалеко от дверей, глядела на танцующих. Баянист заиграл фокстрот «На рыбалке у реки». Юноша подошёл к девушке в белой шапочке, улыбнулся и пригласил танцевать. Пошла та не сразу, видно вспомнила и узнала минутный разговор на парходе, поглядела на подружку, та оказалась бойчее.

-Что стоишь, тебя приглашают!

Танцевали затем вальс « Синенький скромный платочек» и краковяк. После танцев парни проводили девчат домой, оказалось, что обе девушки живут недалеко, на Рабочей улице, напрямую через огороды соседей. Так началась дружба, длившаяся полтора года. В традицию того времени вошло отмечать праздничные торжества. Компаниями встречались не только взрослые, но и молодёжь: пели, плясали, танцевали, не обходилось без хмельной браги.

-Корешков, на вечер пойдёшь? – спросила заменившая ответственного секретаря редакции Ивана Филипповича Людмила Медведицына.

-Пойду, только нас будет двое, - засмеялся парень и внёс взнос на вечер за двоих.

-Ты с подружкой?

-Увидишь.

Подружка долго не соглашалась пойти на тот вечер, но юноша уговорил. За столом в кругу молодёжи парень выпил немного бражки, у него разболелась голова, стало тошнить. Готовившая бражку какая-то бабка, для крепости подложила под лягушек листья табака. Такую гадость пьют! Зачем себя травят? Зелье до этого не употреблял, может потому, что её дома мать не варила, а денег покупать в магазине не было, да и дружки были такие же. Был у парнишки такой случай: шёл с тёткой Ирой домой из столовой, встретился, наверное, ей знакомый молодой человек, угостил папирсой, она прикурила и сразу бросила. Мальчишка подобрал, затянулся и поперхнулся, кашлял до слёз. С тех пор курить не брался. Не курил и отец у него, и лишь один из пятерых братьев травился табаком.

Дружба у них с подружкой стала крепнуть, это заметили не только молодёжь, но и матери узнали.

-Скоро свадьба, Василий? – шутили знакомые ребята.

-Когда будет, тогда скажу,- отшучивался тот.

В один из ноябрьских рабочих дней Корешков сидел за письменным столом, составлял ведомость на выдачу зарплаты коллективу, вошёл редактор и сказал, что его зовут в райком комсомола. В кабинете первого секретаря находился секретарь райкома партии по идеологии Кузьмин Иван Николаевич.

-Здравствуй, Корешков. Как у тебя дела?- спросил и подал руку.

-Нормально.

-Садись. Пригласили мы тебя по такому делу. Комсомол рекомендует направить тебя политруком на лесозаготовку. Как ты на это смотришь? Оправдаешь доверие?

Корешков растерялся. Первое, о чём подумал: а как же учёба в школе?

-Так я же учусь...

-Знаем, что учишься, но придётся на время оставить школу, нам нужен политрук.

Обычно сговорчивый и исполнительный юноша заупрямился. Как так, промелькнуло в голове, война не дала учиться, теперь вот... политруком, что они, не понимают? Знал Корешков, у самого Кузьмина семилетнее образование, но он пожилой человек, может ему достаточно!

-Нет, школу я не брошу! – твёрдо заявил парень.

-Ты член бюро райкома комсомола, тебе доверяют большое дело! Стране нужен лес!

-То война была, сейчас лес нужен, а когда мне учиться?
-Нельзя так поступать, Василий, - стал уговаривать секретарь райкома комсомола. - Ты активный, с порученным делом справишься.

-Я хочу учиться! - стоял на своём юноша.

-Ты что, отказываешься? - повысил голос секретарь райкома партии. - В своё время мы не отказывались. Тогда будем о тебе решать вопрос.

-Решайте, я всё равно буду ходить в школу.

На состоявшемся пленуме одним из вопросов был организационный. Корешков сидел за столом президиума как член бюро райкома комсомола. После обсуждения основного вопроса первый секретарь райкома ВЛКСМ доложил о недисциплинированности Корешкова и предложил вывести из состава бюро.

-Что за причина, пусть сам Корешков объяснит, - слышались голоса из зала.

Юноша рассказал и повторил, что учёбу в школе не бросит.

-Так за это выводить из состава бюро? В чём его вина, в том, что хочет учиться в школе. Все знают, парень активный, пусть учится, - поддерживал секретарь комсомольской организации райпотребсоюза - фронтовик Федотов.

Мнения у членов райкома раздвоились: одни поддерживали Корешкова, другие осуждали его поведение, да и было немного выступлений. Присутствовавший секретарь райкома Кузьмин долго говорил о роли комсомола в годы войны и в послевоенном строительстве, отказ Корешкова поехать работать политруком определил, как нежелание участвовать в восстановлении народного хозяйства страны.

- Так он медаль за доблестный труд получил, за работу в годы войны, - не уступал Федотов.

Поставили на голосование. По большинству голосов освободили Василия Корешкова от бюро. В те годы многие ещё боялись, а вдруг бы чего не вышло, могут припомнить, потому в душе понимали, кто прав и что надо учиться, но, потупив глаза, голосовали «за» вывод из бюро.

Юноша как побитый шёл домой. Где же правда, думал он, где справедливость? Его, познавшего труд с тринадцати лет в первые годы войны и много пережившего, называли чуть ли не врагом народа.

-Ну и пусть, я всё равно буду учиться! Из школы, поди, не выгонят?

К общественной работе парень охладел. Спортивными делами заниматься перестал. В выходные, в свободное время, ходил в лес на широких лыжах-голицах ставить петли на заячьи тропы, приносил зверьков домой. В начале февраля его позвал первый секретарь райкома комсомола Логачёв.

-Слушай, Василий, скоро день Советской Армии.

-Знаю.

-Надо поднимать комсомольские организации готовиться к кроссу, устраивать тренировки.

-Я тут ни при чём, меня же освободили.

-Освободили от члена бюро, а членом райкома ты остался, не освобождали также от заведующего военно-физкультурным отделом.

-Я думал, раз от членов бюро, значит от всего.

-Готовь на бюро мероприятия, на днях соберём всех секретарей комсомольских организаций, примем их, предложим заниматься подготовкой к лыжному кроссу, надо заранее и лыжно проторить.

Корешков посидел, подумал, обида немного прошла, и как бывало раньше, махнул рукой:

-Ладно, раз надо, так надо.

Юноша не бросал слов на ветер, брался за дело энергично, сам не сидел и другим не давал, честность и исполнительность у него были от отца и матери, а твёрдость характера закалило военное время. Состоялся кросс, в нём приняло участие много молодёжи.

Братья Корешковы выросли, подтянулись. Сашку взяли работать милиционером, а Виктора сопровождающим спецпочтой. Маленькая их изба была тесна, и они решили пристроить три стены к одностопке. В воскресный день в сосновом бору заготовили брёвна поперечной пилой. Посла на милицейских упитанных лошадях вывезли. В тот день, когда выехали из леса на твёрдую дорогу, увидели - идёт обоз. Василий сразу узнал Тайгинских - Пашку Журавлёва и Пашку Горбункова.

-Здорово живём! - по-деревенски сказали оба Пашки, обрадованные встрече, хотя протопали они в тот день не менее сорока километров. Пожали друг другу руки, и пошли рядом. До самого дома расспрашивал Корешков о делах в деревне.

-Вот тут я живу, заходите, буду ждать.

-Ладно, придём, как только сдадим груз.

Недавно Корешков встретил тёзку, с которым играл в детстве. С ним такой радостной встречи, как с Пашками, не было. Его дедушка и отец жили одиночно крепко. Приходил бывало к ним, жившим по соседству поиграть, сидит у входной двери, слюнки глотает, а другой - Васёк - оладьи ест, а его никто за стол не пригласит. Наверное, потому встретились без радости и расстались без печали. С Пашками другое дело: будто родные братья, вместе от восхода и до захода солнца, даже по ночам трудились, делили кусок хлеба, переживали, когда получили похоронки на отцов. Вечером пришёл один Журавлёв, у другого Пашки жила в райцентре замужем сестра, она держала брата у себя. До полуночи просидели вдвоём, вспоминали тревожные и тяжёлые военные годы.

-Павел, ты не женился?

-Это от меня не уйдёт, сначала послужу в армии. Живём немного легче, а работаем также, сам знаешь, мужики с фронта не вернулись, некому за нас пахать, сеять и убирать хлеб, сено косить. Подростки ребятишки помогают. Корешков понимал товарища. В деревне не успевают сделать одно, за другое надо браться. Так лето и осень, считай круглый год.

Не великое, кажется, дело пристроить три стены к избе, а без навыка подогнать бревно трудно. Нужно положить на сруб, прочертить, выбрать паз, тогда мох класть. Подучил дед Колмогоров, а как косяки дверные поставить- другой дед - Мордвинов – оба соседи. Потом Корешковы набили дранку на стены, заштукатурили глиной с навозом и мелко нарубленным сеном. К осени вошли в горницу, стало немного просторнее. В прихожей отгородили кухню.

-У нас вроде как у людей - посветлее и уютнее,- радовалась мать и добавила: - поглядел бы отец...- и больше ничего не могла сказать, закрылась фартуком и села на табуретку у края стола. Сыновья опустили головы, вспоминая отца и годы, проведённые без него. Разве можно обвинить его за то, что семья жила в нужде и горе? Виновник всему – злодей Гитлер, оставив жён без мужей, а детей без отцов, он всему виновен, когда люди жили голодными, холодными, много работали, особенно малолетки, жили без ласки и улыбки. Побили фашистов, так им и надо, не лезь, куда не надо!

После окончания восьми классов вечерней школы у Корешкова появилось много свободного времени, потому стал больше читать художественной литературы, брал книги в районной библиотеке и парткабинете, особенно увлекался фантастикой, приключениями, повестями на военные темы. Поздно вечером смыкались глаза, клал книжку под подушку и спал с ней.

Перед началом учебного года в сети комсомольского политпросвещения Корешкова пригласил второй секретарь райкома комсомола Прокудина..

-Поручаем тебе вести кружок по изучению биографии И.В. Сталина в нашей комсомольской организации, теперь у тебя восемь классов.

-Мне не приходилось руководить кружками.

-Скоро райком партии будет проводить семинар с пропагандистами, послушаешь, как надо вести занятия.

-А кто возьмётся за спортивную работу? Я агитатор на десятидворке, секретарь комсомольской организации.

-Как кто? Ты не освобождаешься от других поручений, надо успевать, у тебя нет семьи, - парировала секретарь.

-Понял намёк,- полушутя, полусерьёзно сказал Корешков, - можно идти?

- Иди, - ответила немного старше годами незамужняя девушка, работавшая раньше учительницей.

Слушать когда объясняют понятно, а самому рассказывать – для этого нужно иметь если не красноречие или хорошо натренированный язык, то

хотя бы суметь передать содержание учебника. На первых занятиях у Корешкова чего-то не хватало, кажется, рассказал всё, но не был удовлетворён, так как слушатели не совсем его поняли. В учебнике материал сухой, излагается кратко. Пришлось читать дополнительную литературу, газеты, в которых в то время вся жизнь страны увязывалась с одной личностью. Не зря в песне говорилось: « Милый ты мой сокол, час пришёл расстаться, все труды – заботы на тебя ложатся». Без имени Сталина, не было ни одной передовой, больших статей. В них расхваливался вождь, и не дай бог ошибиться, что-то не так сказать, мигом « уши услышат», передадут, кому следует, а там « язык развяжут». Руководитель кружка стал поручать попеременно готовить небольшие обзоры международных событий за неделю по опубликованным материалам в газетах. Это оживляло занятия, Приходилось самому много читать, чтобы не попасть впросак, - дополнять выступающих.

Райком партии проводил семинары с руководителями кружков и агитаторами. Был там обмен опытом. На одном таком семинаре агитаторов к Короткову подсел в перерыве брат подружки, демобилизованный после ранения.

После разговоров на разные темы, он как бы в шутку спросил.

-Когда свадьбу справлять будем?

-Готовь бражку, в праздник будет свадьба, - в тон ему ответил Корешков.

-Я же пошутил, - стал тот серьёзным.

-А я по правде.

-Может рано, мне двадцать семь, я ещё не женатый.

-У тебя другое дело, тебе война помешала.

Перерыв закончился, и они разошлись. Шутка шуткой, а по правде « жениться не напасть, как бы женатому не пропасть». Жених задумался серьёзно. Ему скоро двадцать, у отца и матери в его годы был уже он, пожалуй, по годам не рано, тем более слово дал, обратного пути нет. О будущей спутнице знал немного, да и не задумывался ни о чём в его годы. Когда дружили, юноша как-то сказал ей:

- Ты такая, такая...

-Какая?

-Хорошая. – Парень не знал и не умел объяснять чувства по-другому, как опытные мужчины, старше его годами. Не хватило в первый день духа сказать о своих намерениях матери. В воскресный день сидели с ней за столом обедали. Парень глядел в окно через огород, где была его « судьба», думал, с чего начать разговор. Мать не проведёшь, она заметила перемену в сыне, давно знала, с кем дружит, однако делала вид, что её не касается. У молодых приходит время, своего рода зов, когда взрослеют и становятся на самостоятельный путь.

-Чё задумался, Вася? У тебя неприятности?

-Нет, мама, - и рассказал обо всём.

-Тогда надо готовиться как у людей. Пойдем, посватаем, а то времени осталось мало. Когда мы с твоим отцом сходились, то он с бабушкой и бабушкой за двести вёрст на конях приезжали, чтобы меня высватать.

Парень слушал мать, сам думал о своём и совсем ни о том, что материально не готов к созданию семьи, - это вообще на ум не приходило, хотя, как понял позже, это должно быть главным, надо думать, где и как жить, ведь жизнь изменится, ты глава новой семьи, тебе заботиться о будущем.

-Завтра ходим к матери невесты. Дело не шутейное.

Вечером на танцах юноша сказал подружке:

-Завтра будем тебя сватать.

-Ты что, мы с тобой не договаривались.

-Я сказал Ивану готовиться к свадьбе.

-Если не согласна, то не приду.

-Почему не придёшь? Ты сказал так сразу, я даже напугалась.

-Тогда скажи матери.

Жениху надо было ходить с поднятой головой, а он задумался о матери, братьях и сестре, хотя уходить из дому не собирался, да и некуда. Как-то получилось у него сгоряча, необдуманно, надо бы подождать, ведь отец наказывал оставаться за хозяина, однако - «стоп» - ворота закрыты.

-Ладно, двум смертям не бывать, одной не миновать!» или, как говорится в балладе «Сын артиллериста», которую знал наизусть: «Держись, мой мальчик, на свете два раза не умирать!».

Ни мать, ни тётя Ира никогда не были сватами, пошли попросту поговорить с матерью невесты. В доме невесты жених не бывал, проводит до ворот, постоит и домой. Будущей тётки не видел ни разу. Она со своими сыновьями Алексеем и Иваном в небольшой избе ждала сватов.

-К вам пришли. Здравствуйте, - несмело сказала мать жениха, переступив порог.

-Милости просим, проходите, садитесь, - пригласила мать невесты, солидная женщина, с улыбающимися глазами. Когда-то она четырнадцатилетней вышла замуж за вдовца. У неё было четырнадцать детей, из которых выжило шестеро.

-Мы по делу, дети наши надумали вместе быть.

-Погодите маленько, на стол соберу, тогда потолкуем.

Сели за стол. Жених поставил бутылку спиртного, брат невесты, Иван - свою.

-Теперь невесту надо спросить. Как ты, Нина? - мать поглядела на покрасневшую дочь. Та молча пожала плечами. Жених взглянул на неё, тогда подняла глаза и тихо сказала:

-Мы договорились.

-Раз так, выпьем за согласие, - поднял стакан старший брат.

Помолвка прошла может не совсем по обычаю, но вполне серьёзно.

В тридцатую годовщину октябрьского праздника состоялась скромная послевоенная свадьба молодожёнов. Начали её в расширенной после пристройки избе у Корешковых. В новой горнице на столе стояли тарелки с тушёной и жаренной глухарятиной, рябчиками, жареными ельцами, солёной рыбой, рыбными пирогами. Боровую дичь добыл сам жених, а рыбу ходили ловить на Окунёвку с братьями.

-Мир дому сему, - кампанией вошли и приветствовали родня невесты.

-С законным браком, племянник, - обняла жениха тётя и лелька Клава, сестра матери. Они с семьёй недавно переехали из Калганана, муж Абрам Корнилович работал приёмщиком пушнины в «Заготжтвсырьё». Пришли тётки по отцу - Ира и Соня. Вот и вся близкая родня. Пригласить соседей не позволяла изба, да и достаток. Не присутствовали отцы молодых. Один сложил голову на фронте, другого в тридцать седьмом году, как и многих других, забрали и расстреляли, потом реабилитировали. Матери всплакнули, пожелали всего доброго в жизни детям. Одна села поближе к дочери, другая осталась на ногах, приглашая гостей выпить за молодых. Затем кричали «горько». Жених и невеста первый раз неумело целовались. Потом выкупали блины. За них положили на тарелку восемьдесят восемь рублей, это всё, что могли подарить родственники во втором послевоенном году. Зато много было пожеланий:

-Молодым желаем иметь столько сынков, сколько в лесу пеньков, а дочек, сколько на болоте кочек!

-Уважать!

-Доверять!

-Знать только друг друга!

Абрам Корнилович заиграл на тальянке плясовую. В избе стало жарко, открыли настежь двери. Мужики вышли покурить, женщины с шумом и криками плясали, пели частушки. Жениху казалось, да так и было в его жизни, что он первый раз видит такое весёлое застолье, радостную мать. Может, когда разошлись гости, прибравшая с помощью золовок со стола, уставшая от суеты, легла отдохнуть и не могла уснуть, вспоминая своего Лаврушу, не дожившего «по милости» фашистов до такого торжественного дня.

Для коллектива редакции и типографии свадьба была неожиданной и негаданной. Ничего жених не говорил, и на тебе, на праздник уходил парнем, а пришёл - женатым мужчиной. Молодёжь и приятели тоже удивились, раньше ему говорили:

-Ты совсем в открытую дружишь.

-Зачем мне прятаться? Это ты в прятки играешь со своей хмарой.

Корешков не таился как другие. Не нравилось ему, когда на танцах парень прижимал к себе девушку или говорил нецензурщину, рассказывал грязный анекдот, уверял в любви, а слова шли не от сердца, а словно табач-

ный дым улетали. Противно было глядеть на девок, вешающихся на шею парням. Завтра они как мотыльки могли перекинуться на других, им всё равно, будто так и надо. У тех и других нет благородства, чести и совести. Жить надо так, как его отец и мать. В горе и нужде искали вместе лучшей доли, хотели жить не хуже других, расстались не по своей воле. Вот уже пять лет после похоронки она ждёт, не забывая о нём ни на один день, - значит, жили душа в душу. Он не бил жену, как другие, не ругал её, не повышал голос.

Прошло три месяца и молодых разлучили более чем на четыре недели. Корешкова пригласили на бюро райкома комсомола, где обсуждался вопрос о направлении комсомольцев и молодёжи на заготовку леса.

-Предлагаю послать бригаду из двадцати пяти человек, бригадиром надо назначить Василия Корешкова. Нет возражений? - спросил комсомольский секретарь. Возражать не было смысла, хоть чувствовал себя тот не очень здоровым, напоминало весеннее « купание» в период командировки на весеннем севе. И снова: надо, так надо.

План по заготовке и вывозке леса Васюганский леспромхоз не выполнял. Соснового леса с отличным древостоем в районе много, однако, поздно наступавшие холода не давали возможности делать дороги на заболоченной местности, а план требовали, во что бы то ни стало выполнять. С выездом на лесоучастки задерживались колхозники с лошадьми, так как не было наторенных дорог между посёлками. Они выполняли доведенный им райкомом план, а пока лес не поступал на плотбища, сплавщики в план не засчитывали. За невыполнение плана « били» сверху райком. Вот и решили найти выход из положения: направить комсомольско-молодёжную бригаду на заготовку, а на участках принимали меры к вывозке.

На помощь приехали парни из районного центра. Бригада в полном составе осталась на лесоучастке Жёлтый Яр. Прибывшие разделились на пары. Корешков стал работать с дружкой Степаном Чемерисовым. Жили в общежитии, спали на нарах. По утрам вставали рано с керосиновыми лампами, завтракали, одевались и в темноте на попутных лесовозных лошадях уезжали в деляну за семь километров. Ребята начинали трудовой нелёгкий день. Сосны, подрубленные канадским топором, спиленные поперечной пилой, с грохотом падали в рыхлый и глубокий снег. Один вальщик, обрубал сучья, другой отмерял бревно и распиливал лучковой пилой. Сучки собирали и сжигали.

-Не выдохся, Корешок, а то перекурим? - спрашивал Степан, который физически был здоровее. Он трудился на разных работах в районной больнице.

- Есть порох в пороховнице, - отвечал напарник, а руки в мёрзлых рукавицах не хотели держать топор и ручку пилы. К вечеру приходила девушка точковать заготовленный за день лес.

-Сколько мы сегодня дали стране для восстановления народного хозяйства? - в шутку спрашивал Корешков.

-Шестнадцать кубиков, две нормы. На столовских харчах так долго не протяните.

Харчи в столовой были не ахти какие: суп из мёрзлой картошки и зелёной капусты, иногда с лапшой или крупой. Хлеба давали по килограмму на день, в обед его, застывший на морозе поджаривали на костре. Кипятили в котелке снег, и пили горячую воду из кружек, в которые клали кусочки пиленого сахара. Брали с собой немного сливочного масла. Вот и весь обед.

-Малина, а не жизнь!- шутил Степан и хохотал на весь лес, балагурил, поднимал настроение. Этот парень не познал нужды военных лет, конечно, как « сыр в масле не катался», но жил с отцом, не призванным на фронт.

К вечеру принимались петь русские народные и советские песни. Получалось неплохо, только слушать было некому, кроме кедровок и урманых соек. Лесовозчики к месту заготовки леса не подъезжали в целях техники безопасности.

-Выполним сорок норм, и пойдёт нам двойная оплата,- радовался или хорошее настроение было у Степана. Нравилось ему подрубить и подпилить несколько сосен с сучьями на верхушках, потом свалить на них ещё одну, раздавался оглушительный грохот падающих на мёрзлую землю сразу четырёх- пяти деревьев.

-Вот это ломанули! На половину дневной нормы!- скалил зубы Степан. Вечером, с наступлением темноты, выходили на лесовозную дорогу, по которой возили на плотбище к реке брёвна, шли пешком эти семь километров, ведь на груженные сани не сядешь, лошади за день тоже устанут. Идут по дороге лесорубы, а брюки поверх валенок смёрзшие. Рубахи, пиджаки и даже фуфайки пропотевшие, закуржевели волосы и шапки с опущенными ушами, рукавицы смёрзшие, руки в них сырые, холодные. В общежитии сторожики натапливали печь, около неё на верёвочках вешали и сушили вещи, к утру они подсыхали.

За месяц Корешков с напарником заготовили более четырёхсот кубометров леса, это на 179 процентов к установленным нормам кадровым рабочим.

Некоторые ребята из-за тяжёлой работы, охлаждения, плохого питания не выдержали, ушли домой, пробыв две-три недели, Корешков держался, но в февральскую стужу перемерз и слёг. Он лежал на нарах у натопленной железной печи и не мог согреться. Через неделю стало немного легче, но в лес работать идти не мог, не было сил. посоветовал с товарищем, но тот не зря говорил о сорока нормах, решил подзаработать, ведь в больнице был небольшой оклад, и он остался.

Корешков ранним утром со всеми лесозаготовителями доехал до свёртка в деляну, затем пошёл пешком налегке, не взял хлеба, по пути в посёлках

жили родные и знакомые. Ему надо пройти шестьдесят километров. Негреющее зимнее солнце утром застало больного путника на большом болоте с низкорослыми сосёнками и берёзками. В то время ему казалось, что на планете нет живой души, лишь один идёт по конной дороге, которой не видно конца. Солнце, вроде где-то далеко-далеко глядит на него, поднимаясь из-за тёмного на кромке леса, наверное удивилось, почему движется одинокий человек в морозную погоду по заснеженному болоту, почему не сидится ему в тепле.

Дома с хорошим трёхразовым питанием молодой организм, в который раз переборол хворь, но последствия всё же сказались в дальнейшем. В том году, в августе у молодожёнов появилась на свет дочь. Через два месяца на районной комсомольской конференции его снова избрали членом бюро райкома комсомола и утвердили на пленуме заведующим отделом кадров и оргработы. Почему, думал он, сначала унизили, теперь вновь выдвинули работать в аппарате райкома. Избрание принял с удивлением, но как должное. Не из таких был, чтобы гордиться или хвалиться, раз перевели из бухгалтерии на другую, более ответственную работу - надо трудиться. На вид в спокойном Корешкове энергии хватало с избытком, если за что берётся - доведёт до конца, не любил обещать, а потом не выполнять. Дал слово - держи, а то в другой раз не поверят.

На беседе в районном комитете партии Корешкову подсказали, что надо продолжать учиться.

-Так в вечерней школе нет девятого и десятого классов, кроме восьми.

-Кому восемь, а комсомольскому работнику надо иметь среднее образование или даже высшее, поступай в сельхозтехникум.

Легко сказать поступай, до областного центра Томска нужно пароходом в один конец ехать неделю да обратно. Потребуется время поступить, потом четыре года сдавать экзамены, а у него семья. Однако, учиться надо, понимал это Корешков. Не любил сидеть в чистом тёплом кабинете, стены его давили, хотелось простора, быть среди молодёжи, заниматься практически делами, потому часто ходил на комсомольские собрания, где они задерживались, подгонял секретарей комсомольских организаций. На каждую из них вёл подшивку высланных протоколов, по ним следил за работой, где собрания проводились регулярно, там чувствовался дух молодёжной организации.

Населённые пункты в северном районе находились в тридцати - пятидесяти километрах вдоль реки. По болотам, лесу, реке и озёрам пролегали зимние конные дороги, забитые снегом, особенно в пургу, а они бывали часто. Корешков не боялся командировок, как другие, хотя даже в овчинном тулупе пронизывало до костей, приходилось идти пешком, следом за кошейвой, держась за вожжи, чтобы не убежал конь.

Один раз пошёл пешком до Среднего Васюгана, а это двести с лишним километров. За спиной висело ружьё, через плечо сумка с лекциями, уставом ВЛКСМ, другим необходимым. На лесозаготовке Калганакском задержался на три дня. Там в сельском клубе прочитал лекцию, провёл собрание об участии в выполнении плана лесозаготовок, побывал на делянах, встречался с молодыми лесозаготовителями. К нему утром обратился киномеханик, попросил на чистой киноплёнке нарисовать карикатуру на двух прогульщиков-пьяниц. Она получилась, и киномеханик показал после кинофильма. В тот день Корешков пошёл вечером по общежитиям посмотреть, как живёт молодёжь, чем занимается, побеседовать с ними. В одной комнате сидели два заросших бородой парня, и пили водку. Они встретили враждебно, грубили в разговоре.

-Приехал уму разуму учить нас, а Ленина ты читал? - Завязался разговор, который не сулил ничего хорошего. Сидевший на нарах третий паренёк оделся и вышел. Прошло несколько минут, в комнату вбежал секретарь комсомольской организации Виктор Есаулов - Корешкову сродный брат по отцу.

-Вася, пойдём! Все собрались на занятие политкружка, ждём тебя.

-Погоди, Виктор, с ребятами надо поговорить, - было начал он.

- Пойдём, пойдём, - чуть не силой потащил за рукав, вслед услышал отборную брань и угрозы.

-Это те, которых ты нарисовал в кино. Они отпетые пьянчужки, могут расправиться с тобой, тайга большая, заташат, и ищи свищи. Парню, что с ними был, спасибо скажи, меня он предупредил. Я бегом, думал, не успею, они такой народ, могут натворить дел, - говорил юноша по дороге в контору.

-Передай от меня тому парню спасибо, и тебе тоже. Я с ними, как со всеми хотел поговорить по-хорошему, они оказались злые, словно хищники. Не думал Корешков о таком повороте после критики. Оказывается, пьянчужки набросились на киномеханика, а тот, высланный из Прибалтики, свалил на комсомольского работника.

С желанием бывал Корешков в Калганеке, где находилась рыболовецкая артель, а секретарём комсомольской организации был член райкома, бригадир рыболовецкой бригады Иван Субботин, спокойный и трудолюбивый парень.

Корешков добрался до последней деревни, граничащей с соседним районом. Жители разъехались, но осталась ферма крупного рогатого скота колхоза, за которой ухаживала молодёжь, была небольшая бригада рыбаков. Там прочитал лекцию, провёл собрание, состоялось занятие политкружка, играла гармошка, танцевала молодёжь. После позднего ужина с горячим, чаем у секретаря комсомольской организации, родители которого были староверы, его уложили спать на принесённый с мороза тулуп у порога избы.

Лёг в тёплом белье, будто голый на снег. Вылезти из такой «постели» постеснялся. Утром почувствовал озноб, понял, что крепко остыл, не стал задерживаться нигде, поскорее домой. За двое суток добрался до Калганака и слёг с высокой температурой. Немного отлегло, снова в дорогу на три дня. С воспалением лёгких пролежал в районной больнице больше месяца, откуда выписали с диагнозом – хронический бронхит.

Исхудавшего и осунувшегося встретил секретарь райкома комсомола новый, приехавший из Томска Петров.

-Как здоровье, Василий? - спросил он.

-Хвалиться особо нечем.

-Не затягивай, лечиться надо.

-Надо, - согласился Корешков, но, как и где. Лучшим для него лекарством являлось общение с природой. Ходил по сосновым борам, кедровым урманам, по ельникам и пихтачам с целебным запахом хвои. Весь отпуск – сорок пять дней (северных) проводил в тайге, уходя из дома ранним утром, исхив до тридцати километров, возвращался поздно вечером домой.

Большие районные собрания на севере обычно проводились зимой, когда застынут болота, пробьют и накачают санные дороги. Летом из-за отдалённости и занятости сельхоз работами собрать людей было трудно.

Очередная отчётно-выборная районная комсомольская конференция состоялась в зале парткабинета. Делегаты заслушали доклад райкома, затем выступали, приняли постановление. На конференции присутствовал и выступил первый секретарь райкома партии Михаил Трофимович Матрохин, недавно направленный в район. Он вносил предложения об избрании секретарей райкома комсомола.

-Есть мнение рекомендовать первым секретарём райкома комсомола Подорова Василия, работает который председателем райкома ДОСААФ. Давайте обсудим кандидатуру. Кто желает выступить? Кто «за», кто против? Воздержался? Считаем товарища Подорова избранным.

-Вторым секретарём предлагаю избрать из местных хорошо известного вам и знакомого по комсомольской работе Корешкова Василия.

Несколько делегатов захопали, поддерживая кандидатуру. Многие из них присутствовали, когда его изгнали из бюро.

-Судя по настроению в зале, вы поддерживаете кандидатуру. Мне рассказали, что ему очень хотелось учиться в школе. Сейчас заочно учится в сельхозтехникуме. Правильно делает. Теперь надо подумать о вступлении в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Кто за его кандидатуру?

Кроме членов райкома подняли руки многие делегаты, приглашённые на пленум.

Новая должность обязывала Корешкова заниматься работой политкружков, клубов и районного Дома культуры, бывать в школах, заниматься вопросами воспитания молодёжи и всем другим, чем занимается комсомол.

Вскоре заявление Корешкова о приёме кандидатом в члены партии обсуждалось на собрании первичной парторганизации райкома ВКП(б), а потом его решение утверждало бюро райкома. На заседании члены бюро задавали вопросы.

-Не трудно работать в новой должности?

-Я привык, чем труднее, тем кажется интереснее.

Присутствующие переглянулись, было видно – удовлетворены ответом.

-Линию партии поддерживаешь?

-Я воспитан в комсомоле уважать завоевания Октября, всегда буду идти в первых рядах и делать, что смогу для партии и нашего народа.

-Товарищи члены бюро, - сказал первый секретарь, - я думаю, что комсомольский работник убедил нас, что на него можно положиться. У вас нет возражений о приёме товарища Корешкова кандидатом в члены ВКП(б)?

-Нет! - отозвались сидевшие за длинным столом в кабинете, которых Корешков знал всех.

-Товарищ Корешков, вы приняты. Надеемся, наше доверие оправдаете.

Через год, в марте 1950 года, в возрасте 22 лет, его приняли в ряды ВКП(б).

Пятистенная изба для семьи Корешковых стала малой. На семейном совете решили строить второй дом. По лесобилету заготовили брёвна и срубки на плахи и тёс, затем вывезли на лошадях. Лес ошкурили сами, а сруб нанялась сделать плотницкая бригада коммунхоза. Летом, до покоса собрали помочь и за полдня сруб сложили на место, с венцом первого ряда из лиственницы. Ранними утрами, по вечерам, в выходные дни, братья стелили полы, выкопали подполье, покрыли тёсом крышу. Дружные ребята Корешковы, - говорили соседи, не слышно спора и шума – всё честь по чести.

Строительство дома пришлось на время отложить, взять отпуск и ехать в Томск сдавать экзамены в техникум. Если отложить поездку, то до следующего года. Нет, надо сдавать нынче, во что бы то ни стало.

На экзаменах по русскому языку, литературе, экономической географии, химии органической студент-заочник получил пятёрки, а вот по математике и физике только четвёрки. Любимым предметом считал историю. Принимала экзамен преподаватель пожилая женщина, она, конечно, «зубы съела» на истории. Корешков уверенно отвечал на все вопросы по билету. Преподаватель задала дополнительный вопрос:

-Какие меры принимает Коммунистическая партия по восстановлению народного хозяйства страны?

Вопрос казался лёгким. На примере своего района можно ответить на него. Читал в газетах, слушал на консультации, видел, как работает народ.

Всё ответил на «отлично» и надо было сказать, что проводится огромная работа под руководством Сталина, в то время это было вроде обязательно высказать, однако преподавательнице явно не нравилось упоминание о Сталине.

-А о том, что главная сила – рабочий класс, вы забыли. Народная сила строит новую жизнь под руководством партии. Ставлю четвёрку. Если не согласны, то приходите пересдавать.

-Четвёрка тоже хорошая отметка, - ответил Корешков. Что-то не понравилось ей в ответе, кажется и о народной силе говорил и примеры из своего района приводил, а к Сталину у неё было своё отношение, может родители были признаны врагами народа, может сама отбывала ссылку или тюремное заключение, ведь в тридцать седьмом году многим не только была испорчена биография, но люди лишались жизни.

К заочникам пришла группа председателей колхозов, находившихся на повышении квалификации. Они надеялись найти для хозяйства будущих специалистов. Среди них находился бывший агроном управления сельского хозяйства из их района Журавлёв, тридцатитысячник, направленный в южный район председателем крупного колхоза.

-Василий, и ты здесь! - удивился земляк.

-Как видишь.

-На каком отделении?

-Механизации.

-Знаешь, скажу тебе прямо, механика из тебя не получится. В техникуме дают теорию, с машинами ты не знаком, придёшь в колхоз, а там любой тракторист или шофёр знают больше.

-Поглядим, - ответил Корешков, а позже задумался: прав председатель, ведь на самом деле, ни разу не сажился за руль машины, да их пока нет на севере, в комсомоле всю жизнь не будешь работать.

Вернулся домой. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» прочитал объявление с приглашением поступить в Иркутский заготовительный техникум на заочное обучение. Можно ли туда перевестись? Написал в Иркутск, оттуда ответили: пожалуйста.

Решил перевестись и учиться заочно в Иркутске. Одновременно второй год учился в районной четырёхгодичной партийной школе при парткабинете. Тут изучал краткий курс Истории ВКП(Б), диалектический материализм, экономическую географию СССР и историю СССР.

Осенний отпуск в том году не дали отгулять. Однажды, после возвращения вечером с охоты трёхлетняя дочь сообщила:

-Папа, тебя в райползком звали.

-Куда? Куда? – засмеялся молодой отец.

-Не в райисполком, а в райком партии, оттуда посыльная приходила, - поправила мать.

На следующее утро с группой товарищей находился в кабинете первого секретаря райкома партии. Без предисловий тот сказал:

-Приближается седьмое ноября, а план лесозаготовок находится под угрозой срыва. Вам необходимо сегодня с обеда выйти на лесоучастки, сделать всё, чтобы план был выполнен! Одновременно выступите с докладами на торжественных собраниях.

Задача ясна! Прощай отпуск до следующего года. Директор леспромхоза Лебедко, инструктор райкома партии Чигарнов, работник милиции Анисимов, второй секретарь райкома комсомола Корешков шли пешком по мало подмёрзшей земле, на которую выпал первый снег. Зимника ещё не было, поэтому брели по берегу реки по пихтам и ельникам, пробираясь через черемошник. До Берёзового яра, где находился небольшой колхоз, добраться засветло не успели, пришлось ночевать у костра при температуре ниже десяти градусов. Забрались в одиноко стоявший стог сена. На рассвете продрогшие и голодные командировочные поднажали, к полудню пришли на лесоучасток Осинов яр. От райцентра прошли километров сорок. Пообедали в столовой ОРСа и направились в деляны к рабочим, там нашли начальника участка Грачёва, который объяснил обстановку.

-С заготовкой справляемся, а вот вывозка тормозит. Кони проваливаются в болото. Приступили заливать водой дорогу, чтобы подмёрзла, тогда дело наладится.

Директор леспромхоза в приказной форме сказал:

-Сегодня в ночь направь вторую смену на заливку дороги, - кажется стало подмораживать. Завтраними бригаду с заготовки и направь забивать «гнилые» места на дороге лесом. Потом организуй вывозку в две смены. План квартала должен быть выполнен под твою личную ответственность, Грачёв! Это требование райкома партии! У вас остаётся уполномоченным товарищ Корешков.

Лебедко с Чигарновым и Анисимовым ушли на другие участки, взяв проводника из старожилов. Корешков с Грачёвым все дни проводили в деляне, где рабочие возили сухие деревья, укладывали на топкие места дороги.

Установившиеся морозы помогли наладить надёжную лесовозную дорогу, и вывозка леса ускорилась. Возчикам леса ночью светила луна да белый снег. Вели вывозку леса круглые сутки.

Накануне праздника поступила радиограмма из райкома и райисполкома: «Поздравляем коллектив Осиногоярского участка выполнением социальных обязательств тчк Желаем рабочим ИТР доброго здоровья зпт семейного благополучия тчк».

Возвратиться Корешкову домой удалось через две недели после праздника. Ночёвка в стогу сена отразилась на хроническом бронхите. Он стал больше кашлять, болело в правой половине груди, усилились головные боли. Снова лёг в больницу.

-Не побывать ли тебе, Василий, на курорте? – спросил пришедший про-
водить его Подоров. – Путёвку попросим в обкоме комсомола. Проезд по
северным льготам бесплатный. Как думаешь?

-Пожалуй, можно.

Из обкома комсомола вскоре сообщили – есть путёвка. Необходимо не-
медленно выезжать. В послевоенные годы, выехать осенью с севера в
Томск было можно только самолётом. В хорошую погоду изредка прилетал
«кукурузник», который брал лишь двух пассажиров. Наступил просвет, ко-
гда чёрные тучи сменили облака, прилетел самолёт, из аэропорта позвонили:
можно приходить. Перед вылетом начал падать небольшой снег, лётчик за-
сомневался:

-Наверное, задержусь до утра.

-Улетишь, светового времени хватит, - подсказал радист аэропорта Да-
нилов, оставшийся за начальника.

Осенний день короток, надо принимать решение немедленно.

-Хорошо, летим! – сказал немолодой лётчик.

Корешков поглядывал в круглое окошечко иллюминатора, кроме тёмно-
го неба ничего не видел. Самолёт летит час, другой, на исходе третий, в по-
ловине четвёртого начал снижаться. Пассажир заметил небольшой населён-
ный пункт с укутанным снегом избами, с дымком из труб, с огородами, об-
несёнными жердями. Из изб выскакивали люди, показывали в сторону, где
находился аэродром в Каргаске. Минут через пять-семь в наступающей тем-
ноте самолётик приземлился, вернее сел в глубокий снег, выпавший за не-
сколько часов.

-Ну, пассажир, хвались, чем тебя сегодня кормили? – спросил один из ра-
ботников порта. В самом конце полёта от болтанки и нырков самолёта у Ко-
решкова закружилась голова, он немного отрыгнул. За него ответил лётчик,
видимо изрядно переживший:

-Это ещё хорошо.

Могло окончиться трагически, если бы не нашли аэродрома или не хва-
тило горючего. В лучшем случае, сделали посадку на болоте или на реке
Оби. За долгую ночь при минусовой температуре могли окоченеть, тем бо-
лее, что Корешков был в хромовых сапогах и демисезонном пальто. На вто-
рой день долетели до Колпашево, а там, на самолёте «АН-2», который был
надёжнее. В Томске ждала новая неприятность.

-Путёвка «горела», её отдали другому, - сказали в обкоме комсомола.
Во время беседы в тёплом кабинете первого секретаря обкома Корешкова
«разобрал» кашель, не мог остановиться. Ему дали попить воды.

-Вот что, Корешков, сейчас на моей машине тебя увезут в поликлинику,
там сдашь анализы, а когда будут готовы, с ними придёшь к нам.

После анализов врач, пожилая женщина, сказала:

-У вас, молодой человек, неважно со здоровьем. Подозреваю очаговый
туберкулёз лёгких. Не паникуйте, болезнь излечима. Вам нужна путёвка на
специальный курорт. – Его привели в другой кабинет, к профессору Сибир-
цевой, та посмотрела анализы, побеседовала с больным и к диагнозу доба-
вила – «подозрение». В обкоме комсомола переговорили с ЦК ВЛКСМ и с
письмом направили в Москву. Там в первой поликлинике снова свои анали-
зы.

-Никакого туберкулёза нет, - сказал профессор. У вас большое пере-
утомление. Надо подлечить лёгкие, можете ехать на любой курорт.

От такого приятного известия, что нет туберкулёза, у Корешкова подня-
лось настроение. Ему дали путёвку на курорт в Ялту.

Перед отъездом из дома об отъезде комсомольского работника узнала
жена бывшего первого секретаря райкома партии Насонов и попросила пе-
редать письмо и отвезти часы в ремонт. Муж учился в Высшей партийной
школе.

-Корешков, как ты тут оказался?

-Письмо и часы ваша жена послала. Привет передавала.

-Спасибо. Как там она?

-Да вроде ничего.

Он рассказал, почему оказался в Москве, собирается ехать на курорт.

-Зайдём сначала в столовую, пообедаем, потом Москву посмотрим. Не
против?

- Москву хочу поглядеть.

В столовой Насонов заказал бефстроганов, чёрную икру на ломтике
хлеба и по бутылке пива. Его Корешков выпил, на икру косился, не ел, она
напоминала лягушачью. Взял в рот, повалял и проглотил, давась. Дома мно-
го ел икры солёной и жареной язевой, щучьей, плотвы, окуня всегда с аппе-
титом, а вот такую видел впервые.

После столовой поехали на Красную площадь. Сын охотника с замира-
нием сердца глядел на Мавзолей Ленина, на массивные стены Кремля с зуб-
цами. Перед ним собор Василия Блаженного, Исторический музей, ГУМ. Он
услышал не по радио, а рядом бой курантов, наблюдал, как прошла смена
караула у Мавзолея.

- Нравится? – спросил Насонов.

- Здорово! Всё наяву. Раньше в кино видел, да по радио слышал.

Они побывали в Гуме. Люди там, словно муравьи спуют, когда смот-
ришь с верхнего этажа.

- Это не Новый Васюган, - сказал вслух и не расслышал своего голоса в
гуле толпы. Насонов понял и засмеялся. Вышли из магазина к Большому
театру с конями на крыше.

- Извини, Василий, у меня больше нет времени, надо идти сдавать зачёты.

- Спасибо, что Москву показали.

- О, брат, чтобы поглядеть достопримечательности столицы потребуется очень много времени. Мы с тобой посмотрели немного только центр. Желая тебе хорошо отдохнуть и поправить здоровье.

- Спасибо, Никита Павлович.

- Передай привет жене и дочке.

- Хорошо, передам.

Корешков отправился в сектор ЦК комсомола, где давали направление в поликлинику №1.

- Отлично, что нет этой серьёзной болезни. Куда желаете поехать? Есть путёвка в Ялту, на берег Чёрного моря. Не возражаете?

- Нет, не возражаю.

- Вот вам путёвка. Желая всего доброго. У вас есть время задержаться в Москве. Возьмите билеты в оружейную палату и на территорию Кремля. Завтра седьмое ноября, поглядите праздничную столицу и успеете в срок в санаторий.

Корешков к указанному в билете часу побывал на территории Кремля, видел царь-пушку и царь-колокол, сходил в Благовещенский собор, посмотрел место, где были захоронены цари в двенадцатом веке. У него оставалось время до открытия Оружейной палаты, остановился и глядел на здание Кремля. Не прошло и пяти минут, как к нему подошёл товарищ в штатском, сказал, что тут стоять нельзя, попросил показать билет, пришлось снова идти к царь-пушке и царь-колоколу. В Оружейной палате Корешков увидел много интересных вещей: пищали, сабли, царскую карету, венчальные головные уборы Пушкина и его жены, деревянные часы и множество другого.

В день седьмого ноября с товарищем по гостинице присоединились к какой-то колонне, и дошли почти до исторического музея, но появился старший колонны и попросил покинуть её. Вдвоём, навстречу шествующим демонстрантам направились обратно. На них смотрели милиционеры, но не остановили.

Из Симферополя ехал Корешков в большом пассажирском автобусе. Когда приблизились к Чёрному морю, то с высоты увидел уходящую за горизонт водную гладь. Автотрасса то спускалась вниз, то, развернувшись, поднималась вверх. Казалось, там, где только что шёл автобус, бегут крохотные машины. На шоссе перед Ялтой их остановили пограничники, проверили документы.

В день приезда Корешкова на курорт, Чёрное море штормило. Шквальный ветер с рёвом бросал пенистые волны на скалистый берег. Слышался неистовый шум волн, холодные брызги выбрасывались далеко на прибрежный бульвар. Курортник подошёл ближе и подставил ладонь брызгам, поднёс ко рту и лизнул языком, сморщился и сплюнул горьковатый вкус морской воды. Засмеялся, подумав, правду говорят, что она солёная.

На следующий день стояла пасмурная погода, тучи заволокли небо над городом. После того, как побывал у лечащего врача, пошёл к морю, видел его тоже первый раз, потому тянуло поглядеть поближе. Смотрел вдаль, но не видел конца моря, думал о величине этого водного гиганта. У моря, как у людей беспокойный нрав: всё время волнуется, даже в тихую безветренную погоду.

В тот день в палату вошёл мужчина средних лет с чапаевскими усами, с улыбкой, редко сходящей с лица.

- С Приморья, зовут Виктор, - представился он.

Как потом выяснилось, Леонов Виктор Сергеевич работал мастером на руднике Хрустальном. Проехал он на поезде от берегов Тихого океана на востоке, до Чёрного моря на западе. Позже поселили двух отдыхающих рабочих из Москвы и Горького. В ожидании лечащего врача Леонов и Корешков сидели в коридоре и делились первыми впечатлениями.

- Ялта мне нравится, тут много зелени, как у нас в лесу. Правда, деревья другие, - делился впечатлениями молодой сибиряк.

- Морем меня не удивишь, видел Тихий океан. Город ещё поглядим, времени будет достаточно. Главная наша забота – лечиться и набирать здоровье, - высказал своё мнение приморец.

Из афиши Корешков узнал, что курортники могут поехать на экскурсию к Ласточкину гнезду и Мисхору, сказал об этом приморцу.

- Поглядеть надо, ведь в Крыму не часто выпадает счастье побывать.

Ласточкино гнездо приютилось на краю пропасти, внутрь помещения заходить не разрешали. Здание в видно, навис густой туман, с моря дул резкий холодный ветер. Экскурсовод рассказывала легенду об этом «гнезде»:

- Когда-то некоему французу понравилась девушка. Для неё построил он красивый замок на высокой горе около моря, обдуваемый шквальными ветрами. Летом тут жара, зимой очень холодно. Француз договорился, что избранница проживёт в замке год, тогда они поженятся, однако, красавица не выдержала одиночества и сбежала.

В Мисхоре у берега увидели Русалку с ребёнком из камня и тут услышали легенду:

Девушка пошла к источнику, чтобы набрать холодной воды в кувшин, её схватили разбойники и продали турецкому военачальнику, который поместил девушку в храм у моря. Она не вынесла неволи и с появившимся ребёнком бросилась в море, но оно пожалело несчастную, не приняло, оставив Русалкой.

Отдыхающие побывали в здании, где проходила Ялтинская конференция с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля. Экскурсовод подробно рассказала об этой исторической встрече, показала, где размещались делегации. Запомнился шикарный дворец графа Воронцова, построенный из местного коричневого гранита. Его возводили двадцать лет две тысячи крепостных.

Рядом в саду находился небольшой пруд, в нём плавали живые осетры, у крытых будок сидели красивые утки.

Во многих достопримечательных местах Крыма побывали молодой сибиряк и приморец.

Сколько они видели прекрасных деревьев со всего света, кустарников и цветов в Никитском ботаническом саду.

- Перед вами ливанский кедр, - объясняла работница сада. - Ему шестьдесят лет. - А он был выше и развесистее, чем двухсотлетний сибирский. Были в саду кусты, к которым нельзя прикасаться, шипы у них ядовитые, могут парализовать. Они огорожены, есть предупреждающие надписи.

Они видели вечнозелёные кипарисы, поднимающиеся к небу и напоминающие чем-то ели, пальмы с широкими изрезанными у краёв листьями. До земли склонились плакучие ивы с узкими листочками. Всюду у дорожек цветы, цветы. Каких только нет! Энтузиаст садовод разместил эти чудеса природы на сотнях гектаров. Этому посвятил жизнь, и добрым словом упомянут те, кто побывал в прекрасном саду и увидел красоту, сотворённую руками и умом Человека.

За три с небольшим недели два сдружившихся приятеля побывали в доме-музее А. П. Чехова, где писатель творил свои произведения. Во время посещения музея видели в садике, под деревом, сидела старенькая женщина, прикрыв ноги одеялом. Это была сестра Антона Павловича.

Посетили армянскую церковь. Она стояла на возвышенности, а к ней вели ступеньки с аллеей из кипарисов, поднимавшихся вверх. Во время прогулки по Ялте проходили мимо пятиглавого собора, который называли Суздальским. Около него на крыльце и на земле сидели плохо одетые старцы, им дали мелкие монеты.

- Ни разу не был в церкви, где идёт служение, - сказал Корешков.

- Давай зайдем, думаю, не выгонят. - Виктор Сергеевич сделал лишь шаг на крыльцо, на него и спутника сразу зашикали нищие:

- Снимите фуражки.

Внутри церкви народу оказалось немного. Из проповеди священнослужителя Корешков понял лишь фразу: «Господи, помилуй», больше ничего, был оглушён, подавлен, действовала непривычная обстановка. Он разглядывал богато наряженное помещение, слышал доносившееся откуда-то сверху, монотонное пение. Когда в воскресный день (не было лечебных процедур) вернулись к вечеру в свой корпус, работавшая в раздевалке старушка (наверное, заметила в церкви) шёпотом сказала:

- В следующее воскресенье приходите, будет праздник и много прихожан.

Воспользоваться предложением не пришлось. В воскресенье все четверо жильцов комнаты решили в тёплую погоду походить по городу. Дошли до окраины, там, в овраге видели остов сгоревшей машины, не убранной

после войны. Шли неторопливо, разговаривали. Неожиданно навстречу вышел человек в чёрном костюме и чёрной шляпе, остановил их.

- Здесь ходить не положено.

- Почему? Вы здесь находитесь, вон, сколько народу идёт по дороге.

Человек не стал больше говорить, только бросил:

- Я вас предупредил.

Подошла старушка, слышавшая разговор, объяснила:

- Этот товарищ из охраны, если не послушаете, то могут задержать, будут с вами недели две разбираться. Тут недалеко дача, на ней отдыхает Молотов.

«Задерживаться» на две недели желания не было, поэтому, повернули обратно. На берегу моря сели за столик под навесом от солнца, взяли по кружке пенистого пива, мелкой жирной копчёной хамсы, любовались переливающейся разными цветами на южном солнце водной гладью. Корешкову посчастливилось увидеть выпрыгивающих из морских глубин дельфинов. Они плыли в ряд, выскакивали из воды и падали обратно. Долго следил за ними, пока не скрылись за высокими горами камней, выступающих из воды, о которые бились волны и взлетали ввысь брызги.

На курорте надо соблюдать распорядок дня: ходить на назначенные врачами процедуры, бывать три раза в столовой, чего больше все ждут, ездить на экскурсии по желанию, ходить по вечерам в кино, на танцы, разные увеселительные мероприятия. В клубе узнал, что разучиваются балльные танцы, которые понравились плавностью движений, надумал разучить их, за что надо было платить. Не менее десяти раз побывал, запомнил па и музыку каждого танца.

У него находилось время посидеть над контрольными работами в техникум.

- Молодец, - похвалил Виктор Сергеевич, - зря время не теряешь, правильно делаешь.

- Надо навёрстывать упущенное, - ответил Корешков.

- Надо, Вася, надо. Это надо будет всю жизнь погонять, одно надо, другое надо, наверное, в этом вся жизнь состоит.

Прошло двадцать четыре дня. Перед отъездом взвешался и очень удивился, не поверил: прибавил в весе восемь килограммов, стал энергичным, жизнерадостным, не чувствовал боли в правой половине груди. Особенно помогли ингаляции, названные коктейлем, когда пьют, то шапка пены в кружке поднимается, успевай, глотай. А нарзановая вода не нравилась, напоминала затхлую, болотную.

В один день уезжали из Ялты сибиряк и приморец. Почти неделю ехали до станции Тайга Кемеровской области. Оставшись один, Корешков будто потерял кого-то, самого близкого человека, настолько привык к Виктору

Сергеевичу – самостоятельному и авторитетному. Он на всю жизнь остался в памяти примером для подражания.

- Здорово, Василий, - встретил секретарь райкома комсомола Подоров. – Гляжу на тебя и не узнаю, ты совсем другим стал, посвежел, поправился.

- Как новый гривенник. Знаешь, не только поправился, но многое увидел, узнал и понял.

- Значит, на пользу пошёл курорт во всех отношениях?

- На пользу.

Недалеко от помещения райкома комсомола, на месте небольшого основного бора, который сгубила в сорок восьмом буря в летнее время, построили деревянный двухэтажный районный Дом культуры. В нём хорошо работали драматический и хоровой кружки. Зрители села увидели на сцене пьесы «Ревизор», «Любовь Яровая» и другие. Уважением пользовались артисты: пожилой Тимофей Мартынов и Анатолий Унжаков. В хоре задавала тон заведующая организационно-партийный отделом райкома Зинаида Михайловна Алексеева, Братья Михаил и Николай Бикваидзе, отец которых был выслан из Абхазии. Сколько душевности было в их исполнении песни!

Летят перелётные птицы

Осеннее лето встречать.

Летят они в жаркие страны,

А я не хочу улетать.

А я остаюсь с тобою

Навеки, родная страна.

Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна...

В хоре участвовало до полсотни юношей и девушек. Слаженно и напевно исполняли они русские и советские песни, особенно периода Великой отечественной войны.

Я люблю тебя, Россия,

Дорогая наша Русь,

Нерастроченная сила,

Неразгаданная грусть...

...Мне кажется порою, что солдаты,

С кровавых не пришедшие полей,

Не в землю нашу легли когда-то,

А превратились в белых журавлей...

...Под окном черёмуха колышется,

Опуская лепестки свои,

За рекой знакомый голос слышится,

Да поют всю ночь соловьи...

...Что стоишь, качаясь,

Тонкая рябина

Головой склоняясь

До самого тына...

...Я люблю тебя, жизнь,

Что само по себе и не ново.

Я люблю тебя, жизнь,

Я люблю тебя снова и снова...

Это первые куплеты в исполнении хора, трио, дуэта и соло. Свои кружки художественной самодеятельности имели комсомольцы и молодёжь рыбозавода, райпотребсоюза, больницы, средней школы, леспромхоза. Было негласное соревнование показать своё «я», выступить лучше других. Кажется, жили обыкновенные рабочие, служащие, молодые и старые, и никто не знал, сколько в народе кроется талантов, важно было найти и всколыхнуть народное творчество. И это удалось райкому комсомола совместно с Домом культуры, комсомольскими организациями. Недавно закончилась война, не забыты горе и беды, но, видно, надоела усталость, уныние, люди хотели радости, хорошего настроения, они перестали замыкаться в себе, забывали, что живут тяжело, а показывали, на что способны, веселили других. Самодеятельные артисты с подмостков сцены призывали строить новый, светлый мир. Север – уголок Великой Родины, его надо обживать и жить как все культурные люди.

- Давай организуем разучивание балльных танцев? – предложил Корешков директору Дома культуры Павлу Василенко.

- Надо поговорить с нашей музыканткой Машей Феллер, - ответил тот. Пригласили её, оказалось, нет нот – падеграсса, паденера, балльных вальса и полки.

- На слух сможешь наиграть мелодию и показать па (основные движения)? – спросила музыкантка Корешкова. Он наиграл мелодию и показал плавность движения.

- Думаю, подберу музыку, - загорелась желанием увидеть балльные танцы в далёкой северной стороне Феллер, ранее жившая в Прибалтике и высланная с другими в сороковом году в Нарымский край. Позвали методиста Дома Культуры, попытались разучивать сначала в узком кругу, получилось неплохо.

- В субботу начнём, - предложил секретарь райкома комсомола. – Только условие такое: за учёбу плату не брать.

С ним согласились. По тридцать и более пар становилось юношей и девушек в фойе. Вначале выполнялись движения робко, затем эти танцы заменили другие. Многие годы молодёжь танцевала эти балльные танцы, но уехала музыкантка в Прибалтику после реабилитации, стал старше секретарь райкома, время наступило другое, появились новые «танцоры»-кривляки, не уважающие искусство танца, его красоту и гармонию.

Много работал аппарат райкома комсомола, стремился быть больше среди молодёжи, знать, чем она «дышит».

Летом уехал из района первый секретарь райкома комсомола. За него остался Корешков. В командировку из обкома комсомола приехал некто Губин, инструктор. Он ничего не делал, пьянствовал, вёл себя высокомерно, нашёл женщину лёгкого поведения. Предлагали ему побывать в организациях лесоучастков или рыбартелей, не только в них, даже в райцентровских не был. Корешкову неприятно было слушать его болтовню, сделал замечание. Губин в ответ обругал, как последний извозчик. Целую неделю мешал работать райкому комсомола, а когда улетал на самолёте, забыл портфель, за которым возвращался самолёт, уже поднявшись в воздух.

Какую пользу даёт комсомолу такой пустомеля и трутень, думал Корешков. Хотел написать первому секретарю обкома, но не научился ябедничать.

Приехал осенью исполнять обязанности первого в комсомоле новый товарищ, и Корешкову разрешили очередной отпуск, чтобы он сдал экзамены за третий курс. Послевоенный Иркутск чем-то напоминал Томск. Много таких же деревянных домов с вырезанными красивыми карнизами и ставнями. Устроился на квартире с двумя парнями с Алтая и Урала недалеко от городского парка и техникума. Запомнился ему такой случай. После сдачи очередного экзамена втроём пошли через парк в баню, на пути находился ларёк с пивом, кто-то из ребят предложил зайти, выпить по кружке. Сетку с бельём Корешков поставил возле ножки стола, пошёл взять пива, приходит, сетки нет, будто крылья приделали. До этого видел, как вышли два солдата, оставался неказистого вида мужичок. Его спросил, не видел ли тот сетку, мужик ответил, что нет, а у самого отдулась пола пиджака. Тогда студент заочник подошёл к нему и резко сказал:

- А ну, отдавай сетку! – отвернул полу, его сетка упала на пол. – Ах, ты, гад, в наше время воровать надумал! – до того рассердился, первый раз видел вора, развернулся, тот склонил голову, мимо, второй раз то же самое. – Борис, помоги! – Здоровый парень с Алтая поддал вору под нижнюю челюсть, тот упал, соскочил и убежать, да так быстро, что его никто бы не догнал. С него упала и осталась лежать невзрачная кепчонка.

Две недели прошло, пока сдавали экзамены. С утра до полуночи засиживался студент над учебниками. Занимался до тошноты и головной боли.

Прошло полтора года. Корешкову сделали новое предложение – работу ответственного секретаря в редакции районной газеты, переименованную из названия «Сталинский путь» в «Луч Севера». Постоянные командировки в райкоме комсомола в течение пяти лет, в райкоме партии полтора года. Не успеет вернуться домой и снова в путь-дорогу. Вымотали молодые силы и энергию, он к двадцати восьми годам стал уставшим, больным, менее энергичным, поэтому необходимо было менять активную, выматывающую деятельность на сидячую, менее подвижную работу. Корешкову была в какой-то мере знакома работа ответственного секретаря, ранее видел, чем тот за-

нимается, и согласился, ведь не Боги горшки обжигают. Жизненный опыт был, район знал, политическую подготовку тоже имел. Командировок тут нет. Правда, нужно собирать местный материал, писать, обрабатывать поступающую корреспонденцию, макетировать полосы газет, но это приходило со временем.

Четыре года Корешков трудился в этой должности, справлялся с работой. Однако снова... как гром среди ясного неба – в пятьдесят девятом году ликвидация района и объединение его с соседним. Редактор газеты соседнего района принял корреспондентом по васюганской зоне, через два месяца предложили переехать в районный центр, где работал заведующим промышленным отделом.

И опять – в шестьдесят втором году кто-то сверху внёс бредовую идею объединить этот район с Парабельским, с центром в Парабели. Корешков сел на пароход, не задержался в Томске, а поехал в Новосибирск, там обком партии дал направление в Барабинскую межрайонную газету.

На становление молодого человека уходят годы и годы, однако, что заложено в сознание юноши, то даст разумный исход, который будет направлен на добрые дела, на благородные цели, на благо своего народа.

Рассказы на охотничьи, рыбацкие и другие темы

На причулымских озёрах.

Причулымские луга заливаются вешними водами, на три и более километров не встретишь суши. От Костино и до Тюляпсов много озёр: Домашнее, Долгое, Козух, Костинская старица, Кочковатое, Чёрные. В половодье на них вольготно гуляется и кормится зелёной молодой травой рыба, которая заходит из реки Чулым.

По крутым берегам этой реки когда-то находились небольшие деревушки с пятистенными избами и одностопки, но после объединения колхозов они исчезли, закрылись школы, лавки, медпункты. Старожилы уехали туда, где можно учить детей, купить необходимое для жизни.

получить медицинскую помощь. Сюда, на обширные луга в сенокосную пору, приезжали готовить сено механизированная бригада, а когда колхозники разбрелись по фермерским хозяйствам, эти просторы оказались бесхозными: травы, по пояс, стоят некошенные, зарастают кустарником и шиповником. Вozить фермерам отсюда сено стало невыгодно.

...С лета одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года я прилетал обычно в августе на самолёте до Чульска, а дальше на попутных машинах. В это время обычно на удочку брался карась, его и добывал, не занимался ценной рыбой: осетрами, нельмой, стерлядью, которых ловили браконьеры. Не появится ещё над лесом солнце, иду по обильной росе и утренней прохладе к озеру, сажусь в резиновую лодку, медленно двигаюсь вблизи берега, останавливаюсь, где водоросли, настраиваю удочку, сижу тихо, дышу чистым кислородом и запахом, исходящим от воды. Приходится сидеть на ветру, жаре, которую излучало солнце, во время проливного дождя, ни о чём не думая, отключившись от повседневных забот. Всё устремление на спокойно плавающий на воде поплавок.

Привык к удочке, но завёл две сети на крупного карася. Добытую рыбу раздавал, солил, вялил или коптил на зиму. На Долгом озере водились лини. Сюда, с зятем Юрием приехали на Запорожье. На Кочковатом озере караси не клевали, видно перед ненастьем залегли, такое у них бывает. К вечеру

пошёл сильный дождь. Заночевали у старого омшаника в непромокаемой брезентовой палатке, уже в темноте поставили три сети на Долгом на линей, утром, часов в пять проверили их, к удивлению, поймали три десятка крупных, с толстой кожей рыб, по вкусу не похожих ни на одну породу, обитающую в этом озере.

Давно слышал о Чёрных озёрах. Бывалые рыбаки говорили, мол, они богаты линиями и карасями. Собрались на машине знакомых побывать там. Найти его оказалось нелегко. Начиналась дорога на скошенном поле, пришлось идти пешком, увидел едва заметную колею, и вдоль Костинской речки приблизились к лиственнице и старому кострищу, по приметам это место, да и дальше кустарник, пути нет. Поплавали на резиновых лодках по речушке – тропы не нашли, вернулись, прямо от машины, через неё, лежала сваленная бурей сосна, перешли по ней и заметили тропу, заросшую мелкими кустами и высокой травой. То озеро можно было увидеть от машины, но оно находилось в углублении, не заметишь, если не подойдёшь на двадцать метров.

Удалённое от Чулыма Чёрное озеро было глубокое, тёмное, какое-то мрачное. В длину с километр, в ширину метров семьдесят. Когда перенесли лодки, то слышали на противоположном берегу всплеск воды и шлёпанье, догадались, что там рыба. Поставили сетку с крупной ячеей, попались три огромных карася. Ну, думаем, не зря добирались и искали этот водоём. Однако, на удочку брались небольшие окуни и сорога. За два дня добыли в этом хвалёном озере совсем мало.

Однажды, в июле, после курорта в Сочи, поехали с зятем Сергеем на устье речки Чиндата. Весной в Чулыме вода поднялась невысокая, что бывает редко. Установили палатку у Стельмаховской старицы. Потом на резиновых лодках по обмелевшим заливам и лугам, где ещё держалась вода, добывали на удочку язёй. Их приходилось подолгу «мучить» и обессиленных подводить к лодке, рукой брать, на леске не поднимаешь.

Вечером развели костёр, изжарили у огня окуней, как шашлыки. Схоронившись от комаров, в палатке, крепко уснули. Утром накопили в крапиве червей по обсохшему руслу, выпадавшему из озера, вновь весь день провели на речке и заливах.

На вторую ночь я долго не мог заснуть. В сумерках слышу, кто-то не так далеко глухо зорал, потом затрещало. Перед этим, днём, нас видел пастух и спрашивал, не видели ли мы телят, их разогнал медведь. Проснулся Сергей, услышал повторный рёв уже ближе, подскочил, испуганно зашептал: «медведь». Давно, говорю, слышу, да не могу понять кто это. «Давай заведу мотоцикл», стал он нажимать на педали, двигатель не заводится. Хватит, говорю ему, если зверь подходил, то напугался шума и ушёл. Глядим, на поляну, к нашей палатке вышла корова и протяжно замычала. Мы посмеялись над собой и уснули.

В тот день, можно сказать, пережили бурю. Сидели в лодках и удили рыбу у колодника. С утра стояла прекрасная погода, было жарко и солнечно. Неожиданно, с западной стороны небо затянуло тучами, громыхнул гром, по воде промчался вихрь. Верхушки деревьев клонились к земле и воде. Начался ливень. Мы выбрались на берег, стояли в прорезиненных плащах, с которых лилась вода. Сваленная бурей, рядом со мной упала осина, чуть не придавила меня. Через некоторое время снова появилось солнце.

Каждое лето, в июле-августе, бывал на речке Чиндат. На резиновой лодке ездил по стремительно катящейся воде, закидывал удочку с кузнечиком на крючке. Ельцы хватили насадку, успевай только вовремя подсечь. Мне дали «телевизоры» - сетки длиной в метр и шириной сантиметров семьдесят. Ставил их на омутах, плёсах, попадало по одной две рыбёшки, а больше пусто. Не понравились они, переставлять надо часто, а толку мало, лучше ловить на удочку.

...Рыбная любительская ловля на удочку, немного сетями, осенью на подлёдном лове окуней скрашивали пенсионерскую жизнь. Признаться, ждал того дня, когда пойду на пенсию, чтобы забыть, отвести душу, ведь времени, отдохнуть от работы практически не было.

Чистый воздух в лесу и на воде, гребля вёслами на лодке, спокойствие помогли улучшить здоровье. На рыбалке, пусть и не ловится, забываешь обо всём: о невзгодах, болезнях, прожитой нелёгкой жизни в военные и послевоенные годы. Ты будто попадаешь в другой мир, который в самом деле всегда с тобой, но в повседневной сутолоке не замечаешь. В моём рассказе «Дедушка Семён» есть такие строки: «...Скорее бы поехать снова на рыбалку! Как хорошо там!» Такое состояние испытываешь не только в детские годы, но и находясь на пенсии, если ты любишь природу, если тебе с ней хорошо.

Сентябрь, 1987.

Шатун-убийца.

В зрелые годы медведь чувствовал силу, ему не составляло труда одолеть взрослого лося, выгнать из своего владения любого зверя. Жил он, что называется, не тужил, питался вдоволь, наращивал много жира для зимовки в берлоге.

Шли годы, медведь стал стареть. Притупились когти, острые когда-то зубы. Понимал он – подходит время уступать место в лесу молодым, сильным и здоровым, которые уже пытались выгнать его, матёрого, с насиженного места, однако, мог отбиться, прогонял незваных гостей.

Наступил неурожайный год, не созрели кедровые шишки, черёмуху сожрали прожорливые гусеницы, от ранних заморозков погибли цветы ягод. Бродил медведь по тайге, копал коренья, ел их и съедобную траву, откапывал запасы бурундуков на зиму, а вот завалить лося уже не мог. Отощал к

осени, без накопленного жира верная гибель, потому не стал ложиться в берлогу.

Раньше, в рассвете сил, он избегал встреч с человеком, мамаша научила обходить стороной, у того «палка» громко орёт и убивает, собаки всегда с ним, могут «штаны» порвать. Выпал первый снег, подморозило, дрожал от холода постаревший зверь. Негде ему корма взять, ходил голодный с опущенной головой, а голод не тётка. Перестал исхудавший шатун бояться, потерял чувство самосохранения, одна у него думка – поесть чего-нибудь. Оставил свой удалённый от людей участок в дебрях, пошёл шататься, куда глаза глядят. Набрёл на охотничью избушку, зашёл в открытую дверь, там пусто. Полежал, поспал, слышит, кто-то идёт, насторожился, приподнялся на четвереньки, шерсть на загривке поднялась.

Наступил промозглый сезон, охотник доехал с сыном по реке на моторке до первой избушки, решил пойти на вторую, расположенную километрах в шести, с бензопилой «дружкой» заготовить дров. Сын недавно вернулся из армии, с отцом не пошёл, у него разболелся живот. Идёт по знакомой тропе немолодой из коренных жителей потомственный охотник, думает, удачной или неудачной будет нынче охота. Через плечо у него висела мелкокалиберная тозовка, собак не взял, чтобы не пугали боязливых рябчиков, которых хотел добыть на суп – к вечеру рассчитывал вернуться обратно.

Вот и избушка показалась, стоявшая под зелёной кроной кедрача. Охотник подумал: немного отдохну, разведу костёр, тогда возьмусь пилить сухой на дрова, не знал только, что его ожидала беда. Оставалось полсотни шагов, когда неожиданно из дверей избушки выскочил огромный медведь, с громким рёвом кинулся на растерявшегося человека, успевшего отскочить за большой кедр. У голодного шатуна на уме было одно – насытиться чем бы то ни было. Он с яростью принялся гонять охотника вокруг дерева, который отбросил бензопилу, сорвал с себя винтовку, но запнулся за корень кедр, зверь надел и...

До сумерек ждал парень отца, утром, чуть рассвело, с рюкзаком продуктов направился в ту избушку, взял с собою собак. Шёл и думал, что могло случиться с отцом, заблудиться не мог, может сердце «зашаляло», это у него бывало и раньше.

Насытившийся зверь лежал под кедром, заслышав приближение другого человека, поднялся, вышел на полянку у избушки, он не торопился расправиться с пришельцем. Парень увидел шатуна, свистнул собак, сам скинул рюкзак, рванул по тропе в обратный путь. Медведь добежал до рюкзака от которого исходил запах съестного, остановился, разорвал его, начал поедать, что в нём было. На шатуна набросились собаки, лаяли яростно, зверь рычал на них и продолжал начатое.

Парень бежал так, как во время службы не бегал на учениях. Сел в моторку и поехал за помощью. Вернулся с опытными охотниками-медвежатниками и двумя милиционерами, они увидели, что зверь приходил к реке, разворотил в другой избушке что мог. Нашли изорванные в клочья рюкзак, куртку и шапку охотника. Шатун сделал чёрное дело, побрёл дальше заниматься разбоем. Корма в лесу взять по-прежнему не мог, направился к жилью людей. В ночную пору перемахнул через забор и задрал корову, на её туше хозяин с соседом прервали наглое нашествие шатуна.

Этот рассказ о бывшем заведующим Чульским участком, позже ст. охотоведе Тюхтетского зверопромхоза Атуове Михаиле Дмитриевиче, который трагически погиб в тайге на реке Абакан, на промысле во время отпуска.

Тайга лодыря не любит.

Охотничья избушка показалась неожиданно из-за подростка ели и пихты. Она стояла на берегу таёжной речки. Собаки, подбежавшие к ней первыми, обнюхали следы, которые оставили лесные зверюшки. Старый охотник приветливо проговорил:

- Дождалась, моя красавица, принимай нас теперь с сыном, пришли охотничать.

Владимир Никифорович давно сделал её, когда поступил в зверопромысловое хозяйство, и закрепили за ним этот промысловый участок. Он открыл дверь в зимовье, заглянул внутрь, всё стояло на месте: стол, железная печь, нары, лежали заготовленные на случай дрова, на гвозде фонарь «летучая мышь».

Избушка понравилась его сыну Саше, демобилизованному из армии, пришедшему сюда в первый раз. Срублена она из сухого кедрача, бензопилой «Дружба» ровно опилены углы, крыша сделана из колотых досок.

- Как теремок, - весело сказал парень.

- Мастерил для себя. Скоро на пенсию пойду, тебе оставлю, ведь ты теперь тоже штатный охотник. - Старик покурил, растопил печь, вскипятил в чайнике воду, заварил запашистым чаем. - Привыкай к лесу и охоте, сынок, ишшо помни – лодыря тайга не любит.

- Привыкну, - уверенно сказал юноша. Они поели, попили с дороги горячего чая, утомлённые переходом с гружёными рюкзаками продуктами, легли спать. Отец продолжал напутствовать:

- Фарт (успех) сам не приходит, надо раньше выходить утром, много ходить, знать повадки соболей и белок, где они живут, да и без хороших собак добудешь мало.

На следующий день отец повёл сына «знакомиться» с лесным промысловым угодьем. Проходили они по тайге с огромными кедрами, дававшими

в урожайные годы много кедровых шишек на корм крупному и мелкому зверю и птице. Росли белоствольные берёзы, прогонистые, сучьями на верхушках сосны, высокие ели, заросли пихтача. На берегу небольшой, захлавленной речушки кусты черёмухи, рябины, тоже дававшие пропитание жителям леса. Собаки облялаи белку, перескакивающую с ветки на ветку, с дерева на дерево. Она ещё рыжая, не выходная, шкурки таких зверьков вообще не принимаются.

- Подождём немного, наступят первые морозы и шкурки «очистятся», станут первосортными. Может лось попадёт – не промахнись, мясо надо нам и собакам кормиться.

За первый день вдвоём добыли трёх соболей и глухаря.

- День не зря прошёл. Завтра ты тут походишь, я в другую сторону сбрую. Возьмёшь Беркута, он ищет лучше, тебя научит охотиться. Токо не торопись, приглядывайся, куда идёшь, не заблудись, - наставлял старый охотник.

- У меня компас есть.

- На компас надейся, да сам не плошай, может далеко увести от избушки, придётся искать. Я чуть ли не каждое дерево знаю за много лет, а ты новичок.

Пошёл парень один, пёс Беркут убежал вперёд, надо ждать, когда тот найдёт зверька. Послышался призывный лай. Парень прибавил шаг, но оказалась на дереве вертлявая, ещё не годная для промысла белка. Он отозвал собаку, та вскоре встретила свежий след соболя и помчалась за ним. Беркут вновь залаял далеко, чуть слышно его. Молодой охотник напрямик побежал на лай собаки, который становился всё отчётливей. Подошёл, видит, сидит лесной кот на высоком пне. Юноша стал подходить ближе, наступил на сучок, тот треснул, соболю вздрогнул и стремительно перепрыгнул на соседнее дерево, затем на другое и помчался. Беркут не успевал по земле. Когда зверьку надоело бежать, почувствовал, что в безопасности, остановился и запрятался на кедре. Саша подкрался тихо, заметил головку соболя, раздался выстрел, который оказался удачным.

Обратно, к избушке, юноша двигался по берегу речки, в пихтаче поднялась стая рябчиков, питавшихся черёмухой, добыл двух небольших боровых петушков. Спокойно затем шёл дальше, вдруг услышал грозный лай, не похоже на соболя. Пробрался через засохший кипрейник, увидел собаку, которая кидалась к корням большой ели. Сомнения не было: тут залёг медведь. Вступить в схватку с опасным зверем один не решился, позвал собаку, стал делать затески, чтобы легче потом найти берлогу.

- Беркут нашёл медведя, - сообщил вечером отцу.

- Где? Пришлый, наверное, раньше не замечал, не нужен он нам, надо прогнать или убить. А у меня беда: Белка загуляла и убежала с Барском

домой. Придётся тебе за ними сходить, ноги у тебя молодые, вернёшься, тогда поглядим, кто там зимует.

- Без меня не ходи, папа. На живого медведя хочу посмотреть, - попросил сын.

- Ладно, я же сказал, придёшь. потом поглядим, вместе надёжнее.

Зверь, устроившись на зимовку, не ушёл. Старый медвежатник «заломил» лаз в убежище, вырубил длинный шест, дал сыну, чтобы тот сверху берлоги в отверстии расшевелил зверя. Медведь взревел, однако покидать тёплое зимовье не хотел. Старые промысловики утверждают, он чувствует кончину, и потому боится вылезать. Наконец, рассердился, разворотил смёрзшее «окно», рванулся за собаками. Саша выстрелил, но промахнулся влопыхах. Отец дождался, когда тот остановится, разрядил оба ствола, быстро зарядил снова. Медведь ткнулся головой в землю, однако вскочил и скрылся в кипрейнике, вдогонку прогремел выстрел, не принесший вреда убегающему.

- Раненого нельзя оставлять, не даст покоя, будет мстить, подкараулит, расправится. Пойдём за ним, - несколько взволнованный предложил старик.

Собаки кинулись за смертельно раненым зверем. Найти его оказалось не трудно, он лежал за колодиной, тяжело дышал и дико глядел на собак, подниматься не мог, охотник подошёл близко и добил.

- Ну вот, теперь не станем бояться ходить по урману, - сказал старый промысловик, толкнул ногой мохнатую тушу недвижимого медведя. Он добывал их и лосей, потому скоро успокоился, чего не скажешь о сыне, который дрожал, встретившись с грозным «хозяином тайги». Сердце у него трепыхалось, будто медведь гнался за ним. Отец видел состояние сына, чтобы поддержать весело сказал:

- Это твой первый, а мой двадцать пятый.

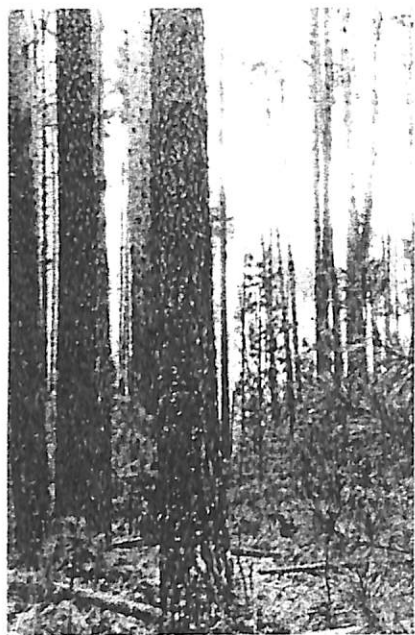
Они месяц побыли на охотничьем участке, хорошо добыли пушного зверя в тот сезон, запасли унести домой глухарей и рябчиков. По вечерам,

после ужина, когда обработаны добытые зверьки, от железной печи исходило тепло, отец рассказывал о встречах с медведями, о забываемых случаях. Говорил он, что для настоящего охотника промысел - не прогулка по лесу, а напряжённая работа, связанная с трудностями, порою опасная для жизни. Приходится в стужу, в пургу находиться в

тайге, идти на лыжах торить тропу не ради простого отдыха, а зарабатывать в поте хлеб и другое, нужное для жизни большой семьи, кормить, одевать, обувать, учить детишек, не отставая от других опытных промысловиков. быть в числе передовиков.

Февраль, 2001

Выдры на озере.

(Из рассказа охотника и рыбака-любителя)

- Давно это было. В те далёкие годы свободного времени для охоты и рыбалки можно выкроить только в воскресенье, работали на производстве много, не то что сейчас, есть безработные, гуляют в старые и новые праздники сколько угодно. Тогда придёт один день в неделю, не знаешь, за что взяться: надо зимой сена и дров привезти, летом их заготовить. Я на лесоучастке работал, рано уходил на работу и поздно из лесу возвращался.

По соседству жили двое лесников, у них со временем посвободнее, коней держали. Когда осенью выпал первый снег, уговорили меня поехать на рыбалку на озеро Гагарье. Старожилы говорили, что оно рыбное, но очень глубокое, забросить невод можно лишь у ручья, на мелководье. В старину охотники не строили избушек, где ночь застанет, там и ночевали. Потом они появились на берегах ручьёв, речек. Мы с Григорием Щитовым и Василием Лучининым распрягли лошадей у избушки, перекусили на скорую руку, принялись долбить лунки, чтобы верёвку протащить подо льдом.

- Давайте, мужики, поторапливаться будем, день короткий, надо домой засветло добраться, - Щитов среди нас был самым старшим и опытным.

Помню, день был пасмурным, снег летел хлопьями, воронёе кружилось над лесом, видно, ждали, что им перепадёт мелкая рыбёшка. Занятые делом, не глядели по сторонам, вдруг лежавшие на саях наши охотничьи собаки, сорвались и кинулись вдоль берега озера. Смотрим, какие-то зверьки убегают.

- Мужики, это же выдры!

Бросили мы пешни, побежали за собаками, ружей с собой не взяли. Коротконогие выдры с блестящим мехом, напуганные лаем собак, стремились укрыться в зимнем убежище. Одна успела нырнуть в отдушину во льду, другую быстроногие лайки догнали и задушили. Подбежали мы, отобрали зверюшку, как охотники обрадовались добыче, только Григорий Щитов остался недовольным:

- Рыбы тут не возьмём, - сказал он. - Не будем мучиться, давайте собираться домой.

- Ты что, Гриша, лунки сделали, осталось невод протянуть, - говорим ему.

- Да выдры рыбу уже выловили, неужели не поймёте!

Уговорили его, протянули мелкочечевой невод, а добыли столько, что собак не накормишь. Опытный рыбак оказался прав, где живут выдры, там рыбакам делать нечего.

Ехали обратно вроде довольные, добыли вместо рыбы выдру, день прошёл не даром.

- Ладно, мужики, - решили неудачники, - давайте сабантуй устроим.

Шкурку выдры сдали на приёмный пункт, на вырученные деньги взяли водки, и после бани, в субботу, «уговорили» её. Вместо рыбы на закуску была баранина, свиное сало, капуста, огурцы, картошка.

Повеселевшие, мы вспоминали, как зимой коробами возили щук, язёй, окуней, добытых неводами на других озёрах; как брали глухарей в сосновых борах, где много черники и брусники; как скрадывали лосей летом на речке и озёрах, куда те забредали от гнуса. Все трое встречались в тайге с медведями, ведь лесники много ходят в тайге на отводе лесных делан, на посадку молодого сосняка и кедра, охраняют лес. Только со зверями вступать в схватку желания не было. С ними всегда находились верные помощники, защитники и охранники – псы-медвежатники, они раньше учуют, увидят зверя и прогонят его.

- За прожитые семь с лишним десятков лет много побродил я по тайге с ружьём, - заканчивает рассказ заядлый охотник и рыбак-любитель Николай Ефимович Солондин. - Всякое бывало, иногда подфартит, так еле волочишь рыбу или глухарей домой, бывает пустой вернёшься, ведь рыба в ненастье не ходит, стоит в глубоких местах, глухари как сонные где-нибудь на сосне отсиживаются.

Сейчас, в городе, на десятом этаже живу один. На ум, особенно в бессонные ночи, лезут разные мысли, более всего об охоте и рыбалке.

Декабрь, 2003.

Будь другом природы.

Весна затянулась. В конце мая стояла прохладная погода, сквозь тучи на небе светило солнце, но мало грело. В огородах посадили картошку и овощи

на грядках, им не хватало тепла. Наконец, пришло долгожданное лето с тёплыми дождями и припарками. Его ждали все, в том числе и я, чтобы сходить за черемшой. Мне было известно место, где она росла, у старой силосной ямы, в тёмном лесочке на небольшой площадке вблизи заросшего водорослями озера. В прошлом году кто-то пустил пал, и огонь безжалостно выжег черемшу, оставив неприятное зрелище. Тогда я ушёл ни с чем.

Нынче позвал с собой внука Диму. Ему исполнилось одиннадцать лет. Он заядлый рыбак, ещё в прошлом году ходил ловить на удочку карасей и гальянов в «копани», в водоёме, в котором поили коров. Повёл меня туда, но сам не запомнил того места, сказал только у аэродрома, а их в районном центре два: старый и новый. Направились на второй, обошли порядком, оказались вблизи лиственной горы, оттуда в сторону села и слышу радостный возглас внука:

- Вот это озерко!

Мы подошли к старому аэродрому, рядом с селом. В этом водоёме, если можно так назвать, через дорогу лежали трубы, по ним сливалась вода, она бурлила, а внизу, в небольшой ямке Дима ловил мелкую рыбёшку, и тут добыл несколько карасиков и гальянчиков. Их, видимо, было немного, и клевать перестали.

Так вот, идём за черемшой, за ГЭС, которая когда-то давала электроэнергию, мимо по полю, свернули направо, и вот силосная яма. Тихий и спокойный Дима мало обращал внимания на лес, кусты, цветущие растения, пасущихся в поле коров. О чём он думал, отмахиваясь от комаров, ему одному известно, наверное, всё казалось обычным, удивляться нечему. С высокой берёзы слышалось карканье серой вороны, там находилось её гнездо с птенцами. Парнишка косо бросил взгляд в её сторону, также монотонно, неторопливо двигался дальше. Я наблюдал за ним, как реагирует на то, что попадает в лесу, он ноль внимания на всё, тогда спрашиваю:

- Дима, кто это каркает?

- Ворона, - удивлённо глянул на меня, мол, деда, кто её не знает.

- А ты знаешь, как она живёт, чем питается, кому вредит?

- Нет, - признался он. Я рассказал, что знал об этой каркающей птице.

- Гляди, сколько птиц с криком летают, ты их знаешь?

- Это дрозды, они воруют ягоды клубники и облепихи.

- Почему так кричат сейчас?

- Потому, что боятся нас.

- Так, да не так. У них появились птенчики, тревожатся за них, чтобы не поймали.

Вдоль травы, по полю цвели огоньки, их было много среди ромашек, одуванчиков, подорожника. Огоньки выделялись среди остальных своей красотой.

- Как называют эти цветы? – спрашиваю внука. Он морщит лоб, но назвать не может. – А кукушкин лён, кипрей, подорожник? – не знает, кроме последнего.

- Смотри, деда, сколько тут цветов черёмухи! Ребятишки их охапками таскают.

Кустов черёмухи с белыми душистыми цветами по кромке поля росло очень много.

- Рвать цветы с черёмухи не надо, им достаётся от холода, гусениц, ветер обрывает, иногда ягод бывает много, другой год совсем нет, а их любят есть медведи, соболи, рябчики и другие звери и птицы.

Незаметно подошли к силосной яме, за ней, вниз к озерку, росла черемша. Выскочил маленький зайчишка первого помёта. Дима кинулся за ним, однако, недавно появившийся на свет зайчонок проворно скрылся в кустах.

- Почему он один, где его мать? – встряхнувшийся от дремоты мальчишка уставился на меня.

- Зайчиха рано перестаёт кормить детёнышей, они едят зелёную траву, бывает, кормит другая зайчиха, если встретится малышу. У них много врагов: это совы, лисицы, собаки, комары, потому зайчата такие трусливые, если кого увидят или услышат, бегут без оглядки и прячутся. Защититься ему нечем, он ложится на спину и лапами может поранить даже человека.

Черемши выросло много, никто сюда не приходил её рвать. Росло здесь и другое растение, напоминающее черемшу. Дима стал собирать его. Объясняю, в чём отличие, он понял и принялся рвать то, что надо.

Когда шли по полю, было жарко и душно, тут, в окружении осин и берёз, затишье, не проникал ветер, прохладно, темновато, солнце закрыто верхушками деревьев. Пока лазили, собирали черемшу, вспотели и устали, решили отдохнуть и перекусить. Мы наломали сухих веток, развели костёр, пожарили сала, поели с хлебом, яйцами и черемшой, из фляжки попили чаю с вареньем. Диме понравился костёр, он ломал сучки, поддерживал огонь.

Время перевалило за полдень. Обратились также неторопливо, светило яркое солнышко. После пасмурной, прохладной погоды всё росло, тянулось ввысь, наслаждаясь теплом.

Природа – живой организм. Ни на минуту не прекращается жизнь зверей, птиц, насекомых. Раздаются радостные и тревожные голоса всего живого. Надо только приглядеться, быть внимательным, не нарушать покой обитателей природы, напрасно не рубить лес, не поджигать траву, чтобы не было пожаров, не разорять муравейники, гнёзда зверей и птиц.

Человек, по отношению ко всему живущему, бегающему, летающему, плавающему, ползающему, растущему на земле должен быть другом!

Чувыш.

Летом, когда едешь на машине по привольным лугам с высокой травой, приходится видеть, как неумело взлетают маленькие пушистые колобочки-птенцы, чаще всего торопливо перебегают дороги, падая, кувыркаясь, снова бегом, лишь бы спрятаться от громкого тарахтенья автомашин, наводящих ужас на беспомощных, недавно появившихся существ. Мамаши-тетёрки, чтобы защитит, обхитрить и отвести опасность, притворяются ранеными, стремятся увести человека, лисицу или собаку от глупого молодняка. К осени птенцы становятся взрослыми, но по-прежнему остаются беспечными, надеются на заботливую мамашу.

Эти лесные птицы находят на полях и лугах питание в изобилии. Они любят полакомиться хлебным колосом на убранных полях, на которых остались кучи соломы, становятся упитанными. Сюда по утрам и вечерам большими стаями слетаются кормиться тетерева.

В такую пору охотник-любитель пригласил меня посидеть с чучелами в скрадке, чтобы добыть таёжных петухов. На мотоцикле, до восхода солнца мы приехали на поле с копнами золотистой овсяной соломы, которая в таёжных хозяйствах не вывозилась, хватало заготовленного сена.

Небольшая сжатая полоска находилась в окружении многочисленных берёз. С них ветер сорвал пожелтевшие листья. Мы прикрепили на сучках, ближе к верхушкам, привезённые чучела. Постепенно рассеивается ночная мгла. Тихо плывут облака, похожие на зверей и птиц. В восточной стороне багряным становится небо. Невидимые сначала лучи осветили верхушки деревьев, затем из-за леса медленно стало появляться солнце. Наступил новый день. Свежий утренний ветерок с лёгким морозцем забивался под одежду, холодил ноги.

Мы сделали скрадок из сучков и соломы, залезли в него и ждём. С появлением солнца неожиданно стремительно прилетел одинокий чёрный косач – вожак стаи тетеревов. С высоты он оглядел поле, сделал круг и опустился вблизи чучел, вытянул длинную шею, какое-то время молча озирался кругом. Он, наверное, понял, что опасности нет, громко произнёс «Чу...выш!», призывая стаю прилетать и кормиться. «Чувыш» - это своего рода пароль. Появилась большая стая косачей, взрослых тетёрок и молодняка. Они уселись на берёзы, потом спланировали на кучи соломы и на поле, начали выбирать из колосков зёрна.

Находились птицы рядом с нами. Хорошо видны раздвоенные хвосты косачей, их красные брови, перья серых тетёрок. На вершине берёзы сидит «дозорный», крутит головой, глядит, как бы ястреб-тетеревятник не застал врасплох, не подкралась плутовка-лиса, или не подошёл человек с ружьём. Не видел он лишь сидевших в скрадке охотников.

Мы с напарником долго смотрели на беспечно кормившихся тетеревов, шёпотом говорим, мол, пора начинать. Выбираем трофей – петушка-косача,

почти одновременно раздаются выстрелы. Охваченная паникой стая, мгновенно с тревожными криками и шумом взлетает, уносится с большой быстротой. Мы не выходим из укрытия, чтобы не обнаружить себя. Минут через пятнадцать принеслась вторая стая таёжных птиц, а, возможно, та же самая. Всё повторилось. Мы добыли четырёх крупных петушков, больше не стали задерживаться, сняли скрадок, чучела и отправились домой.

...Горе-охотники, уничтожающие боровую дичь из кабин автомашин, с подъезда, хвалятся, что берут по десять-двадцать птиц, в том числе тетёрок. Это браконьеры. Лучше взять двух-трёх в скрадке, чем недозволенным способом. Человек обязан думать о самосохранении и приумножении, не быть врагом летающих и бегающих лесных и водных обитателей, заботиться о размножении, чтобы продолжался их вид и род.

Браконьеры.

Из соснового бора на берег небольшой обмелевшей речушки на малом ходу, словно подкрадываясь, выкатил легковая машина, из неё вышли двое.

- Эт...то м...м...место я хо...хо...рошо з...з...наю, н...не раз т...тут б...б...бывал, - заикаясь сказал один из приехавших. - В...вон там, по...по...выше, г...глу...б...бокая ям...ма, р...р...рыбы, с...с...соби...рается т...тьма т...тьму...щая.

- Значит, не зря приехали, - подхватил другой. Они вернулись к машине, притащили к речке резиновую лодку, вёсла, в карманах бутылки с жидкостью.

- Р...р...ванёт, так в...все с г...г...лубины вывернет, - улыбался заика. - Т...т...олько у...спевай р...р...ыбу с...с...обирай.

Приехавшие подошли к омуту, накачали резиновую лодку, увидели притопленную сеть с мелкой ячейей.

- Г...г...ляди, к...то-то о...о...передил нас, - выругался шофёр.

Из-за кустов вышел сухощавый верзила с редкой щетиной на лице, грубо спросил:

- Что вам тут надо?

- С...с...мотрю к...к...какой-то и...и...диот с...с...ети пос...тавил!

- Ты говори, да не заговаривайся, это наши сети. У тебя что это за бутылки из кармана торчат, небось, надумал рвануть?

- М...мы н...е ты, про...вваливай о...о...тселя!

- Кто? Мы? А ну, Колька, покажи, где раки зимуют!

Подошёл мужик крепче первого, схватил шофёра-заика за грудки. - Сейчас на закуску рыбам пойдёшь!

- Б...б...рось, г...говорю! - Заика рванулся, да так, что кубарем полетел под откос, из кармана вывалились бутылки со взрывоопасной смесью и покатились к воде, в которой много рыбы. Приехавшие на машине знали о содержимом, шофёр рванул в гору, остальные за ним. Сзади рвануло, да так,

что оглушило браконьеров, они попадали от страха. Когда пришли в себя, подняли головы, увидели: на месте запора бурлила вода, сеть порвана на клочки, оглушённую мелкую рыбу и мальков несло вниз по течению, попробуй, возьми их.

Хапуги-браконьеры принялись громко орать, обвиняя друг друга в недозволённом промысле рыбы.

- Ч...ч...чёрт! Судить вас надо! – стал заикаться владелец сети.

- К...к...кого? Н...нас? – сквозь зубы бросил шофёр-заика. – Н...н...нет, братец, е...е...если с...с...судить, то в...вв...сех н...на о...д...ну с...с...камейку!

- К...к...катись о...о...тселя, пока соли на хвост не насыпали! – кричал хозяин сети.

- К...к...ому? Н...нам?! – шофёр-заика схватил заводную ручку и кинул в противников. Его остановил напарник, не дал разгореться драке до возможного убийства, уж сильно горячие оказались браконьеры. Продолжая ругаться, шофёр хлопнул дверкой машины, но вспомнил про резиновую лодку, схватил её, открутил клапан и кинул в машину. Оставшиеся «рыбаки» не переставали поносить недобрыми словами уехавших, недовольные на мотоцикле отправились домой.

Встречаются и немало вот таких хапуг. Почему бы им не взять в руки удочки, на этом же омуте сесть рядом и добыть на жарёху рыбы, отдохнуть и вернуться со спокойными нервами.

Сердце матери.

В декабре, в большой мороз, как могла, по улице спешила высохшая от старости, согнувшаяся восьмидесятилетняя бабушка, чем-то опечаленная. Её морщинистое лицо было закрыто так, что видны лишь глаза и вылезшая из-под поношенной шали прядь седых волос.

- Куда ты торопишься? – спросила шедшая навстречу другая пожилая женщина.

- Да... - старушка махнула рукой, ей, видно, не хотелось говорить, куда и зачем идёт.

- Наверное, внуков пошла проведать? Может, заболели?

- Да нет... - и старушка поведала о своём горе: - сын стал выпивать, пока старик (её муж) был живой, так побаивался. До развода с женой доходило, а ведь у них двое ребятишек, надо кормить, учить, в люди вывести. Вот иду, в который раз уговариваю, чтобы бросил пить. Он был хороший парень, жене во всём помогал, даже корову доил. И что с ним стало? Работает в бригаде на заготовке леса, там и пристрастился.

Старенькая женщина, воспитавшая четверых детей, прожившая нелёгкую жизнь, военное время, много трудившаяся, тяжело вздохнула. Низко

склонила голову, зарыдала, так тяжело было ей. Пошла она дальше, вытирая рукавицей катившиеся слёзы.

Материнское сердце до последних дней жизни заботится и страдает за родившегося ребёнка, потом, когда ходит в школу, становится взрослым, женится, появляются у него дети, и когда великовозрастный детина становится алкоголиком.

О материнской любви к детям рассказано очень много, об этом знают все, однако, надо постоянно поднимать эту тему, тем более в наше трудное время.

По телевизору, особенно перед призывом в армию, часто говорят: парни не желают отдавать свой долг Родине, защищать её, а призванные жалуются на дедовщину, неуставные требования, плохое кормление в военные прокуратуры. У одной матери так получилось, после окончания учебных заведений, двое (через год) оказались в воинских частях. Один пришёл на побывку, его не узнать: он бледный голова держится на тонкой шее. Оказывается, где он служит, плохо кормят, в кирзовых сапогах портянки как марлевые, такое же нижнее бельё. Он остыл, два раза лежал по месяцу в больнице.

Второй сын в письме из части написал: «первые два дня ничего не ел, только пил чай», и дальше: «никогда не думал, как хорошо дома».

Разве у матери не содрогнётся сердце, не защемит его, когда увидела исхудавшего, плохо одетого своего сына, которому отдавала всё, чтобы вырос здоровым, крепким, жизнерадостным. А тот даже не сообщал, что лежит в больнице, видно, запрещалось командованием, да и дома, во время побывки ни о чём не рассказывал, а матери сказал: «меньше будешь знать, лучше будешь спать».

А поглядите на генералов по телевизору, на полковников – лица у них круглые, как футбольные мячи, от жира лоснятся, красные. Им хорошо служится, а о простых солдатах не думают, не заботятся.

Возьмём другой пример: у женщины сын закончил юридический факультет университета с отличием. В советское время студентам давали направление на работу, обеспечивали жильём, а со времени ельцинского правления вытолкнут как неоперившихся птенцов из гнезда, и сам, без помощи государства и учебного заведения как можешь «начинай свой жизненный путь». Он редко у кого получается, если у них отец и мать не с толстым кошельком, если они не дадут взятку, а это десятки тысяч рублей, где найдёт юноша или девушка, получавшие пять лет мизерную стипендию? Разве не заболит сердце родителей, имеющих нищенский заработок и не имеющих возможности помочь детям встать на ноги, работать по специальности, получать достойную зарплату, завести семью, иметь детей и т. д. Тяжело смотреть, как пытаются бывшие студенты найти хоть какую-нибудь работу, чтобы жить.

Надо всем родителям спросить у действующей власти, почему они глухи к такому безобразию, почему не вернутся к тому времени, когда о будущих гражданах проявлялась забота.

Январь, 2004

Старость – не радость.

В один из погожих июльских дней в центре села встретились два старика-ровесника, у деда Михаила в руках была трость.

- Ты что это с «помощником» стал ходить?

- Ходули отказывают, браток, - морщится старик с палочкой. – Пошёл вот в больницу, может, какие таблетки дадут, хоть боль заглушат.

- У меня правая нога тоже непутёвая, лечу листьями дедовника со скипидаром, бабка одна надоумила.

- Как это, подскажи, может, мне поможет? Скипидар, кажись, дома есть, и дедовника полно по канавам растёт.

- Делается просто. Сорву два больших листа, топориком, или чем тяжёлым раздавлю, намажу скипидаром, переверну другой стороной, на ногу, где болит больше, положу те листья, накрою целлофаном, поверх мягкой тряпкой заверну, потом, старой тёплой шалью. Это делаю перед тем, как спать ложиться. Лежу минут двадцать-полчаса, начинается щипать и гореть. Снимаю всё, ложусь, час и боле ногу жжёт, засыпаю, утром ничего не чувствую. Так подряд три раза сделаю, вроде, нога перестаёт болеть, бегаю без палочки, даже в лес за грибами хожу.

- Не слышал об этом, надо сегодня же попробовать.

Старики немного потолковали о житейских делах, не забыли про политику, о ней кто только теперь не говорит. О пожилых людях, об участниках войны, тружениках тыла, которых унесли на кладбище. Они разошлись, хоть и старые, но дел в огороде, во дворе у каждого порядком, не привыкли сидеть сложа руки, никто не придёт, за них не сделает.

Стали появляться в лесу грибы. Дед Василий не мог усидеть, когда появились лисички, маслята, белые грибы и другие. Толи оттого, что ходил по косогорам, нога снова стала отказывать, приходилось выламывать палочку, опираться и добираться домой.

Однажды случилось такое, что надолго осталось в памяти. Собрал грибов, идёт, у речки, (а сколь ходил раньше, того места не видел), на берегу стоят молодые ели, сосны. Ему неловко стало, будто подсказывает кто – уходи отсюда. Вышел на поле и по дорожке пошёл в сторону дома, чувствует, голову «обнесло» и «повело» его через поле в гору. Вышел, не соображая, на вспаханное поле, место показалось незнакомым. Слева какой-то сосновый лес, вдали – деревня, а куда идти – не знает. С ним была собачка небольшая, звали её Босьяк, говорит ему «Пошли домой», тот побежал под горку. Вышел, глядит, показался знакомый косогор, где, когда созреет, брал

шиповник. Направился по коровьей тропинке, а его тянет вправо, всё же вышел на знакомую дорогу, тут сознание прояснилось, и дед добрался до дому.

Отдохнул, дай, думает, позвоню дружку, деду Михаилу. Нашёл в телефонном справочнике номер, набрал его. Ответила девочка, по голосу лет десяти.

- Девочка, позови деда Мишу.

- Его нет дома, он на работе.

- Тогда бабушку.

- У нас нет бабушки

Вот тебе на! Дед на работе, бабушка у него, то есть жена, есть, а девочка отвечает – нет. Что-то не так. Надо самому сходить. Пошёл на следующий день, встретила его жена старика, солидная бабушка, поздоровалась.

- Не вижу Михаила, наверное, на работе?

- Да он на пенсии, в огороде малину собирает, пойду, позову.

Вошёл приятель, с улыбкой протянул руку.

- Звонил тебе, девочка ответила, что нет дома – на работе.

- Так это моего племянника дочка. Фамилия та же, отца зовут Михаил. Он в телефонной книжке есть, а мне провели телефон недавно. Вместо «деда» ей показалось «дядя».

- Вот и разобрались, - оба расхохотались.

- Вчера за грибами ходил, пересилил, видно, нога опять отказывает ходить, тут ещё оказия приключилась, - и рассказал, как всё было.

- Слушай, а ведь за этим полем, в разное время мужики, один – зимой, другой – весной были найдены погибшими. Может, их какая-то сила сгубила, и на тебя покушалась, собачка должно, спасла. Чего только не бывает на белом свете, - встревожились дед Михаил и его супруга.

- Ну ладно, что было – то прошло, я к вам по делу пришёл. Ты говорил, скипидаром богатый, не сможете выделить маленько, ногу подлечить.

В разговор вступила хозяйка:

- Скипидар есть, где-то в кладовке, сейчас принесу, во что вам налить?

- Вот принёс бутылочку.

Деды продолжали беседу на разные жизненные темы: об огороде, ягоде.

- Малины нынче расплодилось по огороду полным-полно, даже в палисадник добралась. Бабка пошла собирать, у неё должно, давление поднялось, голову обнесло, у куста завалилась, помогал в избу зайти, сам взялся собирать.

Перевели разговор на заготовку сена.

- Понимаешь, говорит дед Михаил, в прошлом году сын с соседом накопил с поля сеяных трав на лошадь и три коровы, нынче только на полторы коровы. Поле тимopheевкой засеяно, года четыре прошло, как сеяли, надо снова сеять, семена стали сильно дорогие, где столько взять денег. Причина

ещё в том, что рано косят, не дают вызреть семенам. Мы с зятем на лесной поляне косим, где пенсионерам выделили, скажу тебе, трава отменная.

Дед Василий собрался идти домой, поблагодарил за скипидар, вышел на улицу Подгорную – с одной стороны была горка, уходившая далеко, а внизу течёт небольшая лесная речушка, кое-где заросшая травой, её можно перейти вброд.

На небе сгустились тучи, шёл небольшой дождь. У старой пятистенной избы, давно не ремонтированной, на лавочке сидела старушка, должно быть, доживала свой век в одиночестве. Дед Василий заговорил с ней:

- Дождичка давно не было, а теперь через день, да каждый день идёт.

- Не нужен он сейчас, люди сено убирают.

- Это так, только кто ему укажет. Есть такая пословица: не тогда идёт дождь, когда его просят, а когда сено косят. Вам то он не мешает, коровку не держите?

- Старик живой был – держали, фронтовик, он рано помер, самой бы сил хватало, не до скотины в мои годы, слава Богу, восьмой десяток доживаю.

На той же улице увидел около сруба нового дома двух мужиков среднего возраста и молодого третьего.

- Кому такие хоромы строите?

- Сыну, - отозвался один мужчина. – Недавно женился. Со стариками сейчас мало кто остаётся жить. Напротив своего дома решили поставить. Места вот только маловато, всего пять соток, на хлев, баню, да под грядки всего земли.

- Раньше тут пустырь был?

- Старая сельповская конюшня, коней держали.

- Ну, Бог вам в помощь

- Спасибо. Бог да Бог, да сам не будь плох, много надо потрудиться.

- Зато в новом доме молодые станут жить.

Вечером, перед сном, лежал дед Василий с листьями дедовника, смазанного скипидаром, думал о дедушке Михаиле, одинокой старушке и других немощных. Всем им досталось горького до слёз за прожитые долгие годы, повидали на своём веку и голода и холода, работали как тягловые лошади. Двадцатый век в России выдался историческим: первая и вторая мировые войны, коллективизация, перестройка, непонятные реформы, а от всего этого страдал простой народ, старики эти, которым Бог дал дожить до старости. Изъездили их «крутые горки», оттого и старость не в радость. Но все хотят ещё пожить, увидеть, какая жизнь будет, как станут жить дети, внуки, может, правнуки. Придёт время, «не отпадёт голова, прирастёт борода», такие думки появятся на закате жизни у сыновей и дочерей, внуков, внучек, они будут подводить итоги минувших лет. Как и нынешние старики, пожелают своему народу доброго здоровья, хорошей жизни.

Спасли старика-рыбака.

Весна в две тысячи четвёртом году затянулась. Раньше, в начале апреля, прилетали скворцы, за ними стаи крикливых галок. Снег лежал до мая, было пасмурно, почти каждый день шёл снег, потому птицам было нелегко. На речках, правда, прошёл лёд. С юга прилетели утки.

Любители-охотники ждали, когда откроется промысловый сезон, готовили ружья, патроны. И вот они едут на моторной лодке с подвесным мотором по таёжной речке. Им сказали, что видели косяки прилетевших водоплавающих. Двигались на тихом ходу, однако, кого хотели добыть, долго не могли увидеть.

- Вон, вон, глядите! – закричали, когда на долгом плёсе заметили стадо гоголей, потянулись за ружьями, те хитрые и осторожные поднялись и с тревожным криком улетели.

Вскоре на берег выскочил ещё в белом одеянии заяц, но и он напугался шума мотора, задал стрекача, скрылся за кустами.

Пошёл снег, да такой, что не видно ничего поблизости. Охотникам стало прохладно.

- Ребята, давайте согреемся, - предложил один из мужиков, друживший со «злодейкой с наклейкой».

Остановили мотолодку, достали бутылку и закуску, принялись греться. Снег перестал, вместо него пошёл нудный холодный дождь. Поехали дальше.

- Глядите, мужики, у берега одежина на кусте висит. Да нет, это вроде человек! – тревожным голосом сказал тот, который предложил погреться.

- Правда, человек! – заговорили разом.

«Верхом» на днище обласка сидел недвижимо старик, окоченевший от холодной воды.

- Дедушка! – крикнули ему, однако, тот молчал, даже головы не повернул. Затащили его на мотолодку, прибавили оборотов мотора, скоро добрались до ближайшей деревни. Пришедший в себя дед показал на избу, в которой живёт. Его под руки довели, переодели в сухую одежду.

- Ребята, затопите плиту, поскорей чаю согрейте.

- Ладно, сейчас затопим.

- Ишшо доставайте из подпола картошки, сварите, сами горячей поедите. Гляжу на вас, тоже промокли.

- Токо сухая резинка осталась у штанов, - захохотал один из охотников.

Дедушка был глуховатый, со слуховым аппаратом, который тоже подмок, потому совсем плохо слышал.

- Ты, дедушка, один живёшь, и сколько тебе лет?

- Скоко лет, говоришь, да недавно стукнуло восемьдесят два годика, живу без хозяйки пять лет, скучно одному.

- Куда ты ездил, в твои-то годы?

- За зиму картошка надоела, думал, сетками рыбки наловлю, ведь всю жизнь рыбалил, токо вот оплошал, веслом хотел оттолкнуться от берега, до дна не достал, перекинулся облас. Спасибо вам, милые люди, спасли меня, околел ба, никто не спохватился где искать.

- Да, дедушка, если бы мы не подоспели, то отжил бы своё.

- На фронте четыре года воевал, два раза раненый, да вернулся к семье, тут мог ба концы отдать.

- Ничё, дедок, видно, ещё поживёшь, не судьба твоя погибнуть на воде.

- Наверное, так. Дай Бог вам всем доброго здоровья, ребятки. Покуда буду жить – не забуду, что спасли меня.

Старик попил горячего чая, поел картошки, выпил стопку, которую подали «ребятки». Согрелся, стал рассказывать, как воевал с немцами под Сталинградом, показал ордена и медали, которыми был награждён за ратные подвиги. После перевёл повествование о жизни: как охотничал, добывал медведей, лосей, белок, глухарей, уток, рыбу. Прожил он долгую жизнь, рассказать было о чём.

Май, 2004.

Один день в больнице.

В коридоре поликлиники, на двух стареньких жёстких диванах и нескольких таких же стульях сидели пришедшие на приём к врачу терапевту больные, среди них много пожилых людей. Один старичок наклонился к другому, и, как бы в раздумье, сказал вслух то, о чём думал:

- Поглядеть на вид, все вроде здоровые, на самом деле, у каждого своя хвороба. Потерянного не вернёшь.

Простое рассуждение пожилого человека навело на мысль, конечно, по одежке не узнать, у кого какой диагноз, однако, видно, - больные с пожелтевшими лицами, морщинистыми, осунувшиеся, охающие и вздыхающие, со склонившимися головами. Некоторые давно не виделись, через «немогу» улыбались, шутили.

- Чо, пришёл потерянное найти?

- Дотопал кое-как, ноги идти отказывают, кашель покоя не даёт.

- Зима нынче морозная, давно такой не бывало, говорят, почти сто лет.

- Тебе так кажется, молодой был, наверное, легче переносилось.

- Знамо так. Да чо о том толковать. Не то пережили, как-нибудь перебьёмся.

Старые женщины тихо переговаривались, молодые вели себя оживлённо. Когда подошла очередь, старушка, в прошлом участница войны, у которой вставлен клапан в сердце, вошла в кабинет врача, вернулась затем, печальным голосом сказала:

- Опять ложат в больницу.

Многие пожилые люди пришли в тот день за помощью к врачу. Среди них участники войны, труженики тыла с подорванным здоровьем от работы в трудные годы. Им измерили давление, температуру, направили на анализы, на кардиограмму.

Напротив кабинета с табличкой «ЭКГ» сидела одинокая женщина.

- Вы крайняя?

- Первая и последняя, пока одна.

Старушка какое-то время молчала, потом, видимо, не выдержала, поведала о своём горе, ей хотелось выговориться:

- Семьдесят лет прожила, не ходила в больницу, тут сердце не выдержало, видно, от плохой жизни. Работала дояркой, а пенсия нищенская. Месяц прошёл, как дочь похоронила. У внучки ребёнок родился, у самой молока не оказалось, берём у соседки, скоро должна нетель отелиться, тогда полегче станет.

Подошёл мужчина средних лет, за ним старик, после ещё старушка приземистая с белыми прядями волос нарушила общее молчание. Не помню, с чего начался разговор, но она боевито продолжила:

- Раньше получала пенсию сто двадцать рублей, хватало. Хлеб стоил копейки, лекарство недорогое, сейчас полпенсии на всё это идёт. Надо за дрова, за свет, воду, газ, телефон платить. Слышала токо, что бывший президент Ельцин ни в чём не нуждается, раньше и теперь. Пенсию получает больше, чем сто пенсионеров, на проживание в год шестьдесят один миллион даёт государство. Оставили ему дачу – шесть гектаров земли, есть бронированная машина, охрана, лошадь держит, внука в Америке учит, профессора его семью лечат. Не надо, как нам, в очереди стоять и сидеть: за что ему такие почести? Зато, что всё развалил, народ сделал нищим?

Распалившаяся, она могла бы ещё говорить в таком духе, но прервала пришедшая медсестра и предложила зайти в кабинет. Первыми вошли женщины, затем, мужчины. С записью на ЭКГ что-то не ладилось, видно «заболе» аппарат.

Старым людям жить тяжело, часто приходится ходить в больницу, принимать таблетки, уколы, лежать в стационаре. Много на их долю выпало испытаний, однако, они продолжают, должно быть, до последних дней.

Декабрь, 2000.

У кассы автовокзала.

В Красноярске, восьмого марта две тысячи четвёртого года выпал снег, который гнал сильный ветер, особенно это было видно на реке Енисей, где шумели волны. Как бывает изменчива погода, ведь днём раньше шёл дождь при температуре плюс шесть градусов.

Около автокасс, у речного вокзала, стояли пассажиры, многие из них, возможно, спешили к родственникам в Дивногорск, на праздник. Они утомились в ожидании, когда их отправят, ждали уже второй час. Один из пожилых людей возмущался:

- Какой там гололёд! Поглядели бы вы, как во время войны и после ездил народ из Енисейска! Битком набивалось в кузова грузовых машин, ехали на бензовозах, на бетонных плитах, лишь бы как-то добраться до города. Помню, мне надо было поступать в техникум, остановил машину, место свободное оказалось в конце кузова. Сел я на свой фанерный чемоданчик, шофёр гнал, не обращал внимания на выбоины, а дороги очень плохие, в одном месте подкинуло, я подлетел вверх, упал на чемоданчик, он в лепёшку превратился. Это сейчас каждый день шесть рейсов делают автобусы, дороги стали хорошие, никакого сравнения с прошлым нет.

Пассажиры, купившие, наконец, билеты, отворачивались от шквального ветра, слушали словоохотливого рассказчика. Он улыбался, говорил громко, разводил руками.

- А как ездили по реке на пароходах, тогда они ходили на дровах! Оставливались через каждые пятьдесят-шестьдесят километров, вся команда выходила на погрузку, грузили прямо на берегу реки, в тайге. Туда заранее привозили дрова на конях. Бывало, не успеют рабочие подвезти их к берегу, тогда за сто-двести метров команда, пассажиры носили на руках, ведь сидеть никому не хочется. Кладут дрова в проходах, пройти с трудом могли.

Мои отец и мать до войны жили на Украине. Немцы угнали их с ребятами в Германию. Закончилась война, освободили нас и отправили в Сибирь, в Енисейский район. Взрослые готовили эти дрова, был и я с ними. Дрова пилили поперечной пилой, возили на конях. Привезли как-то быка тощего, старого. Телеги для него не оказалось. Сделали из тонкой ёлки волокушу с толстым корнем. На неё положили дрова, а бык ни с места, я ему горбушку хлеба скормил, травы зелёной рвал, давал, не хочет идти. Старший брат рассердился, хлестанул по спине дрыном, как рванул тот бык, перескочил через дорогу и врезался в большой куст, завалился. Никак его не могут поднять. Бились, бились, обрезали гужи, только тогда поднялся.

Вот так жило в те годы наше поколение. Рассказываю иногда молодёжи, так не верят.

Наконец, к месту посадки подошёл долгожданный автобус. Не грузовая машина, или колесник-пароход. Он довёз без ЧП пассажиров до места назначения.

Март, 2004.

Грузди, лисички, маслята.

Назвался груздем – полезай в кузов. Пословица эта верная, только прежде, чем оказаться в лукошке, надо знать, где найти. Грузди, лисички, маслята, белые грибы растут на косогорах, лесных полянах, в овражках, около сосен или берёз, там, где больше припекает солнце, а в урожайный год – повсеместно.

Появляются лисички рано, после обильного тёплого дождя.

Пошёл я за лисичками, хорошо знал, где они растут. На первой полянке, около небольших сосёнок их не оказалось. Поднялся на горку, прошёл по косогору, и лишь на пятой поляне увидел совсем маленькие, только что проклюнувшиеся из земли. Не расстроился, что набрал мало, зато убедился – лисички появляются. Через два-три дня посещал знакомые места и набирал иногда по полному кану небольших жёлтеньких лисичек.

Белый гриб тоже не любит задерживаться. Он в числе первых, толстоногий, с большой шляпкой, радует грибников. Найти белый гриб – большая удача! Если увидел один, то внимательно гляди рядом, обычно, их бывает три-четыре, иногда до пятнадцати. Однажды, я издали заметил несколько высившихся над травой коричневатых шляпок белых великанов, да таких больших! Срезал складным ножом один, а он старый, червивый. Во втором выбрал немного доброго, что можно взять. Гляжу, в сторонке молодые, давай их резать, аж глаза разбежались, не знаешь, за какой братья. Не менее двадцати взял. Вот это да! До и после столько не попадалось.

А как интересно собирать маслята! На одном месте можно взять сотню. Правда, век маслят недолгий, растут быстро, но и черви их любят. На третий день они уже большие, больные, становятся мягкими и не годятся для сбора. Как-то с хорошей ношей грибов разных иду домой уставший, поднялся из лошины на пригорок, точнее, поляну, гляжу – полно грибов. Показалось, что поганки, пнул один, он не рассыпался, твёрдый. Взял в руки – да это же маслята! Нарезал с ведро, хорошо ещё со мной был вещмешок на всякий случай, а то бы я не знал, куда положить.

Безусловно, среди названных грибов, кроме белого, можно назвать сырой груздь с завернутыми мохнатыми каёмками по краям. Они растут в любимых местах, больше на косогорах, в траве, а потом везде, часто около берёз, сосен, на солнцепёке.

Растут грузди грудками, потому, видно, и называли их груздями. Если нашёл один, гляди кругом, раздвигай траву, обязательно найдёшь ещё, бывает, и порядком.

Приметил я одну истину про грибы: растут больше обособленно, каждый вид отдельно и появляются по какому-то сигналу почти день в день первые: сначала лисички, белые грибы (боровики), за ними маслята, грузди, подосиновики, подберёзовики, опята и т. д. Многие из них живут, когда позволяют необходимые условия, до глубокой осени.

Нужно сказать об опятах, самых поздних, с тонкими ножками. Они вырастают ближе к осени, когда становится прохладней, больше около старых берёзовых пней. Некоторые облеплены кругом, растут также на земле. Как-то ходили мы с внуком Максимом. Парень он спокойный, не забегал вперёд, не торопился. Найду ему пенёк с обложенными вокруг молоденькими опятами, позову его, сам иду на землю. Увижу второй пенёк с обилием этих длинноногих, белесоватых грибов, покажу ему. Вблизи поляны-пастбища нарежали мы тогда много опят, шли домой довольные, ведь найти их не всегда удаётся, опять же надо знать места.

Много лет ходил за грибами, знал, где ждут меня лисички, маслята, грузди, потому всегда приносил их вёдро, а то два.

В заключение, хочу сказать, что я никогда не торопился, искал грибы вдоль косогора или на поляне. Иду в одну сторону, поверну обратно, и так, пока не обследую косогор или поляну. Встречаются грибники, обгоняют. Я не спешу, в шутку говорю себе: твои грибы никто не возьмёт.

Тихая, неторопливая «охота» за грибами на свежем воздухе в лесу, даёт грибнику укрепить здоровье, продлить жизнь.

Воспитание коромыслом.

Шёл июль. Заготовка кормов в полном разгаре. На лугах высились зароды сена, в ямах укрыт добротный сенаж.

Бригадир Илья Савельев, в прошлом трудолюбивый механизатор, был доволен результатами прошедшего дня, вечером сказал членам механизированного звена:

- Сегодня, ребята, вы поработали хорошо, завтра, думаю, поднажмём, с этим полем управимся.

На следующий день механизаторы собрались рано. Прогноз сообщил, что погода будет хорошей. Трактористы и шофёры заправили горючим машины, отправились в поле. Андрей Молчанов заехал домой, взял приготовленную женой «авоську» с обедом, направился за деревню, где убирал сеяные травы на «КИР-1,5». У крайнего дома его остановил Кузьма Мешков.

- Ты куда торопишься, Андрей? Если на работу, то она в лес не убежит!

- Говори, если что по делу, меня ждут...

- Конечно, по делу. Понимаешь, какое дело. Да ты спустись на землю, ведь ничего не услышишь! – кричал Мешков. Андрей отошёл от грохочущего трактора.

- Понимаешь, какое дело, - повторил Кузьма. – Да чо говорить, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдём, чо тебе покажу. – Кузьма повёл Андрея через двор в огород, к картофельной ботве.

- Куда ты меня ведёшь? Мне некогда!

- Понимаешь, в ботве всё дело, - Кузьма раздвинул перед Андреем высокую ботву, в ней стоял лагушок.

- Теперь понимаешь? – не дал Андрею вымолвить слова, заторопился, - сделала Ленка браги, поставила от меня в погребок, я зачем-то полез в него и нашёл. Она утром уйдёт коров доить, я туда, одну-две кружечки тяпну. Позавчера снова полез, а лагушка там... тью-тью. Целый день искал, понимаешь, нашёл голубчика, вот в этом самом месте, сильно обрадовался.

Андрей слушал и хохотал от души, представляя, как искал Кузьма лагушок с крепким напитком.

- Да чо я тараторю, тут теперь есть кружка и закуска! – словно по волшебной палочке в руках появилась пол-литровая кружка и солёный огурец, торопливо налил. – Давай, попробуй, выпей, за то, что нашёл её, окаянную! – громко смеялся Кузьма.

- Да ведь на работу надо, - нетвёрдо запротестовал Андрей.

- Чо для тебя одна кружка? Прошу тебя, уважь.

- Ну, разве что одну, - согласился тот.

Выпил Кузьма, крикнул и захохотал: - Всяк пьёт, да не всяк крикает. – Закурили, хозяин предложил повторить.

- Не, не, я пошёл, меня ждут, - стал отнекиваться механизатор.

- Да ты чо? Ежели другой не выпьешь, то хромать станешь!

- Ну, ладно, давай, да я пойду. – От выпитой второй кружки глаза у Андрея посоловели, в голове зашумело, развязался язык, он забыл о работе. Назюзюкались оба, тут же свалились на ботву «отдохнуть».

Жена Кузьмы Елена, немолодая, но крепкая, своенравная женщина, и жена Андрея Зина – работали доярками. После утренней дойки они возвращались домой, глядят, трактор тарыхтит, никого не видно.

- Что он тут, давно пора в поле быть! – Заволновалась Зина.

Елена заторопилась в ограду, затем в огород, увидела мужиков и завопила:

- Ой, божечка ты мой, и тут нашёл!

Она застонала от злобы, подскочила к мужу, на чём свет стоит, понесла на словах своего непутёвого муженька, а тот, раскинув руки, спал мертвецким сном.

- Да чтоб ты подох, да чтоб ты захлебнулся, ненасытная твоя утроба! И когда ты нажрёшься, и когда ты перестанешь меня мучить?!

От громкого душераздирающего крика проснулся Андрей, открыл глаза, он не сразу понял, где находится. Видит, орёт жена Кузьмы, а на него смотрит со злостью его жена, проворно сел и глядит недоуменно, слышит теперь шипящие слова Зины, всегда добродушной и ласковой:

- Так вот где ты работаешь, Андрей Петрович! – она распалась всё больше. – Тебя звено ждёт в поле, а ты тут прохлаждаешься! Как тебе не стыдно! Такой день хороший, успевать надо корма готовить для скота! Ну молодец! Наелся и дрыхнет!

Андрей готов был провалиться сквозь землю, только бы не видеть и не слышать разгневанных женщин.

Жена Кузьмы схватила пьяного муженька за редкие рыжие волосы и посадила на мягкое место. Тот что-то невнятно «мычал», озирался по сторонам, голова не удержалась, он свалился на ботву. Елена, потеряв над собою контроль, схватила висевшее на заборе коромысло и...

- Вот тебе! Вот тебе! – обрушила серию ударов по чему придётся, тот вяло защищался руками, вертелся, продолжая «мычать» непонятно что.

- Да когда ты перестанешь пьянствовать, жизнь мне отравил, глядеть не могу на тебя!

- Ну, хватит, не буду боле! – наконец взмолился пьяница-муженёк.

- Дочь с зятем жду в гости, для встречи немного сделала, нашёл, перепрятала, тут нашёл и вылакал! Чтоб ты провалился сквозь землю!

Андрей в деревне слыл хорошим механизатором, считали его серьёзным мужиком, в меру употреблял спиртное. У него хмель будто ветром выдуло, он проворно вскочил, напрямик перелез через забор, побежал к трактору, а вслед ему неслись нелестные, грубые слова:

- Вот тебе! Вот тебе, пьянице ненасытному!

Август, 1991.

Содержание.

Повесть «Это было в двадцатом веке»

1) Солдат Первой мировой войны.....	4
2) Человек без горя и беды не живёт.....	36
3) После Великой отечественной войны.....	66
2. Рассказы на охотничьи, рыбацкие и другие темы.....	110

На причулымских озёрах.....	111
Шатун-убийца.....	113
Тайга лодыря не любит.....	115
Выдры на озере.....	118
Будь другом природы.....	119
Чувыш.....	122
Браконьеры.....	123
Сердце матери.....	124
Старость – не радость.....	126
Спасли старика-рыбака.....	129
Один день в больнице.....	130
У кассы автовокзала.....	131
Грузди, лисички, маслята.....	133
Воспитание коромыслом.....	134

Тираж 200 экз.

Изготовлено в ООО «Поликом»
660017, г. Красноярск, ул. Ленина, 113, оф. 413
тел. 23-52-73, 29-63-58
E-mail: polimt@krasline.ru